

Писатели Бурятии Детям

Антология

том 1

Улан-Удэ
2023

УДК 821.512.31
ББК 84(2=642)
П 343

Составители
В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова

П 343 Писатели Бурятии детям : антология в 2-х т. Т. 1 / Сост.:
В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова. – Улан-Удэ : Номад (ИП
Дамдинжапова О. Б.), 2023. – 336 с. : цв. ил.
ISBN 978-5-6050883-6-3

В 1 том вошли произведения на русском и бурятском языках классиков бурятской литературы А. Бальбурова, Н. Дамдинова, Д. Жалсараева, М. Жигжитова и других известных авторов, а также современных писателей, пишущих для детей.

ISBN 978-5-6050883-6-3

УДК 821.512.31
ББК 84(2=642)

© Издательство «Номад»
(ИП Дамдинжапова О. Б.), 2023 г.

Шаалай Шаанай хоёр

Эртын эртэ сагта
Энэ дэлхэйн эртэдэ,
Урдын урда сагта
Улад зоной баргада,
Хүхэ голой эхиндэ,
Хүбшэ тайгын хаяада,
Урса гэрхэн барижа,
Утаа гарган бааюулжа,
Аха дүүнэр хоюулаа
Айл нууһан юм һэн ха.
Тэрэ хоёр хүбүүд
Тэнэг сэсэн хоёр һэн.
Шаалай гэдэг ахань
Шамбай ехэ бээтэй,
Шадал ехэ хүсэтэй,
Шалбагар зузаан уралтай
Шал тэнэг юм һэн ха.
Дүү хүбүүн Шаанайнь
Дүүрэн сэсэн ухаатай,
Тусгаар олон аргатай,
Тунгалаг хурдан хэлэтэй,

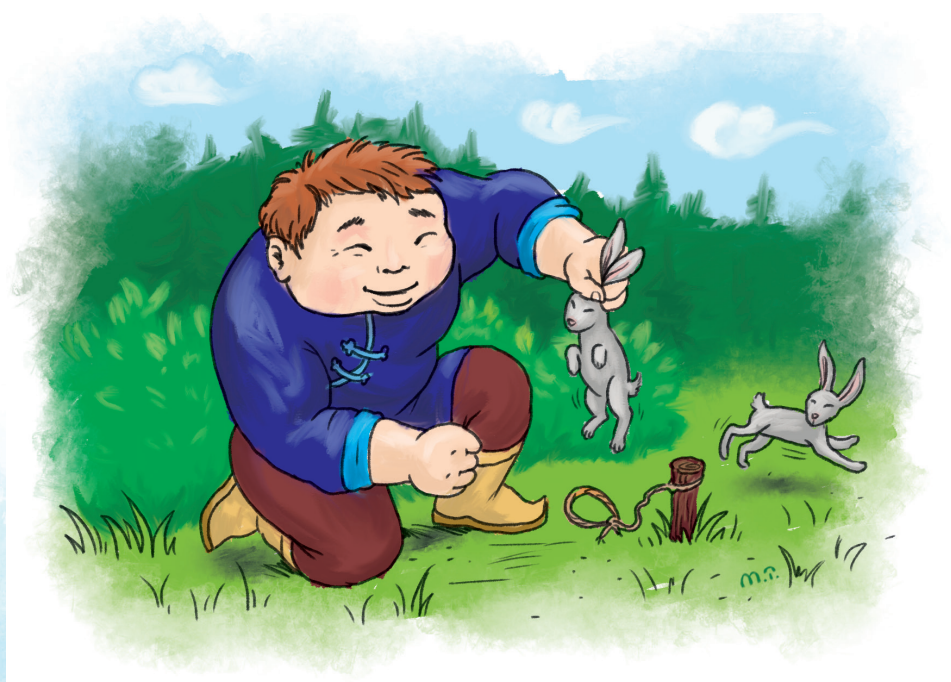
Торгон нимгэхэн уралтай,
Онсо мэргэн харбаатай,
Ой сэсэн юм нэн ха.
Иимэ хоёр хүбүүд
Эжытээ гурбуулан
Хоёр харагша үнээтэй,
Хотошо Түмэр нохойтой,
Урьхаар ан баридаг,
Зангаар загаһа баридаг,
Хогшол зөөрээр дутаагүй,
Хоолой юумээр туляагүй,
Амгалан тэнигэр байдалтай
Ажана һуудаг юм нэн ха.
Уһа мүрэн урдажа байба,
Саг жэл үнгэржэ байба,
Саһа, бороо орожо байба.
Он жэлэй ошохо бүри,
Уһа мүрэнэй урдаха бүри
Урьхань удардаг боложо,
Зангань задардаг болобо.
Ой сэсэн Шаанай
Зангаа яажа заһахые,
Урьхаа яажа уяхые,
Ангууряа яажа арбичуулхые,
Анхаран нэгэтэ бодобо.
— Шал тэнэг Шаалай,
Шалбааг сохижо байлтагүй:
Хүн хадаа хүдэлэг,
Амитан хадаа албалаг, — гээд,
Олоһо нооһо ээрэжэ,
Урьха зангаа заһажа,
Ахаяа дуудажа асараад,
Арга заажа захалба:
— Ай, тэнэг ахаймни,
Агнаха ябаха хэрэгтэй.
Ажалгүй һууха гээшэмнай

Адаг муухай хэрэг юм.
Урьха табижа нура,
Занга табижа занша.
Хатуу шэрүүниие үзэхэ
Хабаш болоо гээшэл даа,
Саһа бороондо даараха
Сагшни ерээ, — гэбэ ха.
Урьха, зангаяа үзүүлжэ байжа,
Уруу өөдөн эрьюулжэ байжа,
«Урьха иигэжэ табидаг юм», — гэжэ
Заабари ехээр заабарилаад;
— Бархагар хара харганаатай
Баруун хонхор абаашаад,
Батаар уяжа табяад ерэ.
Үдэшэ бүри шалгажа,
Үглөө бүри үзэжэ,
Ороһон юумыень барижа,
Үтэр нашань асархаш.
Энээниие хээд байгаа һаа,
Хара тархья хаража шадахаш,
Хажуудахи хүндөө туһалжа шадахаш, — гэжэ
Гэмэрэн байжа нураад,
Тэндэ байһан урьхаяа
Тэбэрюулжэ ябуулба.
Шал тэнэг Шаалай
Ойлгоһон газартаа урьхалаад,
Заалгаһан газартаа зангалаад,
Гэдэргээ һөөргөө тэхэрижэ,
Гэртээ бусажа оробо.
Ой сэсэн Шаанай:
— Одоо миин нуултагүй,
Олзын хойноһоо ошохом,
Хайрын хойноһоо харахам, — гээд
Хотошо нохойгоо дахуулжа,
Хойто хүхэ хүбшэдөө
Хонон агнахаар гараба ха.

Хүбшэ хангайн хаяагаар,
Хүлэр модоной буртагаар
Нүни дүүрэн тэнэбэ,
Нүгнэ нэтэ махаба,
Ябагаар ябан туйлажа,
«Яналын» оройдо хүрэбэ.
Үүрэй сайһанай нүүлхэнээр,
Үглөөнэй улаан наранаар
Харан гэхэдэнь – халюунууд,
Болгоон гэхэдэнь, булганууд
Модон бүри монсоролдобо,
Гэшүүһэн бүри хатаралдаба.
Ой сэсэн Шаанай
Булгануудыень буудажа мэдэбэ,
Халюухануудыень харбажа мэдэбэ.
Бууда буудаһаар булгануудаа
Бухалай зэргэ обоолбо,
Харба харбаһаар халюунуудаа
Хадын зэргэ суглуулба –
Ой сэсэн Шаанай
Одоо сэдхэлээ ханаба,
Олзо боро булгадаа,
Олон хүрин халюудаа
Орой дээрэ обоолжо,
Уулын зэргэ болгоһоор,
Хабтага соогоо хадагалжа,
Хадын зэргэ болгоһоор,
Баярай ехэ бардамтай,
Баясхалангай ехэ хүхюутэй,
Алхалааб гэжэ гэшхэлэн,
Арбан сажан хүрэжэ,
Жороолооб гэжэ ябажа,
Зургаан сажан хүрэжэ,
Агшан зуурын талада
Айлдаа хүрэжэ бусаба,
Гэшхэм зуурын барагта

Гэртээ хүрэжэ ерэбэ.
Гэртээ ерэн гэхэдэнь,
Гэнэн тэнэг Шаалай
Олиг тэнэгээ бараагүй,
Ошожо урьхаашье үзөөгүй,
Шал тэнэгээ бараагүй,
Шандагаяа ошожо абаагүй,
Гэзэгээ задалан наадажа,
Гэрээрээ дүүрэн дэбхэржэ,
Хүлөөрөө хүл хэжэ,
Хүльбэржэ, мухарижа,
Һүхиржэ, шашхажа байба ха.
Ой сэсэн Шаанай
Орожо ерэнээр гэмэрбэ,
Шал тэнэг ахая
Шабхуурдан наншан алдаба:
— Нохой яндан аашатай,
Нобшо залхуу дэбтээри, — гэжэ
Гэмэрэн байжа хараагаад,
Урьхаяа үзэхыень эльгээбэ,
Зангаяа харахыень ябуулба.
Тэнэг Шаалай ошожо,
Тэрэ урьхаяа үзэхэдэнь,
Хани хоёр шандаган
Хаагдашаһан байба ха.
Шал тэнэг Шаалай
Хоёр шандагадаа абажа,
Гайхахын ехээр гайхаба,
Эльбэхын ехээр эльбэбэ:
— Хоёр хайран шандагадни,
Яагаа һайханууд юмта,
Яагаа гоёхонууд юмта!
Ябажа талиижа харигты,
Нютагтаа талиижа бусагты, — гэжэ
Һайхашаан байжа табижархёод,
Шандагаагүйгөөр бусаба ха.

Сэсэн дүүдээ ерэбэ,
Сэхыень баран хэлэбэ:
— Урьхадаа ошожо ерээб,
Ороһон юумыень үзөөб.
Хани хоёр шандаган
Хабшуудашаһан байба.
Гайхахын ехээр гайхабаб,
Эльбэхын ехээр эльбэбэб.
— Хоёр хайран шандагадни,
Яагаа найханууд юмта,
Яагаа гоёхонууд юмта,
Ябажа харигты даа,
Нютагтаа бусэгты даа, — гэжэ
найхашаһандаа табяад,
Шандагагүй ерэбэб, — гэбэ.
Ой сэсэн Шаанай
Угаа ехээр уурлажа,
Тэнэг мунхагыень гайхажа,

Тэнхээ тамираа алдаржа:
— Баригдаһан юумыень бү таби,
Бажуужа алаад, асардаг бай, — гэбэ.
Үглөөдэрынь боложо,
Үнөөхи тэнэг Шаалай
Ухаандаа оруулан һанажа,
Урьхаа үзэхөөр ошобо.
Хүрэжэ ошоод харахадань,
Хүгшэн эхэнь хабшуулдаад:
— Хүбүүм, үтэр туһалыш,
Хүгшэн эхээ гаргыш.
Үглөөгүүр эндэ мэдэнгүй,
Үнээдээ туужа ябатараа,
Хара муухай зангадаш
Халтиран орошобоб, — гэбэ ха.
Шал тэнэг Шаалай
Шашажа удаан байбагүй:
«Дууһан алаарай» — гэнэн
Дүүгэйнгээ захяа дүүргэжэ,
Баригдаад байһан эхээ
Бажуун алахаяа забдаба.
Хүбүүн Шаалайнгаа тэнэгыень,
Хүдөөдэ алажа болохыень
Элирхэй найнаар мэдэхэ
Эхэнь иигэжэ хэлэбэ:
— Ангай зангада орогшодые
Алаха гээшэш зүбтэйш һаань,
Шамдажа намаяа гаргажа,
Шаанай дүүдээ абааша.
Абаашаад гэртээ намаяа
Алаха болихо хоёроо
Дүүтэээ хожуулан хэлсэжэ,
Дүүргэхэт, — гэжэ эхынгээ
Үгэлэн хэлэхые ойлгожо,
Үрөөһэн хүлөө булгарһан
Үтэлһэн эхээ үргэлөөд,

Үргэн ехээр алхалжа,
Гэшхэн ехээр гэшхэлжэ,
Гэртээ бусажа ерэбэ.
Сэсэн Шаанай дүүдээ
Сэхыень дууһан хэлэбэ...
Ой сэсэн Шаанай
Ухаа мэдээ алдажа,
Уураа ехэ хүрөөшье наа,
Дүүрэнхэн хэрэгыг мэдэжэ,
Дуугай болон намдажа:
— Эжынгээ бэе эмнүүлхэ
Эмшэниие залажа ерэ, — гээд,
Дүнгээ тэнэг Шаалайгаа
Эмшэн тээшэ эльгээбэ.
Дан тэнэг Шаалайн
Дасан хүрэжэ ерэхэдэнь,
Хөөрэхэ дуугарха хүн үгы
Хүнды дуган байба ха.
Шаалайн гайхан харахада,
Шалхагар ламын шэнжэтэй
Шабар бурхан байба ха.
Шамдагай хажуудань ошожо,
Ушар хэрэгээ тайлбарилжа,
Уряал залал айладхаба.
Шабар бурхан шалхайжа,
Шал дуугай нуухадань:
— Дээрэнхы хэдэр лама, — гээд,
Дэндүү ехээр сухалдан,
Хүзүүнһэнь боожоор ооһорлон,
Хүтэлэн зүдхэхэ гэхэдэнь,
Табхар шабар бурханай
Тархинь таһаран унашаба.
«Шалхайжа эндэ нуутараа,
Шабар болошоо юм байна», — гэжэ
Хара хубидаа һанажархёод,
Ганса толгойень тэбэрин,

Газаашаа гаража ябаба.
Тэрэ гэхын барагта
Хожогор ламбагай орожо,
Хорижо толгойень орхюулаад,
Ламын ошоһон газарые
Лаблан заажа үгэбэ.
Шал тэнэг Шаалай
Саашаа зорин ошобо.
Хадатай модотой харгыда
Хаялуулан гэшхэлжэ ябахадань,
Хара гүрөөһэн — баабгай
Халдажа добтолон ерэбэ.
Мундуу тэнэг Шаалай
Мушхан бажуун алажархёод,
Ламын ошоһон нютагта,
Ламатан байһан газарта
Залан сэхээр ерээд,
Залал айладхан золгобо.
Ямбархуу зантай лама
Яб таһа арсаба:
— Ябагаар ерэхэн шамтай
Яажа ошохобиб? — гэбэ.
Хүшэ тэнхээ ехэтэ
Хүйхэр тэнэг Шаалай:
— Хүшэмни яһала ехэ юм –
Хүзүүн дээрэм һуу, — гээд,
Хүндэ шалхагар ламаяа
Хүзүүн дээрээ үргэлэн,
Түрүүн ерэхэн харгыдаа
Түргэн гэшхэлэн оробо.
Шалхагар лама мэгдэнги
Сошордуу дуугаар хэлэбэ:
— Байзыш, нүхэр, аргаарыш,
Буруу замда орообди,
Хара гүрөөһэнэй ябадаг
Харгы гээшэл энэмнай.

Ондоо, тэрэ харгыда
Ороё, — гэжэ уухилба.
Аараг тэнэг Шаалай
Асууһан ламадаа харюудань:
— Арьяатан хара гүрөөһые
Алаад ерээ һэм, — гэбэ.
Лама ехээр гайхажа,
Лаблан ехээр асууба.
Тэрэ харгыгаарнь ябабад,
Хара гүрөөһэнэй бэеые
Харан үзэн байхадаа,
Яагаад алаһан ушарыень
Яаран лаблан асууба.
Эрьюу тэнэг Шаалай
Элеэр ойлгуулхые оролдон:
— Иигээд алааб, — гэжэ
Ламын хүжүүн хүзүүе
Лабхан баряад бажууба.
Ламань тэндээ тарайжа,
Лаглагар бэень нуларба.
«Хэдэр байха лама хүн,
Хэдэрлээд хэбтэнэ», — гэжэ
Тэрэ ламынгаа бэеые
Тэбэрин гэртээ ерэбэ.
Яндан тэнэг Шаалай
Ябадалаа баран хэлэбэ,
Ухаан сэсэн Шаанай
Уур сухал болобо.
Хараалай муугаар хараажа
Шэрээлэй муугаар шэрээбэ.
— Эгэшэдээ түргэн ошожо,
Нэгэ хүнэг һү,
Сэршэ торгон хадаг,
Тэбхэ ногоон сай
Эрижэ ерэ, — гээд, эльгээбэ.
Эрьюу Шаалай ошобо,

Эгэшиндээ хүрэжэ оробо.
Эрижэ ерэнэн эрилтыень
Эгэшэнь дүүрэн зүбшөөгөөд:
— Хонидоо хаагаагүй байгааб,
Хонидыем ошожо асара, — гээд,
Уһанай саада бээдэ
Уймар дүүгээ эльгээбэ.
Хонгор тэнэг Шаалайнь
Хонидыень ошожо туухадань,
Урагшаа, хойшоо гүйлдэжэ,
Уһа гаража үгэбэгүй.
Яажашье гаргажа ядахадаа,
Яһала гайхан тагнажа:
«Гуталтай хадаа иигэнэ», — гээд,
Туруунуудыень абаад туршаба,
Туһа юрэдөө болобогүй.
«Гуталыень дахин үмэдхүүлхэм», — гээд
Туруунуудыень баһа углаба,
Туһа юрэдөө болобогүй.
Арга хабаа барагдаад,
Абгайдаа ерэжэ хэлэбэ:
— Гуталтай хадаа гаранагүй гээд,
Гуталыеньшые тайлаад туршабаб,
Гарахагүй хонид байбал даа.
Гуталаа үмдэхөө һанаа гээд,
Гуталыень үмэдхөөдшые үзөөб,
Гарахагүй хонид байбал даа.
Иигэжэ хэлэжэ ерэхэдэнь,
Эгэшэнь ехэ уурлаба:
— Хүбүүем уйлуулангүй хаатуулаад,
Хүлээжэ эндээ һуугаарай, — гээд,
Хонидтоо өөрөө ошобо.
Хүйхэр тэнэг Шаалай
Хүбүүнэйн үлгы хүдэлгэн,
Ханхинама гоёор дуулажа,
Харан хүлээн һуутарнь,

Үтэнэй хара алаяһан
Үлгэтэй хүбүүнэйн зулайда
Ниидэжэ ерээд һууба ха.
Алаяһа хаража байтараа,
Нарин нягтаар маряжа,
Няһалан алан гэхэдэнь,
Нарай хүбүүниинь гэнтэ
Найргүй ехээр бархирба.
Ухаа муутай Шаалайн
Уурын ехээр хүдэлжэ,
Үрхөөр абажа хүбүүгээ
Өөдэнь шэдэхэ гэжэ
Эгээл забдан байхадань,
Эгэшэнь бусажа ерэбэ.
Ушарыень эгэшэнь мэдэжэ,
Ухаа мэдээ алдажа,
Халаг хухы халаглан,

Хараал шэрээл табижа,
Эриһэн юумыень барюулаад,
Эрьюу дүүгээ үлдэбэ.
Хашалгүй тэнэг Шаалай
Харгыгаар бусажа ябаба.
Хадын хормойдо хүрөөд,
Харан үзэн гэхэдэнь,
Хара хирээ дээхэнүүрнь
Хаагалан ниидэн ябаба.
— Энэ шубуун намһаа
Эдихэ юумэл эрээ ха,
һөөл ехээр хаахирна:
Һү эрээ гээшэ, — гээд,
Хүнэгтэй һүеэ адхажа,
Хирээ тээшэ хаяба.
Саашаа ябажа ябахадаа,
Сагаан хуһан модоной
Һалхин һэбшээдэ үлээгдэн,
Һагсалзажа байхада:
— Хадагыем эрээ гээшэ, — гээд,
Хадагаа хуһанда уяба.
Баһа саашаа ябаба.
Байса хадын үбэртэ
Булаг уһан бурьялжа,
Бусалһан шэнги байхадань:
— Сайем эрээ гээшэ, — гээд,
Сайгаа бутарган үйжэрхёод,
Сарюун тунгалаг уһанһаань
Садатараа уугаад арилба.
Бусажа гэртээ ерэжэ,
Болоһон хэрэгүүдээ хэлэбэ:
— Харижа ерэжэ ябахадам,
Харахан хирээ золгобо,
Хаб харань гайхалтай.
Хайратай шубуун ниидэжэ,
Һү эрин элихэдэнь,

Нүеэ хаяжа үгэбэб.
Наашаа ябажа ябатарни,
Нарин хуһан найгалзан
Хадагыем эрин ганхаба,
Хадагаа үгөөд ерээлби.
Баһа наашаа ябахадам,
Булаг уһан бурьялжа,
Бусалан жэргэнэн байхадань,
Сайем эриһыень мэдэжэ,
Сайгаа уһандаа үйжэрхёод,
Садатараа уугаад, ерэбэб, — гэжэ
Дүү хүбүүндээ хэлэһэндээ
Гэмнэгдэжэ байхадань,
Эхээ эрьежэ үзэхээ
Эгэшэнь хүрэжэ ерэбэ.
Үгэһэн юумыень барандань
Үгы болгоһон байхадань:
— Хонгор тэнэг дүүмни
Хонидойм туруу нугалжа,
Хонидыем хүлгүй болгобо.
Нарай хүбүүнэйм зулайе
Няһалан ехэ зобообо.
«Энэ тэнэг Шаалайгаа
Эрид шангаар хэһээ», — гээд,
Хэлэн эхи татажа,
Хэлсэн захалан байба ха.
Тиигэжэ хэлсэжэ байхадань,
Тэрэ хэһэн гэмүүдээ
Тэнэгшые һаа, тухайлаад,
Тэмээгээ унан тэрьелһэн
Үүхи тэнэг Шаалайн
Ульгэр иигэжэ дүүрэдэг юм,
Үргэлжэлэн саашань хэлсэдэг
Үхибүүд бии ха гэлсэдэг юм.

ЭРЭЭН ГҮРӨӨНЭ ЭМЭЭЛЛЭГШЭ

Эртэ нэгэн сагта,
Энэ дэлхэйн эхиндэ,
Зуун наһа наһалһан
Зуудай буурал хүгшэн
Зургаа наһа наһалһан
Зулгы нэгэ хүбүүтэй
Бэе мэндэ байба ха,
Амар мэндэ һууба ха.

* * *

Нажар халуун сагта,
Наратай нэгэн үдэртэ,
Зуудай хүгшэн иигэжэ
Зургаатай хүбүүндээ хэлэбэ ха:
— Хойто үргэн таладаа
Хонидоо гаргажа адуулал даа, — гэжэ
Зургаатай хүбүүтээ эльгээбэ,
Гэртээ тиигээд үлэбэ.
Хүбүүн гэртээ бусахадаа,
Хүхюутэй баяртай бусаба:
Боро гүрөөнэ барижа,
Боожолжо унаад тэхэрибэ.
Гэртээ бусажа ерэхэдээ,

Газаагаа тулажа ороходоо:
— Буурал эжы, харыт даа,
Борохон энэм юун гээшэб? — гээд,
Хүбүүн хүйхэр ооголжо,
Хүгшэн эхэнхээн асууба.
Гэнтэ эжынь сошоһондоо:
— Борохон энэшни, хүүгэмни,
Боро гүрөөһэн гээшэл даа.
Боожолжо, юрэдөө, болохогүй,
Бусаажа түргэн таби, — гээд,
Боро гүрөөһыень табюулжа,
Боори тээшэнь үлдүүлбэ.

* * *

Үглөө үдэрынь болобо.
Үнөөхи бага хүбүүхэн
Хойто үргэн таладаа
Хонидоо туужа гараба.
Харижа гэртээ ерэхэдээ,
Тэхэрижэ эхэдээ бусахадаа,
Хадын хара гүрөөһэ
Хазаарлажа зайдаар унаһан,
Хонгёо нарин хоолойгоор
Ханхинаса дуулан ерэбэ.
Хүрэжэ гэртээ ерэнхээр,
Хүгшэн эхэнхээн асууба:
— Хариш наашаа, эжымни,
Харахан энэм юун гээшэб? — гээд,
Гэртээ хүрэн хаахиржа,
Гэнтэ эхээ сошообо.
Хүгшэн эхэнь сошоһондоо:
— Ай, энэшни, хүбүүмни,
Аюултай амитан гээшэл даа:
Хара гүрөөһэн гэдэг юм,

Хада тайгаар тэнэдэг юм.
Харин, иимэ гүрөөһые
Хазаарлажа болохогүй,
Харюула, — гэжэ табюулба,
Хада тээшэнь намнуулба.

Нүгөө үдэрынь болобо.
Үнөөхи бага хүбүүхэн
Хойто үргэн таладаа
Хонидоо туужа гараба.
Хүбүүн, бусажа ерэхэдээ,
Хүхюутэй баяртай ерэбэ:
Эреэн гүрөөһэ барижа,
Эмээллэн унаад тэхэрибэ,
Эхэдээ һайрхан хэлэжэ,
Эхэһээн лаблан асууба:
— Эмэгэн эжы, үзыш даа,
Энэ гоём юун гээшэб? — гээд,
Хүгшэн буурал эхээ
Голдонь хүрэтэр сошообо.
Хүгшэн эхэнь сошоһондоо:
Энэшни аймшагтай арьяатан,
Эреэн гүрөөһэн юм,
Эмээллэгдэдэггүй амитан лэ,
Энэ дарыдаа таби, — гээд,
Эреэн гүрөөһыень табюулжа,
Эжэл тээшэнь үлдүүлбэ.
Эреэн гүрөөһөө табижа,
Эжэл тээшэнь үдэжэрхёод,
Эрэлхэг бага хүбүүхэн
Энээн тухайгаа бодобо:
«Эмэгэн буурал эжымни
Олоһон ангыем алдуулба,
Барихан ангыем табюулба», — гэжэ

Гомдон дотороо сэдхэжэ,
Гэмшэн ехээр муулаба.
Хүгшэн буурал эхэдээ
Эрхэжэ зангаа хубилба.
Хони ямаан хүрэгөө
Харюулхаяа болижо,
Арын уужам талада
Адуулхаяа болибо.
Бургаана модо отолжо,
Таяг хэжэ тулаба,
«Бойр» хада зүглэжэ,
Тэнэхэ гэжэ талииба.
Түүхэ бэдэрхээ тэнэбэ,
Талаар хэнэхээ талииба.

* * *

Тиигэжэ тэнэжэ ябатараа,
Гэнтэ харан гэхэдэнь,
Тэндэ нэгэ хүбүүхэн
Хадые абажа, талада табижа,
Уулые абажа, губида табижа
Байба гэхэ гансаараа.
Тэрэ хүбүүнэй хажууда
Зургаатай бага ошожо:
— Эй, нүхэр, яаһан
Хүсэтэй, аймшагтайбши? — гэжэ,
Хүбүүнһээ асуун байхадань,
Хүбүүн гэдэргэ харюусаба:
— Би аймшагтай бэшэлби.
Бүри аймшагтай хүн гээшэ
Эрөөн гүрөөһэ эмээллэн унадаг,
Боро гүрөөһэ боожолон унадаг,
Хара гүрөөһэ хазаарлан унадаг –
Тиимэ нэгэ хүбүүн бии,
Тэрэл аймшагтай, — гэбэ ха.

Зургаатай хүбүүн баярлан,
Зугаалан тэрээндэ хэлэбэ:
— Нүхэр, тэрэшни би гээшэб,
Нүхэсэе хоюулан хамтаржа, — гээд,
Таатай янзаар хэлэжэ,
Тааран, амья нэгэдэбэ.
Нүхэр болон нүхэрлэжэ, сугтаа ябаба,
Хани болон хамтаржа, хамта ябаба.

* * *

Нүхэд болон нүхэрлөөд,
Хани болон хамтараад,
Саашаа алад ябажа,
Сагаан талада гарахадань,
Баһа нэгэ хүбүүхэн
Уһа балган абажа,
Далай болгон тогтоожо,
Үлээн, турьян далайгаа
Үгы болгожо байба ха.
Тэрэ хүбүүндэ ошожо,
Тэрэ хоёр золгоходоо:
— Ши яагаа аймшагтай
Хүсэтэй шадалтай хүн гээшэбши? — гэжэ
Ерэнэн хоёр гайхалсан
Золгоһон хүбүүндээ хэлэхэдэнь:
— Аймшагтай хүн гээшэ
Эрээн гүрөөһэ эмээллэдэг,
Боро гүрөөһэ боожолдог,
Хара гүрөөһэ хазаарладаг —
Нэгэ тиимэ хүбүүн бии.
Хадые абажа, талада табидаг,
Уулые абажа, губида табидаг,
Баһа хабатай нэгэн бии, — гээд,
Золгоһон хүбүүн хэлэбэ.
Ерэгшэ хоёр хүбүүдын

Ехэ ехээр хаахиралдан
— Бии юм гэдэг хүбүүдшни
Бидэл хоёр байнабди, — гэлдэн
Тэрэ хүбүүндээ хэлэбэ.
Танилсан гурбуулан хэлсэжэ,
Талархан байжа хөөрэлдэн,
Таһаршагүй эбтэй ханинууд,
Тала нүхэд болобо.
Тииһэн яаһан бэеэрээ
Тала дайдын таруу тээшэ,
Уһан голой олон тээшэ
Уруудан үгсэн ябабад.
Тала дайдын уужамаар
Талархан сугтаа ябаба,
Байрлаха газар бэдэржэ,
Балгаһан байшан бариба.
Ан гүрөөһэ агнаха
Ажалтай тэдэнэр болобо,
Эдихэ хоолоо шанаха
Ээлжээ халаа зохёобо,
Гэр байраяа нахижа,
Гэртээ нэгэниинь үлэхөөр
Гэрээ хэлсээ баталба.

* * *

Анхан үдэрэй ээлжээндэ
Хадые абаад, талада табигшань,
Уулые үргөөд, губида табигшань
Гэртээ гансаараа үлэбэ.
Эдээ шанаад байхадань,
Мяхаа болгоод нуухадань,
Нөөм болохо бээтэй,
Төө болохо нахалтай,
Баатар ехэ хүсэтэй
Барбагар үбгэн ерээд:

— Мяханһаан эдюулэ! — гэхэдэнь,
Хадые абаад табигшань
Харам сэдхэл түрэжэ,
Багахан хэршэдэһэн мяха
Тогоон сооһоо гаргажа,
Барбагар багахан үбгэндэ
— Бари, — гэжэ хаяба.
Барбагар үбгэн шамарлан,
Болгоһон мяхыень буляалдан,
Наншалдаа гарган салшажа,
Нарьяа шууяа татаба.
Хадые абаад табигшын
Шанаһан эдээ мяхыень
Сум баран эдижэрхёод:
— Садааб, — гэжэ һуняагаад,

Гүзээ гэдэнээ эльбэжэ,
Гэдэргээ бусажа арилба.

* * *

Үнөөхи хоёр хүбүүдынъ
Үнэгэ агнажа ябаһанаа,
Үлдэжэ гэртээ ерэбэ:
— Эдихэ юумэ, — гэлдэбэ.
Хадые абаад табигшанъ
Хамагаа тэдээнһээ нюужа,
Үнэниенъ хэлэхээ эшэжэ,
Үбгэндэ илагдаһанаа далдалаад:
— Битнай ехэхэн оролдожо,
Бараг эдээ бэлэдхээд,
Хүлээжэ таанараа ядажа,
Хүһөө шулуун дээрэ гарабаб.
Хараашалан таанараа байтараа,
Халижа шангаар унажа,
Хасар нюураа шалбарааб.
Тиигэжэ ябаха хоорондом
Тэнүүл зайран адхама
Эдеем харатай хулуужа,
Эдигэн байгаал, — гэбэ ха.
Үглөө үглөөниинъ эртэлэн,
Үнөөхи хүбүүдэй хоёрынъ
Агнажа гараха болобо.
Гэрээ һахиха ээлжээндэ,
Эдээ шанаха ажалда
Һорожо далай тогтоогшонъ,
Үлээжэ үгы боллогшонъ
Үлэхэ ёһотой болобо ха.
Нүгөө хоёр хүбүүдынъ
Агнууридаа ошобо.
Һорожо далай тогтоогшонъ,
Үлээжэ үгы боллогшонъ

Эдээ мяхаяа шанажа,
Баран бэлэн болгожорхёод,
Нүхэдөө хүлээжэ нуутарнь,
Үнөөхи үсэгэлдэрэй тоймог —
Һөөм болохо бээтэй,
Төө болохо нахалтай,
Баатар ехэ хүсэтэй
Барбагар үбгэн ерээд:
— Мяханһаа эдьюулэ! — гэбэ ха.
Хоёрдохи хүбүүн мундуурхан
Мяхаа гамнан харамнажа,
Багахан хэршэдэнэ мяха
Тогоон сооһоо гаргажа,
Барбагар үбгэнэй урдаһаа

— Бари, — гэжэ хаяба.
Барбагар үбгэн баһажа,
Бардам ехээр аашалжа,
Шанаад байһан мяхыень
Шанга ехээр буляалдан,
Наншалдаа, носолдоо гаргажа,
Норожо далай тогтоогшые,
Үлеэжэ үгы боллогшые
Шалба бала сохижо,
Шанаһан мяхыень эдижэрхёод:
— Садааб, — гэжэ зандарба,
Саашаа гаража арилба.

* * *

Үнөөхи агнаһан хүбүүдынъ
Үнэгэ барижа алаһан,
Гэртээ ерэн гэхэдэнь,
Норожо далай тогтоогшонъ,
Үлеэжэ үгы боллогшонъ
Шалбархай бисархай хэбтэбэ,
Эдээн, юрэдөө, байбагүй.
— Энэ яабаш? — гэхэдэнь,
Норожо далай тогтоогшонъ,
Үлеэжэ үгы боллогшонъ
Хоёр нүхэдөө мэхэлжэ,
Хорон худал хэлэбэ:
— Энэ үдэрэйнгөө эдее
Эртэхэн шанажа болгоод,
Хабсагайн оройдо гаража,
Хараашалан таанараа байтараа
Халтиржа тэндэһээ халибаб,
Хасараа шалба унабаб.
Тиигэжэ ябаһан һамбаандам
Бэлдээд орхихон эдеем
Бэдэржэ ябаһан тоймогууд

Хайран хамаг эдеем
Хулуугаа, — гэжэ хэбтэбэ.
Хооһоор гурбан залуушуул
Хооллонгүйгөөр хонобо,
Эдир хүбүүд гурбуулан
Эдеэлэнгүйгөөр унтаба.

* * *

Үдэр хоног үнгэржэ,
Үглөөдэрынь болоходо,
Баһа хоёр хүбүүдынь
Агнаха гэжэ гараба ха.
Гэрээ һахиха халаанда,
Эдээ шанаха ээлжээндэ
Эреэн гүрөөһэ эмээллэгшэ,
Боро гүрөөһэ боожологшо,
Хара гүрөөһэ хазаарлагша –
Энэ хүбүүнийнь үлөөд,
Эдеэгээ шанажа бэлдэбэ,
Хүбүүдээ хүлэжэ угтаба.
Тэрэ гэхынь барагта
Үнөөхи гайтай хүйхэр –
Һөөм ута бэетэй,
Төө болохо һахалтай
Баатар ехэ хүсэтэй
Барбагар үбгэн ерэжэ:
— Мяханһаа эдюулэ! — гэбэ ха.
Зургаатай бага хүбүүхэн
Мяхаяа тэрээнһээ харамнажа,
Баггүй муухайгаар хараажа,
Багахан хэршэдэһэ мяха
Барбагар үбгэнэй урдаһаа —
Бари, — гэжэ хаяба.
Барбагар үбгэн баһажа,
Байһан хамаг мяхыень

Буляжа эдихэл ханаатай,
Бодожо хүбүүндэ аһаба,
Салшаха ханаатай аашалжа,
Шанга шангаар дуугарба.
Эрээн гүрөөһэ эмээллэгшэ,
Боро гүрөөһэ боожологшо,
Хара гүрөөһэ хазаарлагша,
Урдаһаань бодожо ерэхэдээ,
Угзаран һахалыень таһалаад,
Алсагар үбгэнөө илажа,
Аргамжаар барижа хүлибэ,
Талын ганса нарһанда
Таба орёожо уяба.
Энэ хүбүүнэй унтаанда
Үнөөхи хүйхэр үбгэн
Уяагаа тайлан мултараад,
Гэртэнь орожо, мяхыень
Гэдэһээ садатар эдибэ,
Хурдан саашаа ошожо,
Хоргодон үгы болобо.

* * *

Агнаһан хоёр хүбүүдынь
Гэртээ бусажа ерэбэд,
Гэртэхи нүхэрөө һэрюулбэ, —
Эдихэ мяхан байбагүй.
— Энэ яабаб? — гэхэдэнь,
Эрээн гүрөөһэ эмээллэгшэнь,
Боро гүрөөһэ боожологшонь,
Хара гүрөөһэ хазаарлагшань
Хараал шэрээл табижа:
— Тэрэл нохой үбгэн
Тэбшэтэй мяхыемнай эдибэ,
Унтаандам орожо залгиба, — гэжэ
Уур сүхалаа хүдэлжэ,

Газаа гүйжэ гараба.
Галзуу түргэн ябажа,
Хорон тоймог үбгэнэй
Хүл мұрыень мүшхэнөөр
Ороһон газарыень олобо.
Үзэн харан гэхэдэнь,
Уйтан бүтүү амһартай,
Багтажа орохын аргагүй,
Баахан нүхэн байба ха.

* * *

Эрээн гүрөөһэ эмээллэгшэ,
Боро гүрөөһэ боожологшо,
Хара гүрөөһэ хазаарлагша
Абьяагүйхэнөөр нүхэнэйн
Амһарые уужам болгожо,
Гэтэжэ орон гэхэдэнь,
Үбгэнэй гэрынь байба ха.
Газар доро гэртэй
Гайта тоймог үбгэн
Алдаан өөдөө хаража,
Амаран унтаж хэбтэбэ.
Холо, саана харахадань,
Хоёр залуу эхэнэрнүүд
Торго дурдам дэлгээжэ,
Тохом оёжо һууба.
Зургаатай хүбүүн ороһоор
Залуу хоёрһоо асууба:
— Намтай танай үбгэн
Наншалдаха хабатай гү? — гэжэ
Асуун һуран байхадань,
Хоёр эхэнэрнүүд сошожо:
— Ээ, хүбүүн, яагаабши:
Энэ үбгэн гээшэмнай
Эзэгүй ехэ хүсэтэй юм.

Шара торгон боолготой
Шаазан домботой уhaniинь
Эршэ хүсэ элбэгтэй
Эмтэй домтой унан юм.
Хүсэтэй унаяа уухадаа,
Хүндэ диилдэдэггүй юм, — гэжэ
Хоёр залуу эхэнэрнүүд
Элиб-халиб гэлдэбэ.
Эрээн гүрөөнэ эмээллэгшэ,
Боро гүрөөнэ боожологшо,
Хара гүрөөнэ хазаарлагша
Тэрэ хүсэтэй уһыень
Тэжэгэр болотороо уужархёод,
Тэрэ бузар үбгэнтэй
Тэн байжа тэмсэлдэбэ,
Амаран байжа барилдаба.
Арай гэжэ үбгэнэйнгөө
Аман хүзүүень булгалжа,
Ара гэдэргэнь хэбтүүлбэ.
Газар дороһоо дээшэлэн
Гаража ошохо гэхэдэнь,
Үндэр гээшэнь аргагүй,
Холо гээшэнь хэмжээгүй,
Ябадал гээшэнь бэрхэтэй –
Яажашье гаража ядаба.
Алдалһан үбгэнэй һахалаар
Аргамжа томожо гүрөөд,
Хоёр залуу эхэнэрые
Хойно хойноһоонь һубарюулан,
Дүнгэн барин үргэжэ,
Дээшэнь өөдэнь гаргаад,
Өөрөө гараха гэхэдэнь,
Һахал аргамжань таһаржа,
Гэнтэ доошоо халиба,
Гэдэргээ унажа талииба.

* * *

Аргагүй зобон байтараа,
Ангирай ангаахай барижа,
Тэжээн тэдхэн байтарнь,
Ангир шубуун ерэжэ,
Аргагүй ехээр баярлан:
— Үрыем тэдхэн тэжээжэ
Үргэжэ байһан ашыешни
Газар дээрэшни шамайе
Гарган үгэжэ харюулһуу, — гээд,
Нюрган дээрээ һуулгажа,
Ниидэн дээшэнь гаргаба.
Нүхэнһөөн тиигэжэ гараад,
Нүхэдөө бэдэрэн ябажа,
Оложо хоёр нүхэдөө
Ошожо гэртээ хамтаржа,
Ан гүрөөһөө агнаха
Ажалдаа ябадаг болобо ха.

* * *

Түмэндэ хөөрөжэ һонирхуулха
Түүхэмнай иигээд дууһаба,
Олондо хэлэжэ гайхуулха
Онтохоннай иигээд охордобо.
Үльгэрнай иигээд дүүрэбэ даа,
Үргэлжэлэлыень үхибүүд бэшэнэ ааб даа.

Коти-батор

У одного старика жил полосатый серый Кот — гроза мышей и крыс. Он верно стерёг хозяйское добро. Однажды Кот увязался за хозяином в тайгу. Пока обежал кусты, пока осмотрел толстые деревья, он не заметил, как отстал и заблудился. Потеряв из виду хозяина, Кот нисколько не растерялся. Да и отчего ему было теряться? И бабочки, и малые птицы — все его боялись, словно Кот был не в лесу, а в своём дворе. Решив немного поохотиться, Кот шёл всё дальше и дальше по таёжной тропке, прислушивался к лесным шорохам, присматривался к птичкам. Заметила Кота любопытная Рыжая Лиса. Прихорошилась она, распушила хвост и села перед ним на тропке.

— Я вас никогда не встречала у нас в тайге. Очень рада познакомиться с вами, — вежливо сказала Лиса. — Пожалуйста, назовите ваше имя. Интересно знать, откуда вы и по какому важному делу пожаловали в наши края. Или спешите куда? Давайте знакомиться: я — Лисица, всем зверям сестрица.

— А я прибыл для того, чтобы пересчитать всех лесных зверей и навести здесь порядок. Зовут меня Коти-батор. Я буду повелевать вами! — важно отвечал ей Кот. И сердито сузил зрачки, выпустил когти, распушил хвост.

Рыжая Лиса не на шутку перепугалась, но решила, что с таким опасным зверем не мешает завести дружбу. Хитрая Лиса сладким голосом сказала Коту:

— Я вас приглашаю к себе в гости, уважаемый Коти-батор. Завтра утром и приходите, я вас хорошо угощу.

Коти-батор степенно принял приглашение.

— Вот и хорошо. Жду вас утречком, — повторила Рыжая Лиса и откланялась. Пока Лиса бежала домой, она успела всюду разнести тревожный слух:

— Слушайте великую новость! К нам пожаловал сам Коти-батор. Он знает наперечёт всех зверей в тайге и отныне будет повелевать нами. Вы слышите меня, таёжные жители?

На следующий день Лиса стала ждать гостя. Она захотела познакомиться с Коти-батором и двух своих приятелей — хозяина тайги Медведя да Серого Волка. И вот, дрожа от волнения, она вышла встречать гостя на поляну, а за ней, чуть поотстав, робко семенили её приятели. Коти-батор неторопливо шёл по таёжной тропинке, мягко ступая лапами и на ходу играя хвостом. Лиса ещё издали его учуяла и успела предупредить своих приятелей:

— Идёт! Вон показался наш гость!

— Важный, видать, гость, если Лиса так всполошилась. Что-то и мне боязно стало. Я лучше посижу тут за берёзой. Сначала посмотрю на него издали. Если у него мягкий и покладистый нрав, то, пожалуй, можно и показаться, — приглушив свой бас, прошептал струсивший Медведь. Он отошёл за берёзу, недавно пригнутую бурей, и спрятался за её ветвями.

Коти-батор вразвалочку вышел на поляну. Вдруг рядом чирикнула птичка. Коти-батор, увидев, что она сидит на ветке, совсем близко, уменьшил шаги, пригнулся и стал подкрадываться. Глазом моргнуть не успели, как он прыгнул на ветку.

Серый Волк всё это видел и очень испугался. Оказывается, Коти-батор очень ловкий и дерзкий зверь! Лучше держаться от него подальше. Волк поджал хвост и убежал.

Коти-батор не поймал птичку и немного сконфуженный сидел на ветке. Когда он повернулся в сторону приваленной берёзы, Медведь от страха прикрыл лапами морду. При этом он задел ветку, ветка шевельнулась.

— О, таммышь! — обрадовался Коти-батор и стрелой метнулся вниз.

Медведь как увидел, что прямо на него летит страшный зверь, зажмурился, со страху лишился чувств и упал замертво.

Рыжая Лиса с ужасом подумала, что Коти-батор одним прыжком задавил хозяина тайги. А где же Волк? Забегала Лиса и, не найдя приятеля, тоже убежала в тайгу.

Коти-батор остался один на таёжной поляне. Поискал-поискал Лису, не нашёл, фыркнул недовольно и сердито замыкал. Потом он обошёл всю поляну и нашёл на низеньком пне куски мяса. Это было угощение, припасённое к его встрече Лисой. Коти-батор набросился на еду. Насытившись, он с наслаждением потянулся, закрыл зелёные глаза и замурлыкал в усы. Коти-батор усмехнулся, вспоминая трусливых таёжных обитателей. Теперь Кот и в тайге чувствовал себя настоящим батором.

Отдохнул Коти-батор, встал, отряхнулся и отправился домой к своему хозяину.

Летучая мышь

Однажды хан пернатых обязал свой птичий род платить ему дань, а одного из своих слуг назначил собирать со всех поборы. Слуга прилетел к Летучей Мыши и стал требовать дань. Летучая Мышь сразу нахохлилась и гордо заявила:

— При чем тут я? Ничего платить я не буду! Вы разве не знаете, что я из рода грызунов? Посмотрите на мои зубы! — Летучая Мышь, осердив рот, показала целый ряд мелких, острых зубов-гвоздиков. Так слуга хана пернатых не смог её принудить и ушёл ни с чем. Вскоре хан хищных зверей тоже решил обложить данью своих подданных и одного из слуг обязал собрать дань со всех. Слуга звериного хана прибыл к Летучей Мыши и потребовал дань.

— Почему я должна платить вашему хану? Я не зверь, я никакая не хищница. Смотрите на мои крылья! Где у ваших тварей такое вы видели, разве звери летают? Не буду я платить, я — птица! — Летучая Мышь растопырила крылья и улетела.

Слуга звериною хана тоже ничего не добился и вернулся ни с чем.

Так Летучая Мышь всю жизнь и хитрит. Когда к ней звери являються, она ершится, машет крыльями, говорит, что она птица. А когда прилетают пернатые, она пыжится, скалит зубы, притворяясь грызуном.

До сих пор Летучая Мышь не ужилась с пернатыми и не прижилась у грызунов. А люди её и птицей не считают, и к грызунам не относят.

Учитель Мура

Жил-был рыжий кот по прозвищу Мура. Слыл он большим проказником и был очень хитёр.

Однажды этот самый кот велел серым мышам явиться к нему. Боясь послушаться кота, глупые мышата один за другим выстроились перед ним. Дрожа от страха, они следили за каждым шагом, за каждым движением кота Муры. А он вёл себя так спокойно, будто они ему были совершенно безразличны. Лукаво закрыв зелёные глаза, кот Мура объявил мышатам, что отныне он будет давать им уроки грамоты. Мыши только жалобно пискнули в знак согласия: попробуй не послушайся самого кота! Они теперь должны были приходиться к нему каждый день и покорно слушать его поучения.

— Мья, мья, мяу-у, мясо есть вредно! Мья, мяу-у, малых зверюшек нельзя обижать, — начал свой урок учитель Мура. — Я

научу вас доброте, благородству, мудрости, — мурлыкал он в свои усы, лениво прохаживаясь перед мышатами.

Заканчивая урок, учитель Мура всегда предупреждал мышей:

— Запомните такой порядок: отсюда вы должны выходить по одному, друг за другом. Ну... будьте послушными, идите домой и... не оборачивайтесь!

Рыжий кот притворился таким добродушным, что сумел обмануть мышей. Но вот они стали замечать, что после каждого урока одна из мышей — та, которая была последней в ряду, почему-то не возвращалась в свою нору. Наивные мыши сначала удивлялись. Они пытались искать потерявшуюся и, конечно, нигде не находили. Ничего не понимая, они долго спорили меж собой и только напрасно ссорились.

Наконец мыши забили тревогу. Они собрали большой совет, на котором все могли высказаться. Каждая пищала своё, поэтому шума сначала было много.

Но вот одна мышка-норушка с тоненьким хвостиком приподнялась на задние лапки и бойко заверещала:

— Мне кажется, что наш учитель не такой уж благородный. Послушайте... Он всегда заставляет нас уходить от него по одной, да ещё не велит оглядываться... Тут что-то не так. Знаете... мне кажется, это он ловит наших сестёр. Он сам и лакомится ими.

Мыши сильно испугались. Ещё бы! Ведь каждую из них ждала страшная участь: все они могут оказаться в зубах своего учителя. Понемногу мыши опомнились, засуетились, запищали на все лады. Стали думать они, как разоблачить кота Муру.

— Если мы будем все сразу выбегать, — сказала одна мышь, — у выхода образуется толкотня. Такой беспорядок наверняка рассердит нашего наставника... — А не привязать ли на шею наставника Муры колокольчик?! Если он такой коварный, то обязательно выдаст себя. Пытаясь поймать последнюю мышку, он прыгнет за ней, а в это время колокольчик и зазвенит. Мы все тут же обернёмся и увидим, что он делает, — предложила другая, самая благоразумная мышь. Решили так и сделать. Но вот как навесить колокольчик на шею кота

Муры? После долгих споров мыши всё же придумали, как его обмануть. Они договорились на уроке хором выразить наставнику Муре благодарность за полезные уроки, а в награду преподнести ему в подарок тот самый колокольчик как знак святости.

На другой день, скучая в ожидании своих учеников, кот Мура лениво помахивал пушистым хвостом. Как только урок начался, одна из мышей произнесла трогательную речь, а потом привязала учителю Муре на шею колокольчик с нарядным бантом.

— Мяса вы не едите, соблюдаете обет, ведёте праведный образ жизни. Мы вас избрали в святые, — так сказала мышка.

Когда занятия кончились, первые мыши проворно выбежали, но не стали отходить далеко. Они расположились у выхода, притихли и стали прислушиваться. И вот не успела выйти последняя мышь, как громко звякнул колокольчик. Мыши бегом вернулись назад и увидели, как «святой» Мура крепко держал в когтях беднягу-мышонка. Так мыши разоблачили рыжего кота, и с тех пор за ним пристало насмешливое прозвище — Наставник Мура.

Годи́ва

Прошел год с тех пор, как Тухултур испил из чаши Манзан-Гурмэ и был закален огнем девяти драконов. Много битв выдержал за это время, много ядовитой крови пролил. Крепкая дружба связывала теперь человека с драконом, не раз Лу выручал Тухултура в кровавых схватках. Он же был бесценным и единственным его другом во время бесконечных скитаний по свету в поисках все новых и новых битв.

Сейчас они сидели, тесно прижавшись друг к другу, а Гений Предвидения медленно шлифовал свой камень и не торопился отвечать на вопрос Тухултура. Камень был почти готов, его нежное сияние озаряло хмурое лицо Гения и делало его почти приятным. Гений Предвидения был очень уж нехорош собой, проволочными волосами зарос от макушки до подушечек корявых пальцев, а от голоса его мурашки по коже бегут.

— Ничего не вижу! — проскрежетал он. — Никудышный из меня мастер. Да-да, — Тухултур отложил меч, который старательно очищал перед этим, и обнял бородатую голову Лу. Лу приоткрыл глаз идохнул горячим ветром в лицо.

— На вот, поддержи-ка.

Тухултур осторожно взял теплый еще камень. Это был обыкновенный булыжник, до тех пор, пока он не попал в руки Гения. Теперь он стал прозрачным и наполнился сиреневым светом, исходящим от маленькой фигуры в центре камня. Вглядевшись, Тухултур узнал себя. Крошечная золотая фигурка испускала слабенькие импульсы-молнии, напоминая светящийся цветок с шевелящимися лепестками. Поверхность камня вся изборозжена морщинами и вмятинами от усердных рук Гения. Сам мастер был очень недоволен своей работой.

— Пусть погрееется у тебя, может, начнет работать. Кто знает, что ему еще надо. Мозоли натер, а толку нет. Да. А, погоди-ка, дай мне руки!

Тухултур послушно вложил руки в лохматые клещи. Гений раздвинул волосы. Зрачки его от напряжения засветились. Через минуту он откинулся:

— Нет, не могу. Что это со мной такое?

Спустя некоторое время Тухултур почувствовал слабую пульсацию камня. Гений бесцеремонно вырвал камень и жадно впился в него взглядом.

— Смотри, смотри, — вскрикнул он, — что-то есть! Да.

Возле Тухултура проявились две фигуры. Одна вроде восьминогого кабана, вторая — женская.

— О!!! Как ты это делаешь? — восхитился Тухултур. — Это настоящее чудо!

— Это называется — плохая работа, мой мальчик. Да. Я не могу даже разобрать, что она там бормочет. Я уже никуда не пойду. Да. Да-да.

Засыпая под ворчание старого мастера, Тухултур крепко сжимал свой камень, и ему всю ночь снились длинные лиловые глаза.

Уже через два дня они отыскивали каменного Стража Моря. Он стоял на кромке воды с мечом в руках, весь с головы до пят покрытый заклинаниями.

— Ну вот, приехали! — Тухултур пошлепал Лу.

Лу с силой ударил по воде хвостом и испустил резкий гор-
танный крик. На пятый лишь зов Страж приподнял веки. Тут же опустил и больше уж не подымал.

— Не хотят. Лу! Ну что ж такое, а? Что я им сделал? Ого, посмотри на Шаман-скалу! Видно, большая охота. Это интересно!

По узкой тропе, затейливо огибающей знаменитую скалу, шли люди, издалека похожие на мурашей. Шли охотники, разбившись по родам. Самые лучшие, самые храбрые шли впереди. Древний шаман Мохын в рогатом майхабчи¹ с трудом поспевал за ними. Скоро уж лет сорок, как не выходил он в степь, так далеко от мать-дерева. Старые ноги не слушают, старый сорби вот-вот обломится, и упадет Мохын в жухлую траву, не подыметься. Но шаг за шагом двигается старый Мохын, даже подбородок вперед выпятил. Нет, рано радуется жидконогий Пунцук, Мохын еще покажет всем свою силу!

Сам Хугэн гэгэн, вращающий колесо могущества земного Эсруа, небом predetermined перерожденец лучезарного Ваджрапани, шедший впереди, резко остановился и подал знак. Лучники стянулись в широкий полукруг, подняв желтые манзанлуки. Копейщики с гранеными копьями обступили черный провал — вход в пещеру. Каждый охотник занял свое место. Хугэн гэгэн сдвинул шлем, вытер обильный пот и мотнул шеей. Охотник из синего рода вывел к провалу овцу, ловко повалил ее и перерезал шею. Полилась горячая жирная кровь в пыль, нахмурился Хугэн гэгэн, сжались сердца охотников. Мохын закружился в танце. Четверо синих охотников насадили овцу задней частью на шест, обратили кверху и с большим трудом водрузили шест перед пещерой.

Подошел час мыши. Жаркое солнце, мухи, бормотание и вялые танцы Мохына утомили Хугэн гэгэна. Он в очередной раз припал к кувшину, и тут Годива выполз из норы. Неожиданно и как-то весь сразу оказавшись на виду, отвратительный и завораживающе чудный. Короткая голова с вытаращенными лягушачьими глазами венчалась затейливым большим рогом на лбу и маленьким рогом промеж ноздрей. Серое чешуйчатое тело с бледным жидким брюхом заканчивалось длинным ребристым хвостом с колючкой на конце. Лап было восемь или даже больше. Между лопаток виднелись зачатки крыльев.

¹ Майхабчи – головной убор шамана

Мохын вскрикнул и повалился замертво. Охотники смешались и отступили. Остолбеневший от ужаса Хугэн гэгэн оказался один на один с чудовищем. Не обратив внимания на человека, зверь принялся за еду. Он легко и аккуратно отдирает огромные куски мяса и жевал вместе с костями, наклоня голову набок. Вскоре от овцы не осталось ничего, лишь окровавленный шест, да и с того Годива слизал кровь длинным, раздвоенным, как у змеи, языком. Теперь ему захотелось пить. Он пополз к близкому берегу, волоча набитое брюхо по камням. Вернувшиеся охотники потянулись следом, но стрелять не решались, держа оружие наготове.

На берегу напившееся чудище уснуло. Охотники плотно обступили его и ... Тут камни под ногами людей зашевелились, медленно поднялись в воздух и закружились. Вот это уже не камни, а белоснежные лотосы, мерцая, образуют в искрящемся золотой пылью воздухе чудные узоры. Неведомо откуда полилась музыка разрывающей сердце нежности и печали. Завихрился песок, складываясь в прекрасные пейзажи, переливчатые арки, роскошные водопады. И потемнело вдруг. И греются людям наяву маленькие небожители в тех лотосах, плавно колышущихся в черном воздухе, даже к лицу приближаются и можно разглядеть великолепные одежды и сияющие любовью и ласкою очи. И кивают они, и манят куда-то руками, лотосы порхают, радостные слезы легко и обильно струятся по лицу. И посверкивают радужные искорки в глазах, шелестит песок, и падают одурманенные люди на камни и улыбаются блаженно, простирая в небо руки. Годива приоткрыл глаз. Вспыхнул зеленый огонек и погас. Рано. Вон еще не все лежат.

Хугэн гэгэн уже вступил за серебряные пороги, уселся за узорный белый столик и принял из рук прекрасной белолицей девушки чашку с молочной водкой. Села девушка рядом, зажгла ароматную палочку, ласково руку на плечо положила. Улыбается. Алыми припухлыми губами к лицу потянулась. Тут все кончилось. Хугэн гэгэн очнулся лицом вплотную к страшной морде Годивы, чешуйчатая лапа у него на плече. С криком вскочил на ноги перерожденец Ваджрапани, а Годива не шелохнулась. У него из толстой членистой шеи огромный полированный

топор торчит, черная дымящаяся кровь сочится из раны. А рядом стоит крепкий молодой парень в чудном каком-то малахае¹ с пышным хвостом, коротком, вызолоченном хуяге², с большим золотым зеркалом на груди.

Тем временем начали подыматься люди с недоуменными возгласами.

— Ты кто? — выдохнул Хугэн гэгэн, морщась и потирая поясницу.

— Тухултур. Думаю, вовремя я тут появился. Прикажи это сжечь. Парень легко вынул свой топор и пошел к воде, чтобы обмыть его. Он низко склонился к воде, черпнул пригоршню, замер ненадолго. Неожиданно резким быстрым движением схватил что-то в воде. И потащил из воды толстую черную веревку. Из воды высунулась рука и ударила Тухултура по лицу. Вдруг поднялась из воды девушка в богатом, расшитом серебром кожаном халате с листовидными оплечьями. На головке соболья шапка с парчовым верхом. Две косы, одну из которых выпустил из рук Тухултур, спускаются до пят, длинные лиловые глаза сердито сверкают. На густых ресницах капелька воды повисла и дрожит. Несказанной красоты девушка! И сравнить не с кем. А одежда на ней почему-то мужская и оружия через меру.

— Это моя добыча! — закричала девушка, указывая копьем на поверженного Годиву. — Кто посмел?

— Я не против. Забирай, если он тебе нужен, — улыбнулся Тухултур. Девушка метнула на него свирепый взгляд, топнула с досады ногой и, разбежавшись, нырнула опять в воду, откуда вышла.

— Повезло! — зашептались оробевшие охотники. — Дочь морского хана увидеть довелось. Теперь и помирать не жалко.

— Мне тоже пора, — Тухултур прыгнул в воду, но вода, словно толстый матрац, прогнулась под ним и вытолкнула обратно на берег. Сколь ни старался Тухултур, не пустил его к себе великий Уса Лосон³, не захотел.

1 Малахай – меховая шапка

2 Хуяг – доспехи

3 Уса Лосон – морской царь, хан

— Ладно. Еще подожду, — задыхаясь, прокричал Тухултур, сорвал веточку ландыша и бросил в воду.

Цветок тотчас утонул, Тухултур вспыхнул от радости и побежал в лес. Вскоре из леса раздались топот и шум, и все стихло где-то вдали. Охотники всю ночь жгли зловонную тушу и рассказывали друг другу страшные сказки. Две луны тускло светили с ночных небес, и мерещилась людям мечущаяся драконья тень в лунном свете, отчего делалось еще страшнее. Море взволновалось, ветер приносил смех и свист гигантских крыльев. Незабываемая была ночь.

Золотой всадник

Мриста двенадцатый год земли-зайца десятого рабджуна начался необыкновенно. Белая Лавран, набравшая у береговых зарослей жирных улиток, обнаружила спящего ребенка в лодке. Вместо того чтобы сразу его утопить, она принесла находку домой. Зеленая Лавран отчитала ее, но и у нее не поднялась рука на крошечное сморщенное существо. Две сестры обитали на полуразрушенном корабле с незапамятных времен. Белая Лавран была моложе сестры на тридцать лет, но и она была очень, очень стара. Со временем они, такие разные, сделались похожи. Ростом они всегда были равны, так что теперь и не различишь: обе серые, морщины висят мешками, перепонки на пальцах обвисли, кожа просвечивает от старости.

— А ведь ты всегда хотела завести себе кого-нибудь, — задумчиво прощелкала младшая.

— Да, но ведь не это же! — возмутилась старшая. — Ну был бы он не столь уродлив!

Ребенок был двуногий, на руках и ногах по пять совершенно раздельных, без всякого намека на перепонки, пальцев. Кожа

его имела неприятный золотистый оттенок. Под правым соском тамга¹ — солнце со змеевидными лучами.

— Человек, — со вздохом констатировала Зеленая Лавран после тщательного и немного брезгливого осмотра. — Может, скормим его Лу?

— Давай оставим его, мне жалко малыша. Он ведь не виноват, что родился таким вот...

Внезапно небеса над головами сестер сотряслись и разверзлись. Два гиганта-призрака схватились на голубом беспределе, чудовищный тигр и колоссальная змея. Трижды обвилась змея вокруг чудовища, впившись зубами в шкуру. Но тигр взмахом огромной лапы вспорол брюхо змеи, и полезло из нее тошнотворное, мерзкое. Земля заколебалась, разрушительные стоны и вздохи пронесли над землей подобно ветру Гун. Высокие волны Сун Далая достигли подножия Сумбэр уула. Капли красной крови, обильно льющейся с небес, проросли алыми саранами, черная кровь обращалась в черных роскошных бабочек со слезами на крылышках. Траурный шевелящийся ковер покрыл Муорэн.

Зеленая Лавран покосилась наверх, потерла шрам, перечеркнувший все лицо, и просвиристела:

— Тяжелые времена настали, смутные. Ладно, пусть остается. Хотя, лучше было б отдать его Лу.

Последующую неделю им пришлось очень много трудиться. Ребенок едва не погиб от голода. Сестры добросовестно таскали ему свежую рыбу, водоросли, жуков и улиток, нежных головастика и сладкие корешки. Не хотел и в рот взять, даже попробовать. Когда он уж совсем обессилел, Белая Лавран отважилась на Поступок. Она помолилась, принесла жертву Уса Лосону, хану великих вод, переплыла Муорэн и отыскала Старую А. Она жила в самой чаще острова, там, где самая колючая трава и самые острые сучья.

— Что едят люди? — переспросила Старая А. — О бурхан, кто же может это знать?

¹ Тамга – отметина

— Он умирает, — прошелестела Белая Лавран, слизывая кровь со своих израненных ступней.

Старая А надоила молока из обвисшего вымени и сложила в узелок немного ягод и плодов. Это густое жирное молоко спасло ребенка. Каждый день Белая Лавран переплывала бурный Муорэн. Обвязав ступни водорослями, замирая от страха, спешила по покрытым свежей слизью камням мимо Провала, добиралась до раздвоенного тополя, изнутри выжженного молнией. Там Старая А оставляла молоко. Ребенок охотно и много ел и быстро рос. Сестры научили его плавать, ловить рыбу и петь. Учили его всему, что знали и умели сами.

Они привязались к нему, как к родному, хотя ни одна из них ни за что бы не призналась в этом. Через шесть лет, в начале сезона дождей, на него напал муль, заплывший из Моря. Зеленая Лавран упала в воду перед самыми ноздрями муля. Поднятые ею клубы мути скрыли мальчика. Муль взревел и начал вслепую махать своим длинным, извилистым и очень острым рогом. Белая Лавран ковыляла по берегу, таща в руках ржавую пику и пела. Но пение ее уже не имело силы. Муль лишь только отмахнулся оперенным хвостом. Зловонные резцы почти касались быстрых ножек мальчика, отчаянно пытавшегося вскарабкаться на крутой скользкий берег. В последний момент из мутной воды показалась серая рука и выпихнула мальчика навстречу рукам Белой Лавран. Она вытянула обессиленного ребенка на траву, выпрямилась и метнула пику. Но муля это потревожило не более укуса комара. Он терзал что-то в зелено-дымчатой грязной воде. Белая Лавран царапала свою морщинистую старую грудь и выла.

Мальчик заметил вдруг длинное темное тело, приближавшееся с противоположного берега Муорэна. Лавран выкрикнула гневное, птичье. Над поверхностью воды показался гребень из крупной чешуи, затем большая рогатая голова с усами и бородой, в которой сверкала яркая жемчужина. Лу вытянул шею и испустил ответный трубный вопль. Немедленно муль устремился навстречу Лу. Их схватка была очень короткой. Темно-серое и бурое переплелось ненадолго, вода взбурли-

ла и утихла. Величественно неся голову над водой, словно не желая намочить золотую гриву, Лу подплыл к берегу, опустил осторожно морду в воду и разжал челюсти у ног Белой Лавран. Старуха опустилась на колени перед телом сестры и погладила седую голову.

Потом было путешествие на спине Лу. Мальчик сидел перед молчаливой Лавран, держащей на коленях белый мешок. Он смотрел вниз со страхом и любопытством на обширную зеленую степь внизу, населенную неизвестными ему существами. Ни разу до этого не видел он пугливых оленей, круторогих диких баранов, панически разбегающихся под ними, впервые увидел и единорога с его своеобразной походкой, но скоро перестал разглядывать землю.

Лу был дракон из Лунгов, небесных драконов, хотя и водяные драконы были у него в роду по материнской линии. В небе он был королем. Крошечное синее пятно, висящее всегда в центре голубых небес, оказалось скоплением грозовых туч, которые приближались с огромной скоростью. Их приближение не осталось незамеченным. Крылатый получеловек-полуптица, взявшись непонятно откуда, облетел несколько раз дракона, снизившего скорость. Круглые глаза небесного стража, лишенные век, задержались на лице мальчика. Через несколько секунд разрешение было получено. Лу крикнул. Крик его прокатился по ослабевшему небу, отразился сразу со всех сторон и пробудил облака. Тучи раскрылись. Взмахнув гривой, дракон окунулся во мрак бурлящих облаковоротов. Ничего не видя, мальчик судорожно вцепился в искрящуюся чешую. Также внезапно они очутились в ярком свете, который лился от серебряной двуглавой горы, вокруг которой обвилась гигантская желтобрюхая змея. Потом Лу приземлился. Они с Лавран вошли в хрустальный дворец. Долго бродили по чудным залам, переливающимся всеми оттенками голубого и сиреневого, в которых сидели медлительные, воинственно снаряженные великаны, о чем-то споря, не замечая их. Наконец они вошли в маленькую комнату, где на множестве подушек сидела седая старушка, задумчиво перебиравшая металлические книги чудесной красоты. Она

ожидала их. Лицо у нее было ласковое, очень доброе. Необыкновенное выражение лицу ее придавали глаза с огромными черными зрачками, в которых пульсировали золотые искорки звезд. Прочитала молитву над белым мешком, легко коснулась его и провела пальцами по заплаканному лицу Лавран.

— Манзан-Гурмэ, — Лавран с благодарностью выговорила трудное для ее языка имя.

Потом старушка повернулась к ребенку. Выслушала щебет Лавран, внимательно всматриваясь в лицо мальчика.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — мы так долго ждали тебя. Пора тебе стать самим собою. Времени совсем не осталось. На вот, выпей-ка...

Она подала ему серебряную гапалу — череп, оправленный в серебро. Там плескалась густая бурая жидкость с резким запахом. Мальчик глотнул. С неожиданной ловкостью старуха подхватила чашу, а он повалился к ногам застывшей от ужаса Лавран.

— Все. Увидишь его дома, — и причудливо одетые кривоногие маленькие стражи выволокли Лавран вон.

Обратно Лу нес одного седока. Непривыкший удивляться, он всю дорогу домой косил глаза на рослого всадника с длинной косой, одетого в золотые доспехи. Так и не перестав изумляться, Лу приземлился у ветхого остова корабля. Две девушки, одна зеленая, другая белая, щебеча и плача от счастья, обнимали Золотого Всадника, их быстрые трехпалые ручки с жадной гордостью ощупывали широкие плечи, мощную шею и со страхом и жалостью — багровые ожоги возле детских еще губ. Бормотали что-то нежно, с любовью, что именно — он уже не понимал, догадывался. Вдруг глаза зеленой девушки остановились на огромном, устрашающего вида топоре на золотом поясе. Она вскрикнула. Стукнула слабым своим кулачком по свирепой морде вепря, скрепляющей доспехи на его груди. Эх, эх, как заныла эта грудь от слез, пролитых сестрами.

Весь этот длинный день они провели вместе. На завтра на рассвете к кораблю подъехал странный гость верхом на буром

огромном волке, с виду человек, только совсем голый. Он неторопливо слез со своего «коня», отпустил его хлопком ладони и с достоинством поклонился остолбеневшим сестрам.

— Нет, ты видишь, Тухултур? — весело обратился человек к Золотому. — Всем так нравится мой новый облик!

— Что тебе нужно? — хмуро спросил Тухултур.

— Понятно чего, понятно чего! Пошел слух, явился новый герой. Вот, вызвался сам посмотреть, что к чему.

— Ну?

— Весьма, весьма неплохо! Осталось только проверить, не слишком ли рано обрадовалась старая Манзан. Слышал бы ты, как она грозилась нам сегодня ночью. Ой, как мы перепугались!

— Наверное, раз уж ты тотчас прискакал.

Волна злобы прошла по голому, смыв улыбку, мгновенно преобразив его. Теперь он был звероголовым каким-то существом, плотно обернутым прокопченными дочерна доспехами. Вооружен он был достаточно, но главное: метатель молнии невесть каким образом попал ему в лапы. Полы халата за кушак заткнул Тухултур, закатал рукава:

— Давай испытаем, чья спина крепче, чьи пальцы сильнее. Покажи свое умение!

Звероголовый, ощерясь, рванул пояс, сбросив оружие на траву, захрустел пальцами. Раздув грудь, расправив плечи, пошли они друг на друга. Сшиблись и яростно закрутились. Взрыли землю, словно зубры, за клубилась пыль, заслонила нежное утреннее солнце. Уперлись лоб в лоб, срывали клочья мяса со спин и грудей. Зубами вгрызались, упиваясь чужой болью, выпивая жизнь ненавидящими, воспаленными глазами. Захрустели кости, заструилась по берегу кровь, потекла в Муорэн. Проглянули с неба звезды. Видно, не выдержала старая Манзан, забеспокоилась. Вот уже дрогнул Тухултур, помутнел его взгляд. Засмеялся звероголовый, задрал голову, облизывая окровавленные клыки. Тут Тухултур схватил его за обе ноги, оторвал от земли, бросил наземь. Что-то мелькнуло у него в руках, удар — и мертвое чудище, пригвожденное к земле, забилося в агонии. Изящная тонкая трубка торчала из залитой кровью глазницы

чудовища. Зеленая Лавран, робко приблизившись, что-то пораженно проверещала.

— Пригодилась! Подарок Манзан за пазуху засунул, на счастье. Обессиленный Тухултур лишился чувств прямо на траве рядом с трупом врага.

Сестры неумело засуетились над ним. Ослепительный свет разлился вдруг над их головами. Облака, разворачивая лепестки, разбухали на глазах. Когда раскрылся последний лепесток, девять драконов удивительной красоты вылетели из облаков, танцуя, словно листья на ветру, кружась все ниже и ниже. Среди них был Лу. Спустившись достаточно, драконы зависли, образуя замысловатый узор и одновременно раскрыв пасти, дохнули огнем на неподвижные тела. Труп звероголового моментально скрючился, обуглился и исчез, а на теле Тухултура под действием огня затянулись раны, покрылись розовой, а затем золотистой кожей. Омытым и закаленным пламенем, отдохнувшим, налитым новой силой встал Тухултур с измятой травы. Над головою засветился зачаточный нимб, а в глазах — непонятная печаль.

Драконы улетели, все, кроме Лу. На спине Лу красовалось драгоценное седло со стремянами, а к седлу была привязана шкатулка из белого нефрита. Открыл Тухултур шкатулку, выпорхнула оттуда невзрачная серая птичка и уселась на плечо.

— Спасибо, добрая бабушка Манзан, — шепнул Тухултур, — знаю, бесценного помощника и друга послала ты мне. Я сделаю то, что должен сделать, будь спокойна.

Еще через день Лу взлетел, унося его навстречу необыкновенным приключениям, подвигам, бессмертной славе, любви, одной из которых была старшая дочь водяного хана. Но он еще пока об этом не знал. Он подставлял лицо упругому влажному ветру и махал рукой двум обнявшимся фигуркам внизу:

— Я вернусь. Все будет хорошо!

Сагаан сахан

Буужал байна сагаахан саһахан,
Буужал байна нуурияа бэдэрэн,
Зүйжэл байна дайдая сагаадан.
Зэндэмэни сагаахан зэлэтэһэн саһахан,
Гэнтэ нюдэндэм, сэдхэлдэм сагаан...
Мэндэ асарһандал дулаан, дулаан...
Гэртээ эжытээ байһандал заяан
Газар дээрэм, сэдхэл дээрэм бии болоно.
Сибириин зондо сагаахан саһахан
Сэсэгэй задарһандал үзэгдэдэг сэдхэлдэнь.
Сибириин зондо энэ шэдэлһэн саһахан
Сэбэрые асарһандал үзэгдэдэг лэ сэдхэлдэнь,
Ямба жаргалынь далижуулһан мэтэ
Ялагар хурса гэрэлээ харуулдаг,
Анда нүхэдэйн аян замдань
Анхарал мэтэ ябалсадаг хажуудань.
Сибириин хүнүүдтэ сагаахан саһахан,
Юунэй гэгшын юрөөл үрээлтэйб даа.

Королева

«Няня! Няня приехала!» — радостно кричит Туяна, выбегая в прихожую. «Няня» — студентка первого курса университета — увешанная сумками, с чемоданом в руках, устало улыбаясь, стоит посреди прихожей. Туяна бросается к ней. Скинув сумки и чемодан, сестра подхватывает ее, обнимает, кружит, целует в щеки. Тут же вертится и скачет от радости Женька — ученик шестого класса. Он тоже сбоку обнимает старшую сестру, потом нетерпеливо роется в ее сумках в поисках гостинцев. «Ура!» — кричит Женя, одну за другой извлекая из сумки пачки кукурузных хлопьев, бутылки с пепси-колой, еще какие-то свертки. Пока сестра отвечает на вопросы родителей, Туяна с Женькой, мыча, жестикулируя руками, с хрустом жуют кукурузные хлопья, запивая их пепси.

Всеобщее радостное возбуждение в доме постепенно сменяется спокойной деловитостью. Папа растапливает титан, для которого Женя носит с лоджии дрова. Мама принимается за приготовление ужина, вместе со старшей дочерью они уединяются на кухне.

Примерно через час, приняв ванну, няня выходит на кухню, где вся семья собралась к ужину. «Приятного аппетита!» — певуче говорит няня. Волосы у нее сильно и приятно пахнут, от них веет влагой и свежестью, они выются крупными тяже-

лыми локонами и отливают синими искорками. Руки у няни хрупкие, матово-смуглые, с длинными нежными пальцами и розовыми гладкими ногтями. Халат, старенький и легкий, подчеркивает ее гибкую и тонкую фигуру. «Королева... Королева!» — откуда-то приходит на ум Туяне. Она не отрываясь глядит на сестру широко открытыми, удивленными глазами. Ей кажется, что за то время, что сестра провела вне дома, она стала совсем другой — взрослой, загадочной и ужасно красивой: «Няня такая тонкая, такая белая и нежная! И руки у нее самые нежные и грациозные, ногти розовые и блестящие, как спелые виноградины! А глаза — огромные-преогромные и ресницы такие изогнутые и длинные! Красивая няня, красивая. Королева... Королева!»

Няня царит за столом. Все смотрят на нее и улыбаются. Папа беспрестанно шутит, а мама глядит на няню благоговейно, с застенчивой гордостью. «Какая няня умная, какая она красивая!» — думает Туяна.

Есть не хочется. Туяна потихоньку отодвигает от себя тарелку с супом. Мама укоризненно смотрит на нее, но тут же снова поворачивает голову к старшей дочери. Туяна опять слышит непонятные и таинственные слова об университете. Вот мама всплескивает руками, громко и взволнованно говорит: «Пять экзаменов в зимнюю сессию!.. С ума сойти! Разве можно давать такие нагрузки первокурсникам!» «Ничего особенного, — тонно сведущего человека говорит папа. — Порой зачет бывает труднее получить, чем сдать экзамен. Думаю, не стоит придавать этому слишком большое значение». «Это тебе так кажется, — возбужденно возражает мама. — Это ты так понимаешь, а для детей это трудно психологически. Я считаю — это неправильно! Неправильно!»

Несколько раз Туяна пыталась принять участие в общем разговоре, но начинала не с того, и всякий раз от нее отмахивались, как от назойливой мухи, а папа даже сказал раздраженно: «Да не перебивай же, Туяна! Дай нам поговорить с няней!» Няня вступилась было за Туяну, но это не помогло. Все говорили только о няне, ее делах и планах.

Восторженное настроение у Туяны незаметно сменяется меланхолией. Кусая нижнюю губу, она взволнованно следит за происходящим: «Ах, мама глядит на няню восхищенно, ловит каждое ее слово! И голос мамы, когда она говорит с няней, звучит как-то просительно-заискивающе. Ах, как это не похоже на маму!..»

Ужин тянется мучительно долго, но когда он, наконец, закончился, Туяне не стало легче. После мытья посуды разговор между няней и родителями продолжается в зале, перед телевизором. И опять никто не слушает Туяну, опять все только делают вид, что прислушиваются к ней, и тут же, неопределенно хмыкнув, снова говорят с няней.

Унизительно лезть с разговорами, когда тебя не желают слушать. Туяна идет в детскую; но и здесь, среди ее игрушек, чувство одиночества и заброшенности еще усилилось. Она все время невольно прислушивается к голосам, доносящимся из зала, стараясь понять, о чем идет речь: «Смеются. Это папа опять шутит или пародирует кого-то... Опять телефон звонит. Опять няню... Не успела приехать, а уж начались звонки. Красавица нашлась, к-ко-ро-лева!»

Девочка идет в прихожую, останавливается перед большим зеркалом, смотрит на свое отражение с явным неудовольствием. «Лицо какое-то круглое, глупое. Брови не тонкие, губы не алые и не бантиком. Глаза не такие большие, как у няни, и ресницы совсем не длинные... Конечно, все будут глядеть на няню, любоваться ее губочками и щечками...»

Из няниной сумки Туяна берет косметичку, достает из нее тушь для ресниц, губную помаду, тени для век. Дверь в зал плотно притворена. Никто не видит Туяну. Опасливо оглянувшись, она приступает к макияжу.

Первым делом подкрашивает губы, плотно сжимая их, чтобы помада впиталась и не была слишком заметна. Подошла очередь взяться за тени. Девочка слегка нарумянила себе щеки, затем голубыми тенями подвела верхние веки. Получилось совсем неплохо; по крайней мере, когда подруга сестры, Нина, однажды сделала ей макияж, получилось почти так же, ну, может быть, чуточку лучше.

Тогда Нина подвела ей брови, положила тушь на ресницы, но самой Туяне с тушью не справиться. Девочка задумалась, рассматривая себя в зеркало, и тут увидела няню...

— Тебе кто разрешил! — всплеснула руками сестра. — Мама, ну скажи ты ей! Тени импортные, а она их берет!

— Ну, немножечко! Самую чуточку! Нельзя, что ли?! — Туяна смущенно прикрывает лицо круглыми ладонями, заискивающе и виновато поглядывает на сестру в зеркало.

— Не смей брать мою косметику, в который раз тебе говорю! Намазалась, как дурочка!

— Сама дурочка! — огрызнулась Туяна, вся вспыхнув от испудно копившейся обиды. — Возьми! Забери свои тени!

— Не швырай! Мама, она тени швыряет!

Из зала появляется мама.

Туяна стоит оцепенело, как пойманный с поличным ворюшка.

Она видит перед собой в зеркале собственное лицо с бесформенным от неумело положенной помады ртом, белесо-голубыми, как у клоуна, веками и чужими, затравленно и виновато бегающими глазами. Собственное лицо кажется ей таким нелепым и безобразным, а вся ситуация такой несправедливой и мучительной, что Туяна зло и горько заплакала, закрыв лицо руками.

— Оставь ее, Баирма, — примирительно говорит мама. — Ничего с твоей косметикой не сделается.

— Злая! Жадная! — блестя глазами и размазывая по щекам слезы, выкрикивает Туяна. — Няня всегда меня ругает! Я хочу, чтобы она уехала, уехала!

Няня растерянно улыбается, с удивлением глядит на Туяну.

— Что? Что ты сказала! — слышится из зала возмущенный возглас. В прихожую стремительно входит папа. — Это как же так, а! Это кого мы воспитали?! Родную сестру из дому гонит. Это ж надо додуматься!

Пораженная новым обвинением, Туяна затравленно и растерянно глядит на отца, забыв о своем, нелепо раскрашенном, лице.

— Не ругайте ее, — мягко говорит мама. — Ну, что напустились на ребенка?

— Да как не ругайте?! Как не ругайте?! — не унимается папа. — Разве можно это так оставить?! Эгоистку воспитали! Самую настоящую эгоистку! Родную сестру из дома гонит!..

После каждой фразы папа делает судорожные движения горлом, точно он что-то глотает и никак не может проглотить.

— Сейчас же иди в спальную и не смей выходить оттуда, — осипшим голосом прохрипел отец.

— А-а-аа-аа! — взвизгнула Туяна. Рыдая, она бросилась из прихожей, оглушительно хлопнув за собой дверь.

* * *

Туяна давно устала стенать и хныкать. Она лишь тихонько всхлипывает, свернувшись под одеялом калачиком. Несколько раз она слышала, как к двери кто-то подходил на цыпочках и как папа говорил обиженно и капризно: «Не ходите к ней. Пускай поплачет, подумает, эгоистка несчастная». От этих слов слезы снова начинали душить девочку, и она зарывала лицо в подушку, чтобы своими рыданиями не дать папе повод для торжества.

За окном начинало смеркаться. В комнате становилось сумрачно. Дверь тихонько скрипнула. Вытягивая шею и пытаясь разглядеть на постели Туяну, в комнату тихо вошла мама.

Девочка накрыла голову одеялом. Несколько секунд мама в нерешительности постояла над ней, потом со вздохом открыла платяной шкаф, рассеянно стала поправлять висевшие там платья.

Туяна чуть сдвинула край одеяла, увидела дверцу шкафа, стопки сложенного белья и... Мама глядит на нее напряженно, виновато, и в углах ее губ обозначились горестные морщинки.

Больше Туяна не выдерживает. Она приподнимается на постели, протягивает вперед руки...

«Мама, как я тебя люблю, — горячо шепчет Туяна, обнимая маму за шею крепким объятьем. — И папу люблю, и няню люблю, и Женю. Всех, всех люблю!» Мама смеется и почему-то

часто моргает глазами. В комнату гурьбой входят няня, папа и Женя.

Туяна всех по очереди крепко обнимает. Все обнимают и целуют Туяну. Комната наполняется возгласами и смехом. Все говорят о том, какая Туяна хорошая и веселая, какая она выдумщица, и как бабушка, что живет в деревне, хвалила ее за то, что она помогла ей очистить семена укропа.

Лужные сапоги

Бегут дни за днями. Кажется, вчера еще для того, чтобы выйти на улицу, нужно было надевать валенки, шубу, повязывать шею пушистым шарфом, а теперь!.. Солнце светит ласково и томно. Оно сделалось рассеянным и беззаботным и, увлеченное весенним разгулом, совсем не торопится скатиться за горизонт, как зимой, а светит, жмурится и смеется.

Во дворе дома, на детской площадке, где нет асфальта, образовалась большая лужа талой воды, которая, когда идешь мимо, так ослепительно сияет под лучами весеннего солнца, что глазам делается больно, люди жмурят глаза и оттого кажется, что они улыбаются или смеются.

Мальчишки и девчонки из соседних домов в разноцветных блестящих сапожках то и дело бродят в лужах, гордо и важно поглядывая на прохожих.

Мама запретила Туяне выходить сегодня на улицу, так как боится, что она промочит ноги и заболеет. Теплые зимние сапожки Туяны сушатся на отопительной батарее на кухне. Девочке грустно, она глядит в окно, завидуя соседскому мальчишке, который задумчиво стоит посередине огромной лужи в высоких глянцевитых сапогах, наблюдая за тем, как от дуновения ветерка вспыхивает на воде золотая ослепительная чешуя.

«Как хорошо сегодня на улице! — вздыхает Туяна. — Но мама, конечно же, не разрешит выйти, ведь сапоги действительно отсырели после недавней прогулки по раскисшим от весеннего солнца улицам». Сколько еще продлится это заточение, девочка не знает, ведь сапоги сохнут долго, а для того, чтобы их снова промочить, достаточно одной короткой прогулки по весенним улицам.

— Мама, купи мне лужные сапоги, — просит Туяна.

Мама улыбается, загадочно смотрит на дочь.

— А что это за сапоги такие, я не знаю.

— Ну, ну, те, что не промокают, — заволновалась девочка. — Ну как у того мальчика во дворе!

— И ты будешь бродить по лужам?

— Нет, — ответила Туяна и тут же смутилась. — Ну, может быть, самую чуточку...

Назавтра Туяна, так же, как вчерашний соседский мальчишка, стояла в самом центре большой лужи во дворе в новых ярко-желтых резиновых сапожках и, жмуря глаза, медленно наблюдала за тем, как бежит по воде от легкого влажного ветерка золотая и серебряная рябь.

Туяна

Туяне два с небольшим. Она непрерывно вертится на руках у отца, с любопытством тушканчика озирается по сторонам. Из-под вязаной шапочки весело блестят ее лукавые карие глазки.

— Ой, собачка злая! Ой, боюсь! — Туяна порывисто обнимает отца за шею, крепко прижимается к нему легоньким телом.

Мужчина озирается по сторонам, «злая собачка» — маленькая кривоногая дворняжка, похожая на таксу, флегматично семенит в дальнем конце улицы. Отец укоризненно глядит на дочь. Туяна смеется, довольная своим розыгрышем.

По дороге домой заходят проводить бабушку.

Бабушка сидит у печки. Голова у нее повязана легким белым платком, она тихо устало улыбается.

— Туяна пришла. Ну, раздевайтесь, как раз ужинать будем.

Мужчина разматывает на дочери шарф, снимает с нее пальто и шапочку. Перед взором бабушки предстает крепкая, налитая здоровьем и озорством девочка — ее правнучка.

Едва освобожденная от одежды, Туяна резко и непокорно мотает головой, отчего вверх взметываются две жиденькие косички с примятыми красными бантами. Словно для разминки она стремительно бежит из кухни в зал, оттуда в спальню и вновь на кухню. Дом наполняется шумом, словно в нем одновременно сошлись не менее десятка ребятишек.

Наконец, правнучка останавливается посреди кухни.

— Конфету хочу, — заявляет она, твердо и требовательно глядя на бабушку.

— Поешь сначала суп, — неуверенно просит та.

— Не хочу суп! Конфету хочу!

Туяна топает ногой, капризно поджимает губы. Бабушка поспешно открывает шкаф...

Шоколадные конфеты девочка отправляет в рот целиком, с трудом справляясь с таким количеством, и в это мгновение

страшно напоминает хомячка, так у нее распирает щеки и уморительно сосредоточенно блестят глазки.

Съев конфеты, сластена пробует земляничное и малиновое варенье, консервированный виноград, доедает остатки бисквитного торта. Убедившись, что все бабушкины припасы ею перепробованы, Туяна бродит по комнатам, пока наконец не теряет интереса к дальнейшему пребыванию в бабушкином доме.

— Пойдем домой,— теребит она отца, которому бабушка наливает вторую тарелку супа. Мужчина недовольно поглядывает на дочь.

— Что, закончила ревизию? Сама наелась, а мне не даешь.

— Пойде-о-ом! — затягивает Туяна.

Отец вытирает платком рот, встает из-за стола, одевает дочь.

— Поцелуй бабу. Ну! — говорит отец.

Туяна переминается с ноги на ногу, нерешительно поглядывает на бабушку. У бабушки лицо морщинистое, коричневое, она курит трубку, от нее непривычно пахнет табаком и слежавшейся в сундуках одеждой.

— Не надо меня целовать,— говорит бабушка.— Я старая, некрасивая, табаком от меня пахнет. Идите. Идите. До свидания, Туяна!

— До свидания, баба! — обрадованно кричит девочка.

Возле самого дома Туяна тянет отца к детской карусели, но тот отрицательно мотает головой — холодная, ветреная погода не располагает к длительным прогулкам. Туяна поднимает крик. Отец насильно уносит ее в квартиру.

Дома разобиженная Туяна долго капризничает, но позволяет отцу снять с нее пальто. Оставив ее в прихожей, отец уходит в зал, где его ждет недельная стопка газет. «Так, так,— слышится оттуда его тихое бормотание,— началась декада нашего района. Почитаем, чем мы знамениты, кто наши герои...»

Туяна хнычет недолго, здоровый живой нрав берет свое. Сначала девочка прислушивается, потом, скинув пальтишко, осторожно приоткрывает дверь в зал.

— Ав! Ав! — раздается ее игривый примирительный басок. Мужчина принимает испуганный вид.

— Ой! Ой, боюсь собачку злою!

Туяна хохочет, подходит к отцу. Она кладет ему на колени руки, заглядывает в глаза.

— Я тебя сильно-пресильно люблю!

Мужчина смеется, целует девочку в голову.

— Эх, Туяна, ты моя Туяна, я тебя тоже очень, очень люблю.

— Я тебя сильно-пресильно люблю!

Отец и дочь сидят обнявшись. На некоторое время между ними устанавливается блаженный мир и чуткое взаимопонимание.

Туяна первой нарушает идиллию. На журнальном столике рядом с записной книжкой отца она видит пачку сигарет. В глазах у девочки загорается злой огонек, лицо принимает строгое начальственное выражение.

— Ну вот, обратно ты куришь сигареты!

Мужчина сконфуженно смеется, треплет дочь за щеку.

Туяна подходит к столику, берет сигареты. Елейным голосом мужчина просит ее положить сигареты на место, но дочь не слушается, пытается достать из пачки сигарету.

— Положи на место! — раздражается отец.

Туяна прячет пачку за спину, пятится от отца.

— Нельзя курить, мама сказала!

Сигареты из пачки сыплются на пол, продолжая отступать, девочка давит их ногами.

— Что делает, что делает, а!

Отец пытается отнять у дочери сигареты. Сопrotивляясь, Туяна крепко сжимает пачку в чумазом, липком от варенья кулачке...

Туяна, всхлипывая, стоит посреди ванной. Раздосадованный инцидентом с сигаретами, отец придрался к ее грязным рукам. «Это что такое! — трясет он руки дочери. — Еще и отца поучает».

Туяна ставит к раковине маленький стульчик, взбирается на него, подставляет коротенькие пухлые ручки под струю воды. Она медленно сжимает и разжимает кулачки, по которым

стекают струи воды. «Мыло возьми!» — мужчина возвращается к газетам, довольный, что ему не будут мешать.

Из ванной доносится однообразный шум льющейся воды. Проходит минут десять, а может, пятнадцать. Отец заглядывает в ванную. Туяна все так же стоит на стульчике у раковины и с увлечением стирает носовой платок. На полу в ванной видны лужи воды.

— Хватит хлюпаться! Вытри руки и выходи.

— Но! Я стираю платочек!

— Никаких «но». Сейчас же выходи из ванной!

— Но-о-о!

— Перестань говорить «но». Это некрасиво. Вон из ванной!

Мужчина закрывает кран, пытается снять строптивую дочь со стула. Девочка поднимает крик, цепляется руками за раковину. Несколько секунд они борются, пока, наконец, уступая яростному сопротивлению, отец не оставляет Туяну в покое. Минуту спустя он вновь углубляется в газету.

Внезапно из ванной доносится грохот. Мгновенно побледнев, мужчина бросается туда.

Туяна висит, зацепившись локтями за край раковины. На мокром полу лежит опрокинутый стульчик. Напряженное тело девочки мелко дрожит, ее ножонки на сантиметр не достают пола. Отец подхватывает дочь, ставит на ноги. «Да когда же это кончится, а! Ну, что с тобой делать! Что?!»

Отец ведет дочь в спальню и, оставив ее там, запирает дверь. Туяна тихо и виновато повизгивает, возится и скребется у двери. «Открой меня, папа!» — доносится ее виноватый, жалостливый голосок. Мужчина зажимает руками уши, склоняется над газетой. Он сидит так долго, а когда наконец отнимает руки, в доме стоит удивительная тишина, лишь слышатся тиканье часов да шелест проходящих за окном автомобилей.

Отец неслышно входит в спальню. Вся комната чудесно освещена заходящим солнцем. Туяна спит на диване, подперев щеку полными крепкими ручками. От напряженного сна у

нее разругались щеки и на переносице выступили мелкие капельки пота. Она ровно и глубоко дышит. В лучах закатного солнца рубиново горит ее красный сарафан, горит пышный бант в волосах, горят румяные смуглые щеки.

Косы

Сегодня в садик Туяну собирает отец, так как мама еще не пришла с ночного дежурства из больницы. Папа, всегда спокойный и неторопливый, сейчас заметно нервничает и суетится. Он, в который уж раз, расчесывает неприятно-колючей массажной щеткой длинные волосы Туяны, непослушными, словно бы деревянными пальцами заплетает их в две косы. Ему никак не удастся заплести косы так, чтобы волосы по обеим сторонам головы лежали тугими, ровными жгутами и нигде не выбивались.

Туяна с беспокойством ощупывает то одну, то другую косу – они какие-то плоские, безжизненные, того и гляди – развалятся. Девочка закусывает губу от расстройства и досады. Когда ее заплетает мама, косы получаются шелковистые и упругие: кажется, что они все время тянут голову назад, так туго мама их заплетает. Кожа на лбу и висках натягивается, отчего выражение лица у Туяны делается строгим, более взрослым, а глаза кажутся еще больше. Перед тем, как выйти из дому, она всегда тщательно оглядывает себя в большое зеркало в прихожей: оглядывает башмаки, платье, косы, поправляет банты в волосах. Так приятно видеть себя по утрам чисто вымытой, опрятной и нарядной. Особое удовольствие Туяне доставляет носить розовый, с мелкими лиловыми цветами, батник и модный кожаный сарафанчик, с кокеткой спереди, куда удобно прятать конфеты и печенье. В садике, поздоровавшись с воспитательницей, девочка обычно чинно проходит к своему стульчику у стены, садится, горделиво оглядывается

кругом. «Туяна! Туяна!» – кричат ребяташки. Подружкам она приветливо кивает и улыбается, на мальчишек смотрит строго, недоуменно и вопросительно. Все вокруг глядят на нее с восхищением.

Однажды дома, за ужином, Туяна сказала, несколько смущаясь своих слов: «В группе все только и кричат: «Туяна! Туяна!»

Папа с мамой переглянулись, потом папа спросил нарочито равнодушным тоном, деланно зевая: «Что же, все хотят играть с тобой?» «Да», – тихо ответила Туяна. «А с другими девочками разве не хотят?» – улыбаясь, спросила мама. Вопрос привел девочку в замешательство. Конечно, есть и другие девочки, с кем многие в группе хотели бы играть, но с ней, с Туяной, хотят играть больше, чем с другими. Даже те, с кем она не водится, увидев ее, кричат, как ненормальные: «Туяна! Туяна!» Ну, как объяснить все маме, и чтобы это не выглядело хвастовством!

Девочка потупила голову. Папа поспешно стал рассказывать маме о том, какую симпатичную аппликацию из цветной бумаги сделала Туяна в детском саду (он видел это на выставке).

Кое-как заплетенная, Туяна стоит в прихожей. Она растерянно и с ужасом рассматривает себя в зеркало. Волосы на голове с одной стороны стянуты в косу не так туго, как с другой, отчего валики волос, по бокам от пробора, кажутся неодинаковыми, косы, жидкие и плоские, безжизненно обвисли по плечам.

Глаза у девочки увлажняются, ей хочется заплакать, закричать от обиды, что папа становится таким неумелым, когда дело касается ее волос. Но папа ничего не замечает. Он торопливо засовывает в папку бумаги со стола, ощупывает карманы пиджака: «Платок...очки... Кажется, все на месте... Идем, Туяна!» Они выходят на улицу.

Влекомая отцом, девочка идет машинально, обреченно опустив голову. Отец шагает быстро, все время поглядывая на часы. Ладонь у него почему-то необычно цепкая и жесткая. «Опаздываем, опаздываем, Туяна. Ну, поживей, пожалуйста!» – то и дело нервно повторяет он. Девочке хочется заплакать, но она не решается: «Ведь он из-за меня опоздает на работу, – думает

она. – Папа станет непременно сердиться. Сейчас он ничего не станет и слушать!»

Туяна с ужасом представляет, какая растрепанная и некрасивая появится она сегодня в группе: «И платье!.. Платье, как назло, на ней самое обыкновенное, которое ей никогда не нравилось. Как все удивятся, увидев ее в таком виде!...»

Девочка не чувствует тела, ноги, кажется, идут сами по себе. Ее страшит группа, страшат ребяташки: «Ах, если бы не ходить сегодня в садик, не встречаться ни с кем!...»

Вот и знакомая зеленая ограда, знакомое двухэтажное здание из белого кирпича. Садик.

В раздевалке теснота, все вперемешку, – взрослые и ребяташки. Из группы доносится властный резкий голос воспитательницы Галины Григорьевны. Как всегда, дольше всех переодеваются краснощекие медлительные увальни-близнецы Денисовы. Их мама, высокая тонкая женщина в строгих близоруких очках, надевает на них по очереди сандалии, заправляет рубашки в одинаковые светло-коричневые колготки. Туяна скорбно и обреченно садится на низенькую скамеечку. Отец наклоняется над дочерью, возится с застежками ее туфель, он не замечает состояния Туяны.

– Ну, все, – целует он девочку в щеку. – Иди.

В это время один из карапузов-близнецов заревел, ухватился за полы пальто собравшейся было идти матери.

– Это что такое, Валера! Что за новости! – в раздевалку входит Галина Григорьевна. Она решительно берет Валерку за руку, ведет его, ревущего, в группу. Туяна не выдерживает, она громко всхлипывает, смуглыми кулачками размазывает покотившиеся по щекам слезы.

– Вот тебе раз! – удивленно восклицает отец. – Что с тобой, Туяна?

Дочь стоит, опустив голову, худенькие плечи вздрагивают.

– Не хочу в садик, – сквозь всхлипы полушепотом говорит она.

– Вот так новости! Всегда с удовольствием ходила, а тут вдруг «не хочу».

Девочка подается вперед, прижимается к отцу.

– Не хочу... не хочу в садик!

Мужчина поднимает голову дочери, озабоченно смотрит в ее заплаканные глаза. Круглое личико Туяны отуманено страдальческой гримасой, покрасневшие веки опухли. Девочка стыдливо отнимает голову, прячет заплаканное лицо в складках отцовского пиджака. Отец растерянno гладит дочь по голове; убитый вид Туяны трогает его.

– ...Ну, что ж делать... Не хочешь, так не хочешь... Извините нас, пожалуйста, Галина Григорьевна, – сконфуженно говорит отец. От этих слов Туяна вся замирает в мучительном ожидании: если Галина Григорьевна возьмет ее за руку и отведет в группу, папа не станет настаивать и оставит ее в саду! Бесконечные, мучительные секунды. Но воспитательница не подходит. Обиженно пожав плечами, она идет в группу, слышен ее резкий удаляющийся голос: «На зарядку построились! Быстро! Быстро!...»

По улице Туяна идет молча, папа тоже молчит, лишь изредка внимательно поглядывает на Туяну.

– Уведу тебя к бабушке, – говорит он.

– Нет, я хочу с тобой, – не соглашается дочь. – Я тебе не буду мешать, не бойся, папа!

Отец молчит, после некоторой паузы соглашается:

– Ладно, дежурство у мамы скоро заканчивается, я позволю ей, и она заедет за тобой ко мне на работу.

– Хорошо!

Туяна повеселела. Она крепко держит отца за руку, идет бодрым шагом, с высоко поднятой головой.

На работе у папы девочка берет с его стола несколько карандашей, листы бумаги, садится за свободный стол рисовать.

Папа звонит маме из соседней комнаты. Он вполголоса, чтобы не слышала Туяна, объясняет ей, почему он решил не оставлять девочку в саду. Против ожидания, мама совсем не сердится на папу, а жалеет Туяну: «Бедная моя!.. А знаешь, это даже хорошо, что ты не оставил ее в садике. В последнее время мне так было некогда, я с ней совсем мало обща-

лась. Мне кажется, что я даже соскучилась по ней. Ах, бедная моя!..»

Когда подъехала машина, мама стала целовать Туяну как-то особенно горячо, точно они давно не виделись, а папа, словно виноватый, стоял поодаль, смущенно поглядывая на Туяну.

– Пока, папа! – дверца за Туяной захлопнулась.

– До свидания, доченька! – закричал отец, махая вслед уходящей машине.

Капели

Весёлые песни
Запели капели
О том,
 что у солнца
Лучи подобрили,
Что птицы
 рядками
На веточки сели
И в песни капели
Вплели
 свои трели.
Пели капели
О том,
 что метели
Уже отмели,
Уже отсвистели,
Что шепчет тепло
Ветерок, пробегая,
О том,
 что идёт к нам
Весна молодая.

Качели

До самой макушки
Раскидистой ели
Взлетают качели,
Взлетают качели.
Я вижу село моё,
Как на ладони:
Вон школа моя,
А вот
 дом тёти Тони.
И речку я вижу,
И поле я вижу,
А солнце
 то дальше,
А солнце
 то ближе.
Взлетают качели
К раскидистой ели.
Нам страшно
 чуть-чуть:
Высоко мы взлетели.
Но наши
 улыбки
Мы солнышку дарим,
Чтоб выше
 взлететь,
Мы опять приседаем.

Непослушные мышата

— Там высокая пшеница,
Можно, дети, заблудиться, —
Учит строго мама-мышь
Маленьких мышат.
А мышата маму-мышь
Слушать не хотят.
И свистят мышата
Тоненько,
И пищат мышата
Тоненько,
Свои сабли из соломинок
Спрятать за спины спешат.

— Там орлы степные носятся,
В когти вы к орлам напроситесь...
Вы у норки, на песочке,
Поиграйте-ка, сыночки.

Но мышата и не слушают
мышку-мать,
Им скорее в поле хочется
убежать.
И убежали..

Я считаю!

Ура! Умею я считать!
Я хорошо считаю!
Один, два, три, четыре, пять...
Я даже дальше знаю!
Нас в первом классе
Двадцать пять,
А парт у нас тринадцать.
Карандашей в пенале пять, —
Им так легко считаться.
Пусть арифметика проста,
Да я уже устала.
Вот насчитать бы мне до ста,
А это ведь не мало!

Метелица

С утра метёт метелица
Улицы села.
По каждой, каждой улочке
Метелица прошла.
И в каждый переулок
С метёлкой заглянула,
Сугробы серебристые
Вдоль улиц протянула.

Первый снег

Вчера к крыльцу дорожка
Бежала от ворот,
И делала у клумбы
Весёлый поворот.

Мой брат вчера дорожку
Два раза подметал,
А ночью на дорожку
Первый снег упал...

И стал весь двор наш белым,
И улица бела,
И стали крыши белыми
У всех домов села.

...И не бежит дорожка
К дому от ворот,
Не делает у клумбы
Весёлый поворот.

У КОЗЛЁНКА ВЫРОСЛИ РОГА

У козлёнка Шаргадай появились рожки,
Было трудно их сперва даже увидеть.
Но они росли, росли, подросли немножко,
И козлёнок, веселясь, начал всех бодать.

Вижу: девочка навзрыд плачет...
— Что с тобою? — Шаргадай... опять... боднул...
— плача, говорит. Сколько жалоб! Невтерпёж!
Людям нет покоя. Замухрышка — а гляди, что вокруг творит!

С дисциплиной у него, видно, не в порядке.
Будь он школьником, его выгнали б давно.
Но не школьник Шаргадай. Вот и рвётся в схватки..
Все ругают — а ему это всё равно.

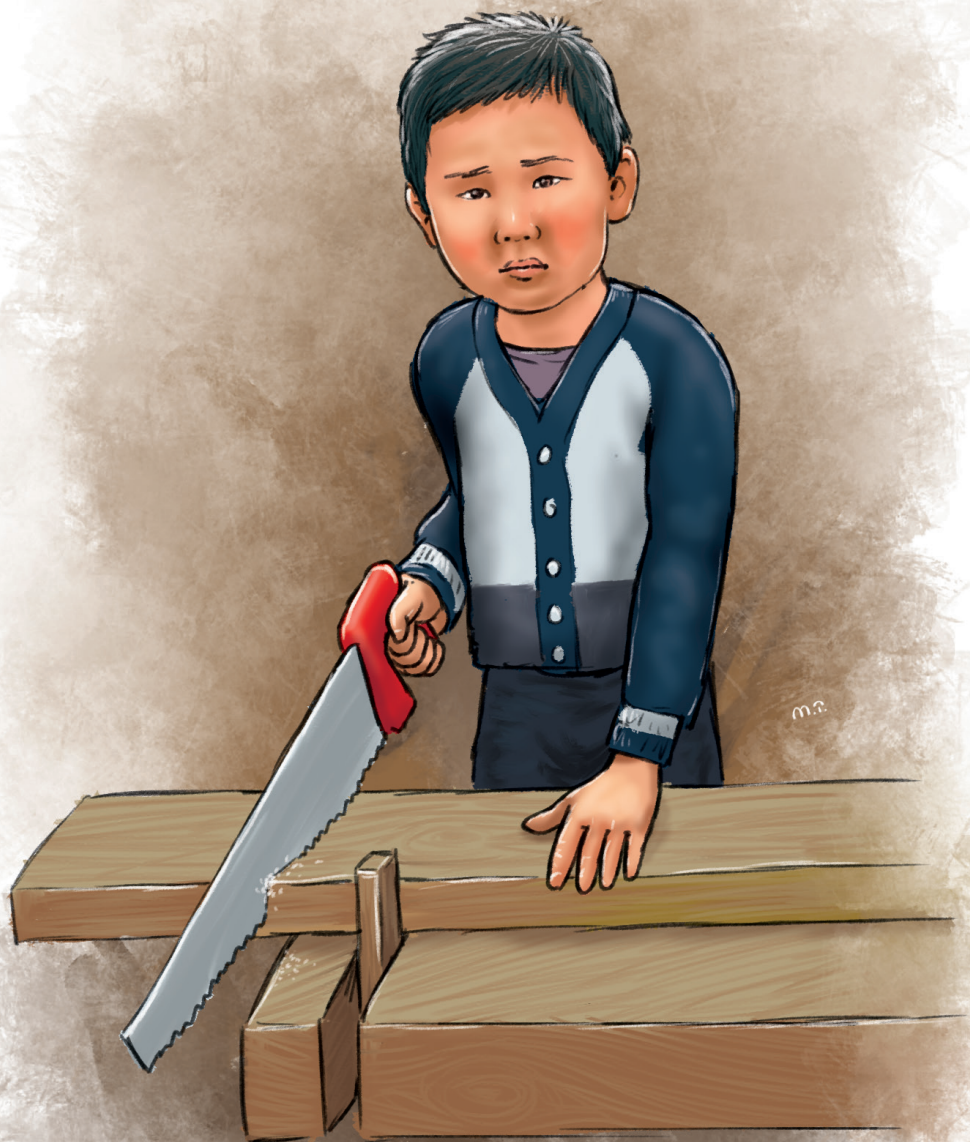
Но не долго Шаргадай шумно так резвился.
Да, нашлась и на него твёрдая рука...
Это дедушка Согто с пилочкой явился
И бодливому козлу отпилит рога.

А теперь он без рогов. Жалоб не бывает.
Стал он паинькой — хоть впрямь в школу принимай.
Даже маленьких детей он не задевает.
Так, ребята, присмирел козлик Шаргадай.

Абида

На задней парте Абидá
Сидел тихонечко всегда:
Сосредоточенный, суровый,
Не замечая никого,
И только стружкой сосновой
Приятно пахло от него.
Проходит первый месяц... третий...
Не слышно в классе Абида!
Как будто нет его на свете!..
Молчит как в рот набрал воды.
Учитель спросит, он ответит
Неторопливо на вопрос,
И вновь язык к зубам прирос.
Смеялись девочки над ним:
«Ты что, язык свой проглотил?
Скажи словцо, конфет дадим!»
Но он по-прежнему молчал, —
Так дорожил он словом каждым...
И вот пошёл наш класс однажды
Работать в школьной мастерской.
В ней шум и гам стоит такой!..
Нам было трудно в первый раз,
Из рук всё валится у нас.
Галдан пыхтит над топором,
Забить не может рукоять;
Балдан на доску сел верхом,
Её пытаясь остругать...
Но разве доску остругаешь,
Когда нет опыта? Беда...
Вдруг наш молчальник Абида
Преобразился, не узнаешь!
Тому покажет, как пилить,
Тому — как дырку просверлить;

Всем неумейкам помогает
То замечаньем, то советом...
А сам он пилит и стругает
Не хуже мастера при этом!
Весёлым, ловким стал таким, —
Работать здорово умел...
С тех пор никто из нас над ним
Смеяться больше не хотел!

Где КОРОВЫ?

Мы в город приехали
С папой вдвоём.
Приехали в гости
На несколько дней.

По улицам,
Словно в музее,
Идём:
Дворцы и театры,
А сколько огней!

Когда же на город
Надвинулась тьма,
Довольные,
Мы возвратились домой.

Мне ночью приснились
Всё те же дома,
Приснился проспект,
Словно дождик, прямой.

Приснились машины.
Летят чередой.
Их больше,
Чем в нашем колхозе скота.

Трамвай, грохоча,
Пробежал над Удой,
Зелёные искры
Бросая с моста...

Но вот одного
Не пойму я никак,
Ведь город от наших степей
Далеко,

А тётя Удбыл
Нам подносит тарак,
Кефир, и сметану,
И молоко.

И мне говорит:
— Будь, как батор, здоров,
Испей молока
И отведай тарак.

Да лишь одного
Не пойму я никак,
А где же коровы?
Не вижу коров!

Барашек

Барашек серый заболел,
Один стоит, не весел.
Он скучным стал, он похудел,
Он голову повесил.
Его устроив на кошке,
Спросила я барашка:
— Что беспокоит вас?
«Ме-ме!» —
Ответил мне бедняжка.
Пойми тут, чем его лечить —
Касторкой, скипидаром...
Нет, в самом деле, трудно быть
Врачом-ветеринаром!

ТҮРЭЛ ХЭЛЭН

Түрэлхи хэлээ
мэдэнэгүй гэжэ
Түбхэн хүн намай
зэмэлээ хадаа
Сэдьхэл зүрхэндэм
эритээр хүрэжэ,
Сэнгүй муухайгаар
доромжолхо даа.
Буряад хэлэн —
Байгал далай,
Бурьялма эршэтэй
аршаан бэлэй.
Ами наһанайм
сэнтэй гэлэй,
Алтан дэлхэйдэ
мандатугай!

«А» ҮЗЭГ

Алфавидай
Ахалагша –
Алдартай
«А» агша.
«А»-тайл хадаа
Амаяа
Амарханаар
Ангайлгахаш.
«А»-тайл хадаа
Агаараа
Аршаандал адляар
Амталхаш.
Аха заха,
Ахалагша,
Арадай ханаха
«А» багша.
«А»-тайл хадаа
Аятайгаар
Аяга сайгаа
Амсахаш.
«А»-тайл хадаа
Адатайгаар
Ардагаа
Амалхаш...
Алфавидаа
Ахалдаг
Алдарта
«А» мандаг.

Хонин мөөрэдэг гү, маарадаг гү?

Хүдөөдэмнай
айлшаар
наяшагхан

Коля ерээ
Улаан-Үдэһөө.

Хүндэлжэ садхаагаад,
аргаахан

Хүгшөөдэйнь һураа
тэрээнһээ:

— Хонин яадаг бэ?

— Хашхардаг.

— Хүлэг ядаг бэ?

— Мөөрэдэг

— Хүригшэ үнээн?

— Бабанадаг.

— Тэмээн яадаг бэ?

— Маарадаг.

— Тэхэ яадаг бэ?

— Хар-хур гэдэг.

— Газаахи тахяа?

— Инсагаалдаг.

Хүгшэн эжынь
гайхахадаа,

Хүбүүнһээ иигэжэ
һурабал даа:

— Тоһо яадаг бэ?

— Эдидэг даа!

— Тараг, хү?

— Уудаг даа!
— Тарган мяха?
— Баридаг даа!
Эдихэ ууха,
гүрэхын талаар,
Энээндэ
«Таба» табихаар лэ.
Харин мал
мэдэхын талаар,
Хара хооһоор
ябуулхаар лэ.

ҮБГЭЖӨӨЛ Барас хоёр

Урдын урда сагта,
Уг удамай эхиндэ,
Бархан үндэрэй
 добуун байхада,
Байгал далайн
 шалбааг байхада,
Тооһото зэбүүн Гобиин
Тохомой шэнээн хаһада,
Үбэр түбэр үсөөхэн
Үхэр малаа үсхэхэдэн,
Нэгэ Үбгэжөөл Хүгшэнтэй
Нютагтаа һууһан
 юмэлтэй.
Нэгэ гарюуһан хүниндөө
Нэтэрүү хэтэрүүнь түргэдөөд,
Харанхыгаар гэтэн,
 тэрэнэй мал
Хороодог болобо —
 һурашамал.
Нажарай бүгшэм үдэр ха,
Наһажаал тэрэ Үбгэжөөлнай
Тайгада хорёогой һургаагууды
Тайража,
 унагаажа байбалтай.
Хүхы шубуун донгодоно,
Хүнды өөдөһөө һэбшээтэй,
Халта юумэнэй һаршаганахада,
Харан гәһээн —
Барас!
Пэй!

Нюдэнийн гэжэ-ээ
бэрэ бэлтэгэр!
Дэлхэнийн —
бара барбагар!
Аманийн гэжэ-ээ
ангагар!
Араа хоёониинь —
ара арзагар!
«Нарсагануулаад,
бажуугаад,
Һанги намайе
эдихэнь», — гээд,
Үрсэгэнэн шэшэрбэ
Үбгэжөөл,
Үргэ аманийн хүшэшөөл.
Дээрэлхэбэ Барас Үбгэндэ,
Дала мүрһөөнь һабардаа:
«Хүдэрхэн Үбгэн хэбэртэйш,
Хүсээ үзэлсэлши», —
гэбэл даа.
«Хаана, хэзээ,
яахадажа,
Хүсэ шадалаа үзэлсэхэмнайб?» —
Гэжэ Барасай шангархада,
Гэнэдэһэн Үбгэжөөл
айшанхай:
«Үглөөдэр эндэ модонууды
Унагаажа хүсөө үзэлсэе», —
гэбэ.
Хүгшэндөө ерээд,
Үбгэжөөл
Хөөрэхэдэнь,
иигэжэ заажа үгөөл:
«Хүсээ үзэлсэхэ газартаа
Хэдыхэн модо дутуухан
Хүрөөдэжэрхи

мүнөө ошоод,
Харайлши һөөргөө бушуухан».
Үглөөдэрынъ Барастай
Ушарха газартаа уулзажа,
Үсэгэлдэр хюрөөдэһэн модонуудаа
Үбгэжөөл түлхибэ
шууяса,
Дүгэд халтал хүрэхэдэнь лэ,
Дарьягар нарһанууд хийдэнэ.
Харин Барас түлхихэдээ,
Хара хүлһее урадхааба.
Ёолон, ядалдан,
нарһанууды
Ёохон удаахан унагааба.
Барас Үбгэндэ диилдэхэдээ,
«Бар хүсээ ондоогоор
Элирүүлэе,
үзэлсэе, — гэбэ.
— Энэл газартаа үглөөгүүр
Шулуунай хатуе томолжо,
Шүүһе гаратар шахаһамнай
Диилэһэн,
илаһан болуужан,
Дүүрэхэл тиигээд
тоосоомнай».
Хүгшэндөө ерээд,
Үбгэжөөл
Хөөрэхэдэнь,
иигэжэ заажа үгөөл:
«Түйсэтэй уһа
һугабшалаад,
Тишээ эрьеэд ерэлши,
Шулуунай хонхорто адхажархи,
Шүрбэһэлэн үглөөдэр шахахадашни,
«Шүүһэн» гаража байха бшуу,
Шүүхэлши боосоогоо,
эдихэлши».

Уна адхагша шулуугаа
Үглөөдэрын
Үбгэн бажуугаа,
Сэлсытэр «шүүнэ» гаргажархёо.
Сэсэртэр тойруулан сасажархёо.
Хажуудахи нүгөө шулууень
Хүсөөрөө Барас шахахадаа,
Оройдоо шүүнэ гаргабагүй,
Оролдоо, уухилаа —
ядаба ха даа.
«Бүтэхэгүйл хүсэтэй үбгэн», —
гээд,
Барас хажуудахиhaа
бүри айшаба.
Гэнэдхээн хоролхо түсэбтэй
Гэртээ Үбгэни уриба.
Айлшалуулан,
Үбгэни үдэшэлэн
«Амарагты», – гээд лэ хэбтүүлбэ.
Нэмээхэн Барас нюусаханаар
Нэлмээс бүлюүдээд,
газаалба.
Мууе Үбгэн нэжэглэбэ,
Мэгдээ,
зүрхэниинь сохилшоо.
Тэндэ байһан
танха абаад,
Тархидаа углаад,
хэбтэшоо.
Газааһаа Барас ороод,
Гэтэхэдэн дүтэлжэ,
нэлмээрээ
Танхатай Үбгэнэй толгойе
Тас лэ сабшаба
хүсөөрөө.
Хоёрдохёо далайжа сабшахадань,

Хухаршаба нэлмэнь
хахадаараа.
Унатараа гайхаһан Барас
Унтаридаа орожо хурхираа.
Тэрэнэй унтахы мэдэхэдээ,
Түргэн Үбгэжөөл маряахадан,
Танхыень нэмээхэн абаашажа,
Табиба хуушан байрадань.
Хашалгүй толгойгоо маажажа,
Хэлэбэ үглөөгүүр
Үбгэжөөл:
«Мүнөө хүни
нэгэ юумэн
Магнай дээрэм
хас-тас гэшоо...»
Барас тэрэниие дуулахадаа,
Бард гэшэбэ,
мэгдэлдээ,
Ондоохон лэ аргаар энээниие
Оромынь олохо байна гээд:
«Хүндэлхэ гэхэдээ,
уһагүйлби,
Худаг эндэхэнэ,
дүтэ гүбэ,
Амһартаар уһа асаралши,
Амтатайханаар сайлая», — гэбэ.
Аалихан гаража,
Үбгэмнай
Амһартынь үргөөд,
арай-шамай,
Хүлһэ-һалһан,
даажа ядан,
Худагай дэргэдэ асархадаа,
Ухаандаа иигэжэ бодоно ха:
«Уһагүй хооһон амһартынь
Ядалдан эндэ асарһан аад,

Яагаад
уһатай болоходонь,
Гэдэргэнь
даажа абаашахабиб», –
Гэжэ тухайлаад,
аргатай,
Худаг тойруулан,
газарынь
Хүрзэдэн малтаба,
шамдуутай.
«Газарынь юундэ малтаабта? –
гэжэ,
Гайханан Барасай асуухада,
«Худагтайнь уһа абаашахамни,
Хамаагүй», –
гэжэ харюусахадань,
«Ай даа,

худагым эбдээ наань,
Ангажа хосорооб даа, —
гэжэ бодон,
Аргагүй Барас
сошордон,
Амһартаа өөрөө үргэлэнхэй
Аалихан, уухилан,
гэртээ
Абаашаба гэнэл даа,
хүлэрэнхэй.
Тэмдэг бэлэг болгожо,
Томо алта
хүсэтэ Барас
Үргэжэ асараад,
табижархиба
Үбгэнэй урдахана тас-яс.
«Даажа абаашаха аргагүй,
Даншые хүндэхэн бэлэг,
Бэлэгээ өөрөө тэбэрихэдээд,
Барас намайе
хүргэжэ үгэг», —
Гэжэ Үбгэжөөл түсэб табяад,
Гэртээ уриба нүгөөдөө.
Алтаяа Барас үргэлһэн
Айлшалан ерэбэ
Үбгэнэйдөө.
Хүл алдаба Хүгшэниинь,
Хүндэлхэээ ханаба,
һалирба:
«Яажа айлшанаа хүндэлхэб?» –
гэжэ
Яаран Үбгэнһөө һураба.
Ербэгэр Үбгэжөөл захирба,
Ехэл сэдхэлээ хүдэлэнги:
«Түргэхэнөөр шанаад үгэлши
Түрүүшын барасай түбэнги,

Нүрхэйхэнөөр бэлдээд табилши
Нүүлшын барасай хошхоног.
Мүнөөдэр манайдаа
айлшамнай
Мүсээ амаруулжа хоног».
«Шолдоонгууд,
намайе эндэхэнээ
Шарууhalхань гэжэ
hanaхaдaа,
Шадал соохоноо хүйхэрнай
Шамдуун гаража,
зугадаба ха даа.
Ухаангүй харайлган ябатарнь,
Ушарба урдаhaань
улиhan Шoнo:
«Яагаад иитэрээ
амидатараа
Яараабши?» — гэжэ һонирхоно.
«Аймшагтай,
эльбэ жэльбэтэй
Айлайхи эндэ дайралдабал,
Намайе гэртээ унтуулаад,
Наадангаа
эдижэрхин алдабал», —
Гэхэдэнь,
Шоно эшхэйлбэ ха:
«Гэнэн лэ арьяатан байнаш даа!
Гэрэйнъ газааhaа малыень
Нюусаар эдинэб эндэнэй.
Үтэлһэн тэдэшни барагтай,
Үтэр тэхэрие намхантай,
Хониинь барижа
эдихэбди,
Хорёогойнь арада
хонохобди».
«Үгы!» — гээд,

Барас арьяатан
Үхэтэрөө айна,
 һалганан.
«Толгойгоо холбоод,
 хоюулан
Тэхэрие», — гэбэ
Гарюуһан.
Үгэдэнь орожо,
Бараснай
Үбгэжөөлэйдэ бусаба,
 гайханхай.
Үбгэжөөл
Шонодо хандажа,
Убайгүй һураба
 баярлаһандаа:
«Нэгэ барас үритэй бэлэйш,
Тэрэнээ асарба гүш,
 яндан даһаа?!»
Барас тиихэдэнь бахардан,
Бүришье айшаба,
 сошоболтой.
Шоноёо шэрээд,
 тэндэһээ
Шурд гаража,
 зугадабалтай.
Дайсан хараяа иигэжэ
Даран диилээд,
 саашадаа
Тэрэ Үбгэжөөл
Хүгшэнтээ
Тэнюун амгалан жаргаба ха даа.

Ши яахабши?

Хэбтэжэл хэбтэхэдэш,
Эжыш шоройгоо хамана.
Нүрэжэ бодоод, «би хамахам»
Гэхэ гүш түргэхэн?
Али хэбтэнээрээл хэбтээд,
Хүнжэл руугаа бухаха гүш?
Эжыш стол дээрэ
Хоншуухан шүлэ табина.
Нүрэжэ бодоод, «би эдихэм»
Гэхэ гүш бушуухан?
Али хэбтэнээрээл хэбтээд,
Хүнжэл руугаа бухаха гүш?

Зураашан

Үбэл хүйтэн гараараа
Сонхым зуран эрээлээ.
Үзэмжэтэй болгоол даа
Сохом халхин хэлээрээ.

Зураг бүхэнэйн угалза —
Зүүдэлэгдээгүй онтохон.
Альбом соогоо буулгажа,
Адъяар зураад туршахам.

БҮМБЭГЭ

Эрээн гоёхон бүмбэгэ
Гэрээр дүүрэн мухаринхай.
Монсо-сонсо тэрьедээд,
Манай Доржые зобоонхой.
Тэрүү тэндэ углууда
Тогтоходонь амархаа,
Доржо яаран мүлхинэ
Дары тэндэнь барихаа.
Арай гэжэ хүрэжэ,
Ахан гэнэйн хүхижэ,
Тэрэнь оромоо алданхай,
Саашаал халба хүрэнхэй.

Нохой долёогоо

Эрхэхэн жаахан Даша
Эдээл амтатай каша,
Нюураа будаа олиггүй.
Эрээн нохойнь зобоогоо
Нюур амыень долёогоод.
Эшээд хүбүүн, «хүрөө» гээ.

Залхуу миисгэй

Миисгэймнай—эшхэй!
— Миин лэ, унтана.
Харин углуугаар
Хулганаанууд «ёохорлоо».
— Миисгэй, хэриш,— гээд,
Түлхин гэнэйм, тэрэмни
Түргэхэн набардаадхиба,
Барбаадайем маажаадхиба.
Барбаадаие бариха
Бэлэн юм ааб даа.
Харин нүхэ нахиха
Хэнэй хэрэг юм ааб даа?

Гахан, Гаханай гахай

Урдын урда сагта Гахан гэжэ нэрэтэй гани хүн байһан һууһан юм гэдэг. Тэрэ хүн аглаг Буряад нютагтаа адууһа малаа үсхэжэ, элдэб шубуудые эжэлшүүлэн гэрэй болгожо, яһала хайн, ядамаггүй һуудаг байгаа. Морёороо ажалаа хэдэг, үнээдынь — һү, тоһо; хони ямаадынь — нооһо, хөөбэри; тахяа, нугаһадынь — үндэгэ үгэдэг байгаа.

Нэгэтэ Гахан тайгада гараад, оршон тойрон хамаг юумэ хуу ажаглан, шэнжэлэн, шагнаархан ябаба ха. Тиигэжэ ябатараа Гахан бүтүү шэрэнги соо гайхалтай, урда хойноньшы харагдаагүй ехэ һонин, ан гэхэдэ ан бэшэ, мал гэхэдэ мал бэшэ — ехэ гайхалтай амиады харажархиба. Уб улаан ута хушуутай тэдэ амиада хоншоороо дээшэн үргөөд, агаар унхидан, нэгэ юумэнэй үнэр абаһанда аягланад. Гахан хоргодоод, тэдэниие тэсэмгэйгээр адаглажа оробо. Мүнөөхи амиадынь удангүй амархаяа хэбтээд, аажам дулаан наранай элшэ доро бүхөөр унташаба хэбэртэй. Гахан гуталаа тайлаад, арһан туламаа баряад, тэдэн тээшэ аалиханаар дүтэлбэ. Талааниинь болоходоо, хоёр бишихан гүлгэд эгээ наада захадань бүхөөр унтажа хэбтэбэ. Гахан тэрэ хоёрые тулам

соогоо хээд, аргааханаар хүрэгнөөнхөнд холодон, гэр тээшээ ошобо. Ой сооноо гарахалаарнь, мүнөөхи амитадын хэрээд, шэхэ дүлииртэр шашхалдажа эхилбэд.

Гахан яаралтайгаар гэшхэлжэ, гэртээ ерээд, тэдэ гүлгэдөө хашаан соогоо хаагаад, амаржа унтаба.

Үглөө үглөөгүүрын ухаа мэдээ табиган хамганиинь үбгэнөө хэрюулбэ:

— Үбгэн, үтэр бодыш, газаамнай юун боложо байна гээшэб? Хэрыш, юрэдөө!

— Би үсэгэлдэр хонихонууд хоёр нарай гүлгэдые ойноо асараа нэм, тэдэнхээ айгаа гүбши даа.

— Миин хоёр бэшэл, үбгэн, бүхэли хүрэг лэ. Бултадаа хашаа уруумнай тэгүүлжэ, ханануудынх унагаагуутай байнал.

Яаралтайгаар унтаринаа бодоод, хурса хүхээ бариган Гахан газар гараад, гайхашаба: үсэгэлдэр хараган хүрэг амитад бултадаа газарнь ерээд, дал хударнь тэгүүлжэ байба.

Гахан ухарижа, удаан боложо байнгүй хэрижа, хашаан соогоо ороод, үүдынх нээхэрхибэ. Тэдэ амитадынх аймшагтай шангаар шашхалдан, хуухиралдан үбгэжөөл тээшэ даб гэлдэн, добтолжо оробод. Гахан мэгдэн тэбдэнгүйгөөр сарбан хүхээ далайжа, бултанайнх ута хоншоорнуудыг таа сабшажархиба. Хоншоорнуудаа таа сабшуулхадаа хуухиралдаха хаахиралдахаяа болёод, номгорхон амитадай хашаагай нэгэ буланда шэбээлээд байхалаарнь, Гахан ута хоншоорнуудынх суглуулаад, газаргаа газарта булажархиба.

Тэдэ амитадынх Гаханай хашаа соо үни удаан байбад. Таа сабшуулган хамарнуудынх шантарханууд аад, хоёр нүхэтэй шагтанууд шэнги хатуу арнаар хушагдан эдэгэшэбэ.

Нэгэтэ үглөөгүүр хүршэ айлайнх хүбүүн хашаагайнх үүдэ нээгээд, тэдэ амитадынх газарнь гаргажархёо нэн гэхэ. Тэдэнх сүлөөдэ гарахатайгаа сасуу хамарнуудаа бэдэржэ, Гаханай, хүршэнэрэйнх газаргуурхи газарыг онгилжо, малтажархёо нэн гэхэ.

Тэдэ амитад тэрэ гэнэнхээ хойшо Гаханай нэрээр гахайнууд гэжэ нэрэтэй болоо юм. Тэдэ амитадай үрэ хадагануудынх хэээ үни таага сабшуулган уг гарбалайнгаа хамарнуудыг бэ-

дэржэ, мүнөө хүрэтэр газар онгилжо ябадаг зандаа. Анханай-хидаал адли өөдэнь үргөөд, агаар унхидадаг ута хамаргүй һэн туладаа юумэнэй үнэр илгаруулхаяа болишонхой: амтатай амтагүй эдээн гэжэ мэдэдэггүй. Мүнөө гахайнууд хүнэй тууһан тээшэ гүйлдэдэггүй. Ушар юуб гэхэдэ, Гахан шэнги хүн үлэһэн шантагар хамарымнай таһа сабшуужан гэжэ айһандаа тэрьелнэ. Тиимэһээл гахайнууд хамарайнгаа үбдэһэндэл бүхэли наһан соогоо ёоложо, гэншэжэ, гэмэржэ ябадаг.

ҺҮҮЛТЭЙНЬ ДЭЭРЭ ГҮ, али ҺҮҮЛГҮЙНЬ ГҮ?

Манил бэшэ нохойнууд уулзаһаар эрхирэлдэн хэрэлдэдэг. Нэгэтэ хоёр нохой уулзан гэхэдээ хэрэлдэбэгүй. Юундэ хэрэлдэбэгүйб?

Хотошын эзэндээ ошохоёо яаран гүйжэ ябатараа харан гэхэдэнь: нохой гү, али нохой бэшэ гү, ойлгохын аргагүй юумэ урдаһаань ерэжэ ябаба. Хотошо иимэ амитантай хэзээдэшье уулзаагүй байгаа.

— Һээ, хэн гээшэбши? — гээд, урдаһаань ерэгшээ зогсообо.

— Би нохойб! — гээд, томоотойгоор харюусаба.

— Яагаа һайхан гээшэбши! — гээд, Хотошо гайхангяар һүүлээ шарбаба.

— Мэдэнэгүйб, ямар гоё юумэ намда харабаш? — гээд, нүгөөдэнь маргангяар хэлэбэ.

— Елэгэр ноһотой, үргэн сээжэтэй, хүрмэгэр шэхэтэй, ехэ нюдэтэй, һонин лэ байнаш! — гэн, Хотошо тэрэнэй шэнжэ шаһарые тоолобо.

— Өөрөөшье һайхан байнаш, — гээд, урдаһаань харюу үгэнэ. — Үндэр суурагар хүлтэй, сагаан хүзүүтэй, һабаршниш баһа

тиимэ, нюдэн дээгүүрээ түхэрсэн бүдэнтэй, сахаригтаһан па-
пагар һүүлтэйш. Яагааш һайхан гээшэбши. Баһал нохой гээшэ
аабши даа?

— Тиимэ даа, нохой, — гээд, Хотошо һүүлээ һагсалзуулан
байжа харюусаба.

— Һүүл өөрыншни гээшэ гү? — гэжэ хоёрдохинь һонюушар-
хаба.

— Хэлсээнгүй ааб даа! — гээд, Хотошо омогорхоно. — Байл
даа, шимни оройдоо һүүлгүй хаяаш? Юундэ тиимэ гээшэбши?
— гэжэ Хотошо ехээр гайхаба.

— Мэдэнэгүйб... — гээд, Янгар үг-маг гэлэй.

— Хүлдөөжэрхинэн байжа болоолтойш?

— Үгы даа.

— Таһа татуулжархинан байгаа гүш?

— Үгы ааб даа,—гэжэ Янгар сухалтайханаар харюусаба. — Гээжэрхиһэн байгаа хаш?

— Гээгээшьегүйб, яатараа боһоо бороо юмши? — гээд, Янгар ехэ уурлаба.

— Үгы, хайшань хэжэрхёо юмши?—гээд, Хотошо халаба хандабагүй.

— Гараха түрэхэнһөөм хойшо иимэ юм, — гэжэ Янгар дурата дурагүй харюусаба. Һүүлгүй ябаха гэшэ аяшьегүй юм ха гэжэ бодоһон байгаа.

— Байза, иихэдээ нохой бэшэ гэшэ гүш? — гээд, Хотошо хэжэг түрэнгээр асууба.

— Үгы, нохойб! — гэжэ Янгар лаблан хэлэбэ.

— Тиимэ хаа, юундэ Һүүлгүй гэшэбши? Бүхы нохойнууд нам шэнги һагсагар гоё Һүүлтэй ха юм! — гэсэгээн Хотошо гайхаад халабагүй.

— Һүүлээр юу хэбэ гэшэбиб? Тэрээнгүйгөөршье муу болоһон юумэ намда үгыл,— гэжэ харюусаха үгээ Янгар олобо.

— Яахадаа, юундэ? Эзэнээ юугээрээ амаршалха, тэрээндэ хайшан гээд баясхалан хүргэхэ юмши?

— Юунэй түлөө амаршалха, баясхалан хүргэхэбиб? Уялгаяа яһала һайнаар дүүргэдэгби. Энээнһиие эзэмнишье һайса мэдэдэг. Заримдаа хүлөө һарбайгшаб.

— Юунш гэһыеш мэдэнэгүйб. Эзэн бүхэн урин налархай амаршалгада, баясхалан хүргэлгэдэ дуратай байдаг. Жэшэнь, эзэнэйнгээ ерэжэ ябахые харажархиһоор угтан гүйжэ ошоод, миһэлзэд гээд, Һүүлээ һагсагануулдагби. Тэрэ намайе хараһаар үнэн зүрхэнһөө эзэндээ баяр баясхалан хүргэн, һаймһаржа байһыем мэдэдэг,— гээд, Хотошо хэлэнэ.

— Хэрбээ эзэнэйнгээ сыдь гээд, хүлөө дэбһээ һаань яадагбши? — гэжэ Янгар асууна.

— Элдэб юумэ болодог ааб даа. Тиихэшье ябадал үзэгдэгшэ. Хэрбээ эзэнэйнгээ сухалтайшаг байгаа һаань, хүлөө дэбһээ һаань, Һүүлээ хабшаад, саахануур ябадагби,— гээд, Хотошо сэхэ уруунь хэлэнэ.

— Ута Һүүлэй юундэ хэрэгтэй байһыень одоол мэдээб! Һүүлгүй байһан дээрэ гэжэ һананаб. Эзэнэй абари зан адуулжа һаг-

сагануулан, урдань наймнаржа гү, али айгаад, һүүлээ хабшан, далда газараар ябаха гээшэш хаалта,— гэжэ Янгар сэхэ уруунь хэлэбэ.— Юрэдөө, элдэб билдагуушадта дурагүйгшэб. Һүүл бүхэн ондо ондоо. Тэрээнгүй наа һураггүй дээрэ. Тиигэжэ хэлэн сасуугаа Янгар гэжэ бульдок нохой ябаһан харгы уруугаа гүйшоо һэн.

Хотошо хэлэхэ харюу олонгүй, папагар һүүлээ һагсалзуулһаар, харгы дээрэ үлэшөө бэлэй.

Гахай ба МОГОЙН ХОРОН

Нэгэтэ халуун үдэр Гахай амбаарай һүүдэртэ амархаяа хэбтэбэ. Аярханандаа онигор нюдөө аняад, хурд-хурд хуухираад абана. Энэ үедэ амбаар дороһоо Могой бултайгаад, Гахайе ехэ шулуун гэжэ һанаад, доогуурнь гулдиржа захалба. Мүлшэгэр аад, хүйтэн юумэнэй доогуураа гулдиржа байхые Гахай ажаглаба.

— Хэн, юун бэ энэ? Ямар амитан минии доогуур шурганаб? Байза, бодоһуулши даа, шамайе яагшал аабиб! — гэжэ Гахай гэмэрээд, нюдөө нээхээс залхууран, нажаһан зандаа.

— Ши юун гэнэбши-ши? — гэжэ Могой шииганаба. — Намайе занажа байхаар хэн гээшэбши-ш-ш?

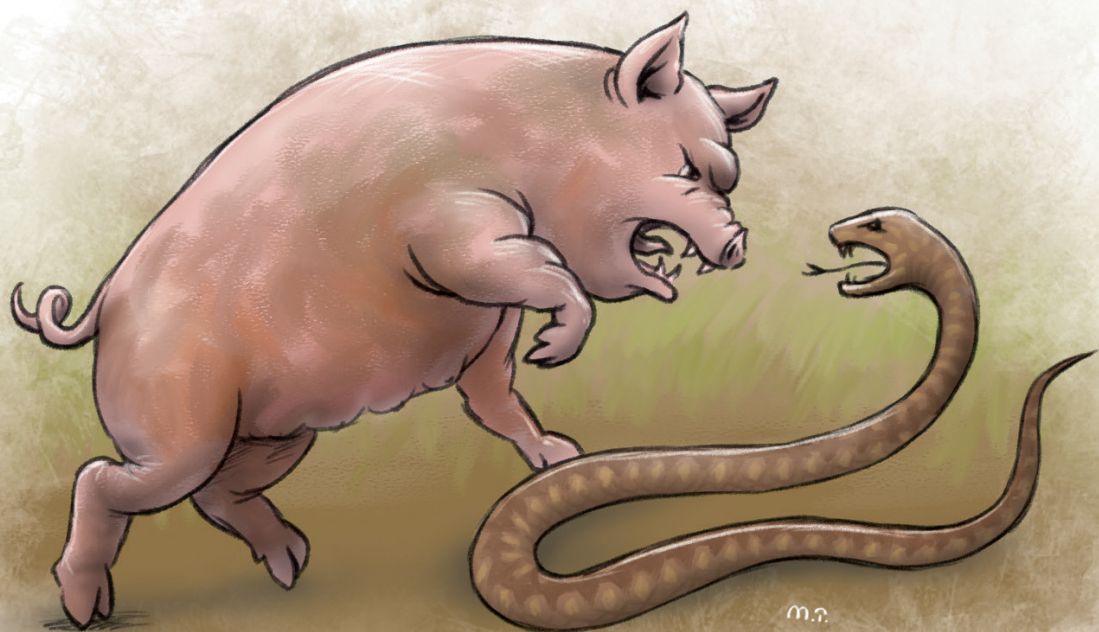
— Ши хэн аад, нам доогуур шургабаш? — гэжэ Гахай хуухирба.

— Би хорото Могой гээшэб! Намтай үһэрилдэхэ болоо һаашни, хоронойнгоо хүсые шамда харуулхаб даа!

— Юун, юун гэнэш? Хүндэтэ Гахай багша гэнэ гүш? — гээд, дутуу дуулаһан Гахай һураба.

— Хорото могойб! — гээд Могой бүри шангаар шииганаба.

— Хара шоройб гэнэ гүш, минии дээрэнь хэбтэһэн шоройбши, ойлгооб ойлгооб! — гэжэ Гахай хурд гээд дахин һажашаба.

Могой уурлаһандаа галзууржа, гэдэргээ болоод, толгойгоо үргэжэ, хоёр нүхэтэй шантагар хоншоорынь харажархиба. Тэрэ хоёр нүхөөрнь агаар эшхэрэн гаража байна. Могойн бүхы бэ-ень шэшэргэнэбэ:

— Ямар бузар муухай амитан гээшэб—амилдаг хоёр нүхэ-нииньшье жэрхэдэнэ хүрэмэ муухайл! Хүлээ даа, хоёр нүхыеш-ни нэгэн болгожорхихоб даа! — гээд, Могой ханаа амар нажа-жа хэбтэнэн Гахайе хараад, бүри ехээр сухалдаба.

Могой бүхы бээе агшаажа агшаажа, урагшаа хүрөөд, Гахайн шантагар хамарта аһаад, хадхуураа шаажархиба. Унтажа хэб-тэнэн гахай ухаа алдан хүрэжэ бодоод, байра дээрээ эрьелдэн, Могойе халгааха ханаатай толгойгоо нэжэрбэ.

— Ши, муу хорхой, шамда юун хэрэгтэй аад, минии хамарта аһаабши? — гээд, Гахай гангинашаба.

— Ай даа, тэнэг амитан, шиниихээр хадаа би миин лэ хорхой болоно гүб? — гээд, доромжолуулхан Могой атиралдажа, хотиролдожо байгаад, бүри үбшэнтэйгөөр хадхана.

— Шамае буруу нэрлээ хадамни хэлыш, ши хэн байһанаа хэлыш! — гээд, Гахай гуйжа оробо.

— Хэн байһарни яахашниб, шамда хамаагүй! — гээд, Могой харьюсана.

— Шамае хамартаа аһаагаад, хадхуулжа байхадаа хэн байһыешни юундэ мэдэхэ ёһогүйбиб, юундэ намда аһалдашоо амитамши?

— Оройтоош, доройтоһон муу гахай даһаа! Аймшагтай хороороо шамае хорлооб, удангүй амья табиха болоош-ш-ш! — гэжэ Могой баяртайгаар шииганаба.

— Ай, хара бузар, намае хорлообши? Шинии хоронһоо оройдоошье айнагүйб!..

Уурлахысаа уурлаһан Гахай оншыень оложо ерээд, охорхон урда хүлөөрөө Могойн һүүл гэшхэжэ татаад, тэг дундуурнь хазаһан бэээрээ, иигэжэ һураба:

— Зай, хэн гээшэбши, хэлэл даа намда, тэрэгүй һаашни, шамае нэгэ байһыешни хоёр болгожорхихомни!

Могойдо наадан бэшэ ханяадан болобо. Һүүлээ гэшхүүлжэ, Гахайн шүдэндэ хазуулхадаа хамар хадхаха арга һалаба, тиигээд:

— Могойлби даа... — гэжэ өөдэгүйхэнөөр шииганаба.

— Ямар ехэ зол болобо гээшэб! Хорото шамтай уулзахаяа хүсэһөөр үнинэйлби, — гээд, Гахай баяртайгаар хуухирба. — Амтыешни үзэхэ дурамни хүрэжэ байна... — гээд, Гахай Могойе амидыгаар залгижархиба.

Тэрэ гэхэнһээ хойшо бүхы могойнууд гахайһаа тэрьедэжэ ябадаг болоо юм. Гахайн үнэр абаһаар лэ саашаа мүлхижэ, холо болохые оролдодог. Хороороо гахайда хориг хэжэ шадахагүйбди гэжэ мэдэдэг ха юм.

ХҮНИИН ЭРБЭЭХЭЙ

Зунай түлэг халуун боложо байба. Наран хамаг юумэ хуухалхааа наагуур шарана. Харин папагар нооһотой хүнийн Эрбээхэй сарайн бүрүүл буланда орожо хороод, батаганаае наадална.

— Ши, Батаганаан, яаһаншье тэнэгбши даа! Иимэ халуунда юу бэдэржэ ниидэнэш, хэлэл даа, юрэдөө? Ши тахья шэнги харгуу хохор аад, хүниндөө юушье харадаггүй гүш даа? — гээд, тэрэ Батаганаанһаа һурана.

— Зүб даа, би үдэртөө ниидээд, хүниндөө амардагби. Би хамаг амитадта адли наранда дуратайб. Наран гэрэлтүүлдэг, намайе дулаасуулдаг. Наратайда ехэ хүхюун байдаг, — гэжэ Батаганаан харюусана. — Ши, хүнийн Эрбээхэй, хайшан гээд нарагүйгөөр байдагбши, би ойлгоногүйб?

— Би үдэртөө амараад, хүнийн харанхы болоходо, хаагуур яагуур ниидэдэгби. Аятай хэрюухэн байдаг. Дураа хүрөө наа, үдэршье ниидэхэлби, — гээд, хүнийн Эрбээхэй хүрхэйтэбэ.

— Ши үдэртөө юушье харадаггүй хаш даа гэжэ би ханагшаб, — гээд, Батаганаан хэжэгтэйгээр дуугарба.

— Хэрюухэн байгаал хаань, ямаршье харуул гэрэлтэйдэ ниидэжэ шадахаб гэжэ шамда хэлэнэ ха юмбиб! — гээд, Эрбээхэй урдаа оруулхаар бэшэ.

— Би этигэнэгүйб даа! — гэбэ Батаганаан. — Ши гэрэл туяаһаа айдаг хадаал харанхыда шэбээлээд һуудагши! — гээд, Батаганаан хиинаба.

— Этигээгүй хаашни, хоюулаа хүни байхада ниидэжэ гараад, үглөөгүүр болотор ниидэхэбди, — гэжэ хүнийн Эрбээхэй хэлэнэ, — ямаршье гэрэл туяа олоорой — би айхагүйб, гансал хэрюухэн байһай.

Батаганаан ехэтэ һонирхожо нээрээ тиимыень шалгаха гэжэ шиидэбэ.

m.3

— Тиигээл даа, Эрбээхэй, би тээ тэрэ гэр соо сонходо хүлээжэ байхаб. Харанхы боломсоор ерээрэй. Би шамтай хүни ниидээд үзэхэ дуратай байнаб,— гээд, Батаганаан хэлэбэ.

— Зүбшөөнэб,— гэжэ Эрбээхэй харьюусаба.

Наран орожо, боро хараан болобо. Батаганаан нээлгээтэй сонхын шэлдэ аһаад, Эрбээхэйе хүлээжэ хууна.

Һүнийн Эрбээхэй гэнтэ хажуудань бии болоод, даржаганаһан абыатайгаар ниидэжэ ябаба. Өөрыень хүлээжэ хууһан Батаганаае мухариса дайран алдаад, харбаһан һомон шэнги түргөөр таһалга руу сонхоор ниидэжэ ороод, иишэ тиишээ эршэгэнэн ниидэсэгээбэ. Батаганаан хойноһоонь ниидэжэ хүсэжэ ядаад, ооглобо:

— Хүлээгыш, Эрбээхэй, зэргэлээд удааханаар, аятайханаар ниидээл.

— Үдэр тиигэжэ ниидэхэдэ болодог, харин хүни харгыдаа юумэ дайран мүргэнгүй иимэ түргөөр ниидээд туршал даа.

«Нээрээшье, харанхыда ехэл түлгүү юм байна», – гэжэ Батаганаан бодобо.

Гэнтэ үүдэн нээгдээд, хүн гэртэ орожо, электролампочка носоожорхибо. Хурса гэрэлһээ һаргаһан Эрбээхэй сэхэ ниидэжэ ошоод, лампочка мүргэжэ, һөөргөө бусаба. Лампочка тойрожо ниидэсэгээн ябатараа, баһа дахин лампочка мүргэжэ оборготон газарта унаад, арай голтойхон юумэ хэбтэбэ. Тиихэдэнь Батаганаан хажуудань ошожо хуугаад:

— Ай, барма даа, гэрэлтэй һаруул байхада ши ниидэжэ шадахагүй байна ха юмши, иимэ аад, юундэ бээе ехээр һайрхана гээшэбши? — гэжэ енгүүтэйгээр дуугараад, оборготоһон һүнийн Эрбээхэйе орхёод, форточкоор ниидээд арилшаба.

Тайны Алханая

(отрывки из повести)

СБОРЫ В ДОРОГУ

Учителю истории Георгию Николаевичу было лет пятьдесят, но двигался он так легко и ловко, а его голубые глаза на загорелом лице так блестели, что учителю можно было дать не более тридцати лет. Он был путешественником, следопытом, полжизни провёл у костров. Учитель участвовал в разных походах и экспедициях в ущельях Кавказа, в степях Сибири, в Уссурийской тайге, в пустынях Туркмении. Сегодня мы не узнавали своего историка. Обычно хмурый, немногословный, он вдруг оживился, повеселел.

— История нашего Забайкалья, ребята, очень интересна! — учитель подошёл с указкой к карте. — Ведь через него истари проходит путь из России в Китай. Проезжали по нашему краю русские и иностранные путешественники.

Шестиклассники не сводили с учителя глаз. Перед ними оживали образы знаменитого путешественника Потанина, который останавливался в селе Агинском, советского академика Обручева, ездившего на лошадях на Ара-Илю. Во время беседы в класс вошёл Цырен, коренастый, полнолицый мальчишка. Его раскосые, узкие глаза походили на чёрные арбузные семечки. Под мышкой Цырен держал футбольный мяч. Покрышка распоролась, белели нитки, и дырка походила на оскаленную собачью пасть.

Цырен быстро снял измятую кепку, остановился в нерешительности у порога. Отыскав глазами свободное место, он начал пробираться вдоль стены к задней парте, строя рожи. Кто-то хихикнул. Цырен сел рядом с Батором, толкнув его локтем, шепнул:

— Зачем нас собрали в каникулы?

— Слушай, — отмахнулся от него Батор. Цырен стал прислушиваться к тому, что говорил Георгий Николаевич.

— Вот хотя бы гора Алханай! — взмахнул указкой Георгий Николаевич, как бы ставя восклицательный знак. — Её зелёный покров богат и разнообразен. Говорят, на горе растёт дикий репчатый лук и древовидный папоротник. А у нас даже в краеведческом музее нет этих растений.

Батор щёлкнул по мячу Цырена:

— Алханай! Красота!

— Не мешай! — зашипел Цырен на него. Теперь он ловил каждое слово Георгия Николаевича.

— А ты не видел Алханай? — горячо зашептал Батор.

Он закрыл глаза, и ему представилось, как между деревьями журчит горная речушка, перебирает гальку, а он, босой, бежит по колено в мягкой траве, цветах... Батор вздохнул и улыбнулся.

А учитель уже рассказывал о гражданской войне, о партизанском отряде в горах Алханая.

— А вот интересных экспонатов из жизни алханайских партизан в музее почти нет. В походе будем собирать не только растения, минералы, но и записывать песни, воспоминания о партизанах. А может быть, найдём и оружие. В музее находится только винчестер партизана Анчика Абидуева. Уверен, нас ждут ценные находки. Итак, в дорогу!

Ребята весело зашумели. Георгий Николаевич сел рядом с учителем географии Туманом Ухиновичем.

«Анчик Абидуев... Кто это? Знакомое имя... Анчик... — думал Цырен и вдруг вскочил. — Да ведь это же мой двоюродный дед! Ай-яй, забыл родню!»

Ребята с удивлением смотрели на него.

— Сядь, — дёргала его Субади. Её косички тряслись.

Цырен опомнился, быстро сел на место и зашептал Батору:

— Да ведь это же ружьё моего двоюродного деда.

— Что?

— Это дедово ружьё!

— Какое ружьё? — ничего не понимал Батор.

Тумэн Ухинович застучал карандашом по столу. Учителю географии было лет двадцать пять, на его смуглом, полном лице весело сверкали очки в роговой оправе.

— Вопросы? — поднялся из-за стола Тумэн Ухинович. — Только не все сразу. Можете подавать записки.

Кто-то вынул тетрадку, зашуршала бумага, друг другу передавали карандаши.

Цырен, волнуясь, вырвал из тетради лист и, что-то написав, передал записку. Георгий Николаевич поднялся.

— Вопросов много, — проговорил он, складывая из записок веер, — буду краток. Пока учитель отвечал, Цырен беспокойно ёрзал на скамейке: «Почему на мою записку не отвечает?»

Наконец в руке Георгия Николаевича осталась одна бумажка.

— Кто это писал? — спросил он. Ребята молча переглядывались.

— Оказывается, в нашей школе учится внук партизана Абидуева. Попросим его встать.

Смущённый Цырен поднялся.

— А, Цырен Доржиев!.. — в голосе Георгия Николаевича было удивление.

Ребята с любопытством смотрели на Цырена, а он, опустив голову, смущённо тербил рваный мяч.

— Ну что же, гордись своим дедом, — произнёс учитель.

Вокруг Цырена столпились ребята, точно впервые увидели его.

— А дед твой жив?.. А где он воевал?.. А есть у него ордена?..

— тормозили они Цырена.

Но Цырен ничего не знал, кроме того, что его дед убит в 1921 году.

...К походу готовились очень тщательно. Руководили подготовкой Георгий Николаевич и Тумэн Ухинович. Походное снаряжение сносили в географический кабинет. Завхозы, Батор и Володя, принимали дорожные вещи.

Уточнив расстояние переходов, путешественники решили разделиться у подножия Алханая на два звена. Соединиться должны были на вершине Алханая. Одно звено, с Тумэном Ухиновичем во главе, обойдёт гору с южной стороны и выйдет на вершину её через «Храм-Ворота». Другое, с Георгием Николаевичем, поднимется к месту встречи по Большому Чёрному ущелью.

— А сейчас по домам! Через три дня выступаем в поход! — скомандовал Тумэн Ухинович.

ХРАМ-ВОРОТА

Сосны упирались друг в друга могучими ветвями. Так на бурятских праздниках упираются плечами борцы. Меж валунов и камней журчала горная вода. На берегу говорливой речушки трещал костёр. Котелок почти скрывался в пламени. Конюх, присматривавший за Гнедко, он же и повар, шумливый лохматый Арсалан готовил обед, выкладывая консервы, хлеб, сушёный творог и сушёные молочные пенки. Под старой сосной бе-

лела палатка. Петя сидел на обгорелом пне и заполнял путевой дневник звена. Он нервничал, грыз карандаш: никак не удавалось описать всё ярко. В жизни было интересней, чем на бумаге. Шевеля губами, с грустью глядел он в небо, точно прося у него помощи.

Тумэн Ухинович вышел из палатки, осмотрелся, послушал неумолчный плеск воды. Хотелось навсегда остаться в этих местах, чтобы около дома твоего плескались струи, пахло сосной и костром.

Послышался треск и смех — из чащи вылезли с охапками сухих сучьев Цырен, Батор и Субади.

Скоро все сидели кружком у палатки, обедали.

...Тропа петляла, обходя вековые великаны-деревья, валежник, ямы. Ребята цепочкой поднимались в гору. Стояла чуткая, насторожённая тишина. Чистый, прозрачный воздух был неподвижен. Где-то далеко куковала кукушка.

— О! — изумлённо выдохнул Батор и остановился.

Как развалины древнего города, перед ребятами возникла могучая квадратная скала с проходом-тоннелем в середине. На скале, напоминая огромные рога сохатого, росли кедры. У порога ворот что-то белело.

— Это и есть Храм-Ворота? — робко спросил Цырен.

— Да, это и есть Удэн-Сумэ, — ответил Тумэн Ухинович.

Сквозь проём ворот синело небо и виднелись далёкие зубья скал. Они были похожи на крепостные стены древнего города. И казалось, из-за стен вот-вот покажутся богатыри в стальных кольчугах, с луками из рогов девяности диких коз.

Цырен вспомнил протянутые руки бабушки, её шипящий голос. На душе стало тревожно, словно Цырен натворил что-то, а теперь ждёт сурового наказания. Из пролома вырывался тугой ветер. Ребята с криком бежали к Храму-Воротам. Впереди всех неслись Петя с Батором. Вскоре Батор вскарабкался по камням на вершину Удэн-Сумэ и завопил:

— Э-гей! Вот здорово! Сюда!

— Настоящая каменная арка. Будто человек её сделал! — восхищалась Субади.

Перед ними возвышались громады священных скал. Деды и прадеды приходили сюда, чтобы прислониться к этим скалам и окропить себя водой из пещеры Чрево матери. Здесь их молитвами встречали ламы... Цырен молчал. В его ушах свистел не то ветер, не то голос бабушки. Хотелось упасть на колени перед этой грозной громадой и помолиться на всякий случай. Ему казалось, что если поднимешься на неё, то осквернишь святые камни и тайная сила покарает тебя.

Цырен вяло, понуро плёлся позади всех. Вдруг он вздрогнул и остановился — на скале обозначились какие-то непонятные буквы.

— Значит, это правда, что из камней проступает святое писание?! — подумал Цырен.

— Э, здесь деньги! — воскликнул Батор, подняв почерневшую монету.

Когда её почистили песком, то увидели двуглавого орла и «2 копейки, 1899 год». Облокотившись на угол полуразрушенного белого обелиска, разглядывая монету, Тумэн Ухинович рассказывал:

— Прежде сюда толпами шли буряты поклониться богам, принести дары. Ламы и жрецы пугали суеверных людей, вдалбливая им, что это Ворота божьего храма. А где же здесь ворота? Взгляните. Скала веками изменялась от выветривания. Но отчего же получилось такое отверстие?

— От ветра, — сказала Субади.

— Ещё от дождя и снега, — добавил Батор.

— Правильно. Ветер, дождь и снег разрушают скалы. Посмотрите, — показал учитель на россыпь камней, — они ведь откуда же выпали. Чтобы застрашать людей, ламы построили здесь этот субарган. — Тумэн Ухинович постучал по разрушенной стене обелиска, стоящего в проёме Удэн-Сумэ. — А взгляните на эти тибетские письмамена...

«Неужели они проступают из камня?» — подумал Цырен и испугался, что он своим неверием прогневит богов. Ребята ушли вперёд, и Цырен остался один. «Может быть, бабушка говорила неправду», — мелькнула мысль. Ветер протяжно загудел в арке, Цы-

рена охватил страх перед величественным Храмом-Воротами. Он торопливо выдернул из кармана бабушкины тряпочки, положил их на субарган и хотел помолиться, но от страха забыл все слова молитвы. В это время за его спиной раздался насмешливый голос: — Эх ты, а пионер! Бабкины сказки слушаешь!

Цырен вздрогнул — перед ним стоял Батор. Цырен покраснел, лоб его покрылся испариной. Он молча бросился в кусты шиповника.

КОНЕЦ ВСЕМ ТАЙНАМ

Весь следующий день ребята хлопотали, приводя в порядок коллекции, гербарии, записи в дневниках. Когда уже все дела подходили к концу, ребята увидели, что к ним едет на гнедом коне старый Доржи.

Тумэн Ухинович и Георгий Николаевич пошли навстречу и привязали коня к берёзе.

— Дорогой Доржи-ахай, мы вас ждали.

Старый Доржи улыбнулся, поздоровался и уселся на траву.

— Как проходит ваш поход?

— Очень хорошо. Спасибо, — ответил Тумэн Ухинович.

Все устроились около старика. Его блестящие глаза ласково лучились. Он потрепал по голове Цырена. Батор подал старику медный котелок. Доржи, глядя на надпись, долго молчал. Его редкие усы почему-то дрожали. Ребята смотрели на него с нетерпением. Наконец Доржи взволнованно и глухо прочитал: «Анчик Абидуев, 1919». На широком лбу старика собрались морщины.

— Вот как получилось. Длиннен путь мужчины, — бормотал старик, словно разговаривал сам с собой. — Не ты ли, Доржи, когда-то хлебал суп из этого котелка?

Все взволнованно слушали.

— Был такой человек Анчик. Мой друг. Партизан, — отрывисто говорил Доржи. — Да, это его котелок. Анчик был наш, агинский. Из Аргалея...

— Цырен, выходит, что этот котелок твоего деда? — изумлённо шепнул Батор. Цырен не верил своим ушам.

— Анчик Абидуев... Ага, — только и произнёс он.

— Анчик — двоюродный дед Цырена, — зашумели ребята, придвигаясь ещё ближе к старику Доржи. — А винтовка Анчика находится в музее!

Теперь на котелок ребята взглянули совсем по-иному. Как хрупкую драгоценность, осторожно передавали его из рук в руки, рассматривали, ощупывали.

— Так вот ты кем оказался, моя находка! — Доржи обнял Цырена, погладил по голове. — Кто бы мог подумать! Анчик был моим ровесником.

«Дед Анчик отдал свою жизнь за то, чтобы всем хорошо жилось, — думал Цырен. — А кто бросил его котелок? Я. Лиса и филин плакали, смеялись, я принял их за чертей и бросил котелок. Ребята пошли искать, а я шёл за ними и

дрожал от страха. Боялся чертей. А, оказывается, их нет. И бога нет!..»

— Теперь, Доржи-ахай, рассказывайте, — попросил Георгий Николаевич, вытаскивая блокнот и карандаш.

— О чём рассказывать?

— О партизанах Алханая! — зашумели ребята.

— Давно это было. Многое позабылось... — старый Доржи задумался, а потом тихонько начал:

— Мне тогда было двадцать лет. Был я бедным и неграмотным. И вот в 1918 году стали поговаривать, что на Алхане появились партизаны. Нойоны и ламы всюду твердили: «Дикие люди! Они убивают, сжигают!» Мы, бедняки, поварили — остерегались партизан. Однажды в этом же вот Барун-Шивия косил я десятину богачу Мархаю. Жил я здесь один. Захожу раз в балаган. И вдруг кто-то произносит: «Здравствуйте!» Я вздрогнул, повернулся — стоит человек с ружьём и улыбается. Я тогда наливаю в большую деревянную чашку чёрный чай, ставлю тарелку с сушёным творогом и говорю: «Пей чай, прохожий». Начали вместе чаевать. «Кому косишь сено?» — спросил он, а сам пыливо разглядывает меня. «Богачу Мархаю», — ответил я. Дальше — больше, завязалась беседа. Потом он и говорит: «Я партизан. Мы, говорит, можем работать на себя и жить счастливо только тогда, когда уничтожим всех нойонов и кулаков». На вид партизан совсем не дикий, добрый, скромный. Он, думаю, не только человека, но и барашка не убьёт. Он смотрел на меня и улыбался ласково. Это и был Анчик Абидуев. «У тебя есть лишняя коса?» — спросил он. Спрятав винтовку под скошенную траву, он всю ночь косил со мной десятину. Благодарен я был ему. Он здорово косил. Был и охотник отличный. Так мы и познакомились. И стал я дружить с партизанами. Продукты носил им, служил связным. На этом месте, где ваши палатки, жил бедняк Жамсаран Далаев. Он тоже помогал партизанам. Кулаки узнали, сожгли его дом, а самого увели в Макавеево. Там облили керосином, заставили прыгать через костёр. Жамсаран вспыхнул, как факел, а богачи хохотали. Вспомни-

наю об этом — сердце болит. Сейчас дети Жамсарана живут в Красноярове. Хорошо живут...

Старый Доржи замолчал, задумался. Его морщинистое лицо потемнело от гнева. Ребята притихли, сидели с серьёзными лицами.

Субади первую чашку чая подала дорогому гостю.

Доржи снова заговорил:

— 1919 год был беспокойным. Зимой партизаны жили в землянках на северном склоне вон той горы, — показал он на верховье пади Барун-Шивия. — На вершине в лесу стоял их пост. С вершины видны село Иля, дороги. С бурятскими партизанами жили и русские. Помню, в марте ещё лежал глубокий снег. Однажды партизанский часовой закричал: «Из села Иля к Барун-Шивия идёт толпа людей!» Оказалось, что кулацкие прислужники — табхаевцы — гонят впереди себя стариков, детей и женщин. Партизаны поняли: табхаевская банда, скрываясь за спиною беззащитных жителей, пошла в наступление. У парти-

зан было два пулемёта. И вот, когда толпа приблизилась, партизаны пропустили безоружных жителей, а потом ударили с флангов по бандитам. Много их тогда скосили.

— А что же случилось с жителями? — допытывался Баяр.

— Зачем по своим беднякам стрелять? Стреляли по табхаевцам. После этого партизаны сочинили песню.

— Какую? — спросила Субади.

— Хочешь разучить песенку? — ласково и луково посмотрел Доржи на девочку. — Подожди, надо вспомнить.

Доржи закрыл глаза, покачиваясь и шевеля губами. Он, должно быть, мысленно пел.

— Но только уговор — не смеяться, — промолвил наконец Доржи.

— Ну что вы, дедушка! — замахали руками ребята.

Лицо Доржи вдруг стало серьёзным и строгим. Он прикрыл раскосые глаза и, глядя на сопки, запел неожиданно приятным и мелодичным голосом:

*Алханай глядит орлом,
Перед ним враги дрожат,
Невелик отряд числом,
Но врагов громит отряд!*

Старый Доржи пел о подвигах партизан, о битвах с врагами, а Георгий Николаевич записывал песню, радуясь такой удаче. Ребята принесут в школу не только растения, минералы, но и воспоминания о партизанах и новую песню. Доржи кончил петь под шумные аплодисменты. Он взглянул на заходящее солнце и улыбнулся:

— Поздно. Однако я поеду.

— Уважаемый отец, — поклонился Тумэн Ухинович, — мы просим отгадать нам ещё одну загадку. — И он протянул «священное письмо», взятое у Батора. Старик прочитал исписанный по-старому лист бумаги и сердито глянул на всех.

— Где взяли? — плюнув сквозь зубы, спросил Доржи.

Батор рассказал о человеке в островерхой шапке.

— Да что там написано? — торопливо спросил Тумэн Ухинович.

— Ерунда, — сердито буркнул Доржи. — «Да здравствует мир и добро на земле, — начал он читать. — Я, бог Будда, чтобы спасти заблудившийся в тумане народ, спустился с небес на гору Алханай. Священная гора меня встречает, зажигая лампы. Их могут видеть лишь верующие в меня люди. Кто хочет избавиться от земных грехов, тот пусть идёт на священную гору Алханай, принесёт дары и молится... Иногда я буду являться вам в образе человека...»

— Вот как они ловят на удочку суеверных людей, — сказал Тумэн Ухинович.

...Долго ребята сидели у костра, вспоминая поход, приключения.

Цырен потихоньку побрёл к ручью. Там он поспешно вытащил оставшиеся тряпочки, дары богам, настриженные бабушкой, скомкал их и сердито бросил в воду. Пёстрый комочек закрутился и уплыл в сверкающих холодных струях.

Цырену сразу стало легко и весело. Вприпрыжку помчался он к ребятам.

Через час отряд с песней возвращался домой. Величавый, зелёно-лохматый Алханай ласково смотрел им вслед.

Багульник— краса байкальских берегов

Всякому известно, какое время самое тяжелое и трудное для школьника. Это, конечно, майские дни. Совсем не-далеко та пора, когда до самой осени закроются двери школы и наступят восхитительные летние каникулы. На лед байкальский уже не ступишь. Я вижу, что в этом месте моего рассказа кое-кто недовольно морщит лоб: о чем это пишет автор, да отдает ли он отчет своим словам — майские дни и вдруг «лед байкальский»? Да, да, дорогой читатель, именно так: Байкал замерзает в конце декабря, и метровой толщины лед на нем держится до самого июня. Вот поэтому-то Мишка не очень жалуется май: от Байкала, как от гигантского холодильника, несет резким холодом; лиственные деревья в прибрежном лесу стоят голые, безобразные, одни только сосны да ели густо зеленеют на хребтах; солнце греет вроде сильно, а лед на море все стоит — без телогрейки не очень-то постоишь на его берегу. Но зато какая красотища в лесах, подальше от моря, где идет цветение багульника! Он цветет буйно, щедро, заполняя все прогалы в тайге. Отойдешь от дома всего-навсего метров на двести — триста, и сиреневое море окружит тебя, и дурманящие запа-

хи ударят в нос! Да, ничего не скажешь: и голодный, и скучный месяц май на берегах Байкала. Но зато есть вещь, которая более чем утешает Мишку, — это багульник, или, как его называет дядя Эрих, байкальский рододендрон. Чудное название! Так и слышится в нем что-то барабанное, сухо-деревянное. Надо же таким словом окрестить столь красивый кустарник — гордость и украшение байкальских берегов! Дядя Эрих говорил, что багульник тоже имеет целебные свойства, не хуже аптечных лекарств. Его отваром местные жители лечатся от повышенного кровяного давления.

Насчет лекарств Мишка ничего не может сказать — в их семье никто не пил отвара багульника. Но вот как отпаривают листьями багульника омулевые бочки — это Мишка видел не раз. Все запахи отбивает, когда бочку выпаривают настоем листьев этого кустарника, можно потом в ней солить капусту. О багульнике тоже есть легенда. Ее рассказывал один старый охотник, друг отца.

У одной бурятки, уже старой женщины, вырос сын. Не было ни у кого подобного сына: такую красотой его наделила природа, что девушки, даже самые красивые из них, мечтали о том, чтобы стать его женой. Он был силен и ловок, прославился на всю округу как лучший охотник. Уходил он на охоту так далеко, что за ним никто из сверстников не мог угнаться. Однажды он зашел слишком далеко. Увел его соболю, которого он преследовал целую неделю. Добыв соболя, парень огляделся, — никогда он не видел и не слышал о таких местах. Чужие края оказались перед ним: совсем чужой лес, чужое небо и даже воздух чужой. Сжалось у парня сердце, стало ему холодно. Только собрался повернуть назад — на лесную поляну выскочила всадница. Парень взглянул на нее и обмер. Перед ним была девушка невиданной красоты. За нею поодаль почтительно ехали два пышно одетых старика, а за ними человек двадцать вооруженных молодых людей. Один из стариков что-то крикнул, и молодые воины кинулись на охотника. Но девушка подняла руку — воины замерли на месте.

Девушка сошла с коня и медленно, не сводя глаз с парня, направилась к нему.

Девушка, встреченная охотником в лесу, оказалась дочерью могущественного хана. Страсть к путешествиям завела ее туда, где охотился молодой бурят. Единственная дочь хана, она была вольна делать все, что ей заблагорассудится. С первого же взгляда она влюбилась в пришлого охотника. Влюбилась так, что свет померк в ее глазах, и вместо солнца она видела только лицо молодого бурята. Парень тоже был весь охвачен еще неиспытанным чувством, прекрасным, как светлая заря после ночи, жарким, как утреннее солнце после ночной прохлады. Обо всем на свете позабыли молодые люди, и не замечали они, как летели дни за днями. Сильно тревожились два старика, сопровождавшие ханскую дочь: что скажет грозный хан по поводу того, что приключилось с его дочерью в тайге; оставит ли на плечах головы двум несчастным нойонам, приставленным к его дочери, чтобы учить ее делам государственным и пуще глаза своего охранять ее. И решили они после безуспешных попыток вернуть

рассудок потерявшей голову девушке сообщить хану обо всем, что случилось.

Страшно встревоженный и не менее разгневанный хан прискакал тотчас, как только дошла до него весть о дочери. Прискакав, узнал всю правду. Три дня и три ночи беседовал с молодым бурятом и убедился, что ума у парня не меньше, чем красоты. И у хана созрел план: ведь это же сама судьба послала ему такого парня! Надо выдать за него, не раздумывая, свою дочь. Хан давно слышал о богатствах бурятского края, населенного отважными воинами и меткими охотниками; там, сказывали, по степи бродят стада, которых никому никогда не удавалось пересчитать, а в земле скрыты несметные сокровища. Что может быть лучше, как с помощью парня завладеть богатым краем, приручить его народ!

Хан объявил молодому охотнику, что он согласен выдать за него свою дочь, что он готов назначить день свадьбы и дает указ сыграть ее так, чтобы она прогремела на все его ханство. Надо ли говорить, как просиял парень и с каким чувством отвесил он земной поклон хану.

Было решено отрядить послов и с богатыми подарками направить их к матери охотника, испросить ее согласие на женитьбу сына. Как задумано, так и было сделано.

Умела мать охотника встречать гостей: напоила их крепчайшей арзой, двойным перегоним молочной водки до потери сознания. Тут же она собрала самых мудрых из стариков, чтобы держать с ними совет. Выслушали старики привезенные послами вести, и самый старейший из собравшихся задает вопрос:

— А что говорит тебе сердце матери?

Хозяйка отвечала:

— Чует мое сердце: неладное кроется за всем этим. Сын мой — простой охотник, а девушка, которую он полюбил, — ханская дочь. Тут недоброе кроется, если хан соглашается выдать за простого человека свою дочь.

— Ты права, — сказали ей старики. — Сердце материнское не может обмануться насчет своих детей. Надо тебе дать знать сыну: пусть бежит со своей избранницей домой. А мы подгото-

вимся на случай, если за ним хан пошлет людей с ножами. Не-хорошее дело задумал хан, петлю он готовит на наши головы, но ничего у него не выйдет. Он потеряет и дочь и надежды свои. Да будет так!

Долго думала мать охотника, как дать сыну знать. И придумала. Она решила послать ему ветку багульника.

Получив ветку багульника, посланную матерью, молодой охотник был сильно взволнован. Он целовал каждый листик на ней, он сразу понял, почему мать послала ему эту ветку.

Такой багульник — в рост человека — растет только на берегах Байкала, и нигде он больше не приживается. Мать давала понять сыну, что точно так же не быть счастья и человеку, лишенному родины, суждено такому человеку зачахнуть на чужбине подобно этой ветке родного багульника.

Охотник, усыпив бдительность хана и его окружения, ускакал с молодой женой к себе домой, в Бурятию. Надо представить себе, насколько был разъярен хан! Он повесил обоих вельмож, что были приставлены к его дочери, пытался пойти походом на землю бурят, но, получив сильный отпор, вынужден был повернуть обратно...

Мишка слышал много таких легенд. Очень много. Ими овеяно каждое растение, если оно хоть мало-мальски заметно и играет роль в жизни человека. Сколько рассказывается о кедре, о черемухе, о лиственнице, о сосне — обо всех обитателях байкальской тайги! Даже не любимая таежниками осина — гнездилище вредных и опасных клещей — и та не обойдена народной фантазией.

Однажды Мишкин отец пришел обрадованный. У него, обычно сдержанного, лицо так и сияло.

— Новость! — воскликнул он, не успев сесть. Это было тоже необычно. Он так никогда не делал.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросила мать из другой комнаты.

Мишка прыснул в кулак: разве с таким лицом зашел бы папа, если он увидел плохое?

— Разговаривал с Исаем Леонтьевичем Альтманом, — почти торжественно выговорил отец.

— Ну и что же? — мать вышла из комнаты и уставилась на отца.

Мишка не раз слышал об Альцмане. Это в прошлом известный в республике мотогонщик. Он летом хозяин водной станции, а зимой лыжной станцией ведает. Неудивительно, что он давным-давно стал любимцем всей улан-удэнской детворы. Даже Мишка в далекой Максимихе знал о дяде Исае.

— Он теперь заведует республиканским Советом по туризму, — сказал отец.

— Ну и что нам от этого? — недовольно покосилась мать.

— А мы сейчас с ним разговаривали. Знаешь, что намечается в нашей Максимихе? Не только детская, но и всесоюзного значения туристическая станция. Исай Леонтьевич предлагает мне стать директором этой станции.

— Тебе? Директором? — раскрыла глаза мать.

— И Костя, и Женя будут работать на этой станции, — улыбнулся отец. — Дадут автомашину, катер будет, моторные лодки. Будем прокладывать туристам маршруты, обеспечивать их питанием, водить по тайге, по горам.

— Вот это здорово! — не удержался Мишка.

— Ты когда кончаешь школу? — неожиданно обратился отец к Мишке.

— Через пять дней.

— Добро. Поедем вместе в город. Я буду в Совете спортивных обществ. А потом махнем с тобой в Кяхту, в Джиде побудем, в Селенге, в Бичуре. Мне поручают поехать по этим местам, туристические маршруты изучить.

— Мальчишку-то зачем потащишь? — упрекнула Зинаида Давыдовна.

— Мама, я поеду! — закричал Мишка.

Он страшно перепугался: а вдруг мать заупрямится, она ведь такая!..

— Я обещал, мать, — спокойно, но веско отрезал отец. — Пусть он посмотрит южные края республики. Знаешь, как эти края называются географически? Селенгинская Даурия. Чувствуешь, каким ароматом дышит это слово? Даурия! Древняя

страна. Какие только народы не побывали там! Даже от гуннов остались следы. Алексей Павлович Окладников, крупнейший специалист-археолог, член-корреспондент Академии наук СССР, открыл в тамошних местах гуннское городище. Как не показать мальчишке такие места?

Мать не спорила. Мишка хорошо знал, что после того как отец сказал «я обещал», в доме никто не станет спорить. На берегах Байкала не бывает, чтобы обещанное не исполнялось.

Не будем рассказывать о том, как долго тянулись пять дней, оставшиеся до конца учебного года.

Усть-Баргузинскую среднюю школу-интернат, в которой учится Мишка Жигжитов, отделяет от Максимихи расстояние в тридцать километров. Где-нибудь в средней полосе России, в Прибалтике, на Украине тридцать километров — серьезное расстояние. А в Бурятии о тридцати километрах скажут: это рядом. Да, да, так и скажут. От Максимихи до Кяхты около пятисот километров. Может быть, кого-нибудь смутит это расстояние, но только не жителя Бурятии. На далеком севере республики есть, например, великолепный анекдот на этот счет. Ехал как-то новый горный инженер, назначенный на работу на золотой прииск Карафтит. Раньше он не бывал в Баунтовском районе Бурятии. Там нет современных дорог, ездят зимой по руслу Витима, по льду небольших норовистых речек Пипа, по Витимкану, ездят на лошадях. Инженер торопился, ехал быстро и умаял коня. А дороге, проложенной по реке, конца и края нет. Повстречался на пути один охотник. Стоит пятидесятиградусный мороз, а охотник одет в телогрейку, в ладные стеганые штаны, на ногах унты бурятские. Весь он заиндевел от мороза, идет, окутанный туманом. Спрашивает у него инженер, которого и в теплой волчьей дохе до косточек пробрал мороз:

— Скажите, добрый человек, сколько еще осталось километров до Карафтита?

Посмотрел на него охотник, оглядел измученного коня и ответил:

— На добром коне осталось километров двадцать, а на твоём все шестьдесят!

И в самом деле, что стоят каких-нибудь пятьдесят — шестьдесят километров в наше время, когда люди передвигаются по земле со скоростью ветра, а поднимутся в воздух — давай им скорость звука!

Мишка любил летний Улан-Удэ. Он весь в зелени. На площадях — скверы. Красивый город, белый. А кругом горы. Хорошо ребятишкам купаться в Селенге. Конечно, надо купаться на отведенном месте. Селенга — река могучая, ее воды текут с такой стремительностью, что ни за что не устоишь на ногах. Сшибет самого сильного человека. Река глубокая, с коварными водоворотами. Не один человек утонул в ее страшных пучинах. Как бы хорошо ни плавал Мишка, он ни разу не рисковал заплыть туда, куда не велено маленьким. Отец ему строго-настрого наказал на этот счет: кто рискует без надобности, тот глуп! А кому захочется быть глупым? Мальчишки еще купаются в Уде, чьим названием стала именоваться с тридцатых годов столица Бурятии. Мишке всегда бывает чудно: разве сравнишь маленькую Уду с громадной Селенгой? Почему же город назван по имени речки, втекающей робко и виновато в бурную и полноводную Селенгу? Но Селенге не обидно. Она несет свои воды из глубины Монголии, ее именем названы два аймака: самый северный район Народной Монголии и южная часть Советской Бурятии. Уда же течет с севера, с широких просторов Еравнинского аймака, где можно насчитать сотни озер, где имеются два больших озера — Большая и Малая Еравны. По пути в нее втекают быстрые горные речки. В дождливые годы их бывает очень много.

Мишка с жадностью всматривался в карту, на которой синей веной прорезает Бурятию ее главная река. Отец подробно рассказывает, какие притоки несут свои воды в Селенгу.

— Каждая из них больше Уды, — говорит он. — Мы почти все эти притоки и повидаем на своем пути. Вот течет река Хилок. Это ее именем назвал свой роман бурятский писатель Барадий Мунгонов: «Хилок наш бурливый». Вот Чикой. Он течет из Читинской области — тоже большая река.

Чау-Чау

(глава из повести)

— Чау! Чау! — закричал или, точнее сказать, стал яростно откашливаться и отфыркиваться медвежонок, когда его вытаскивали из берлоги. Он был еще совсем маленьким. И никто не может сказать, испугался он или нет, почувствовав сильную руку в кожаной рукавице, что потянулась к нему, лежащему в самом теплом и мягком углу берлоги. Нет, скорее всего, он не испугался, а разозлился. Он царапался, кусался и все отчаяннее выкрикивал свое «Чау! Чау!»

Ничто не помогло медвежонку. Его схватили в конце концов за загривок и вытащили на морозный воздух, в огромный холодный мир, наполненный двуногими существами, их громкими голосами, заливистым лаем остроухих зверей с задранными вверх хвостами. Эти злые звери так и рвались к нему. Как только вытащили медвежонка из берлоги, он почувствовал, как свет, яркий, солнечный, резанул ему в глаза, а в нос ударили резкие и противные запахи. Перед тем, как закрыть глаза от нестерпимого света, медвежонок успел заметить, что его мама лежит под громадным деревом, неподвижная почему-то, такая

странная — даже не повернула головы в сторону своего медвежонка и не прорычала грозно на человека, который держал ее детеныша за загривок, так что у него растопырились все четыре ноги. Мать не подняла на человека свою огромную лапу и не кинулась на него с ревом и оскаленной пастью. Мать ничего этого почему-то делать не захотела. Она даже не пошевелинулась, не взглянула. От этого сделалось очень обидно, и медвежонок тоненько, совсем по-щенячьи, заскулил. Должно быть, он заплакал.

Дедушка Гарма, знаменитый на весь аймак охотник, показав всем мохнатенького зверенка, сунул его в мешок и крепко завя-

зал. Это он сделал после того, как остальные участники медвежьей охоты — а их было четверо — вдоволь позабавились медвежонком, дрожащим от страха, от обиды, от злости и еще от чего-то.

— Назовем его Чау-Чау! — весело предложил четырнадцатилетний Дамба, внук дедушки Гармы, впервые в жизни взятый взрослыми на нелегкую и опасную медвежью охоту.

— Если тебе так хочется, — добродушно ответил дедушка, набивая трубку, — пусть он будет Чау-Чау.

Дамба взял шевелящийся у дедушкиных ног мешок и засмеялся счастливым смехом. В его блестящих черных глазах было столько радости и благодарности, что дедушка Гарма, обычно скупой на изъявления чувств, ласково погладил его румяную от мороза прохладную щеку.

Еще дома, когда собирались в тайгу, дедушка Гарма обещал, что если окажется медвежонок, то он будет подарен Дамбе. Конечно, обещал он по-своему, сердито прикрикнув на Дамбу. Дедушка, человек старый, он еще крепко верит во всякие приметы, ему кажется, что обещать что-нибудь, идя на охоту, да еще на медвежью, — это глупость самая большая и самая непростительная, чуть ли не святотатство. Но Дамбе дедушка позволял многое, потому что любил внука больше всех на свете и частенько говаривал, глядя мальчику спину и ласково обнюхивая его голову:

— Выросли мои детушки, разлетелись по земле, ты один у меня остался, один теперь со мной, для тебя я и живу на свете! Понял или нет, внучонок мой?

Поэтому Дамба и мог уловить в том, как дедушка на него прикрикнул, невысказанное: чего, мол, ты лезешь, толкая меня на грех, — разве я тебе в чем-либо отказывал?

Старик так любит свою тайгу, что наотрез отказался жить в городе, где работают папа и мама Дамбы. Дочь не могла позволить, чтобы старик остался совсем один, и родители порешили между собой оставить с ним старшего внука. Дамба об этом нисколько не жалеет. Живут они с дедушкой в улусе из пятнадцати дворов, кругом тайга, рядом река — охоты и рыбалки-и-и!.. Единственное, что плохо, — далеко-

вато от школы. Каждый день надо добираться до нее за семь километров.

Колхоз выделил машину, которая объезжает все «точки» и забирает учеников в школу. Дамба знает, что и их улус Жодоото называют в правлении «точкой». Почему точка? Этого никто ему объяснить не сумел. Машиной из колхоза Дамба пользуется редко. У него есть лыжи, присланные родителями из города, настоящие спортивные лыжи, гибкие, легкие, чуть ли не сами скользящие по снегу. А когда их смажешь как следует!..

До зимовья на высоком берегу Витима охотники добирались уже ночью. По льду было легко везти громадную тушу. Низкорослый бурятский конек с косматыми крепкими ногами шел, весело пофыркивая и выпуская клубы белого пара, шёл, нисколько не боясь своего страшного груза, задорно и торопко подсекая острыми подковами гладкий лед, чуть покрытый снежком.

— Река замерзла без торосов,— откашливаясь, с хрипотцой говорит дедушка. — Зима будет многоснежная. Охота короткая в такие зимы. Настреляем, даст бог, на новый костюм тебе...

— Я же на мотоцикл коплю! — почти завопил Дамба.

— Ну и копи на свой мотоцикл,— изменившимся вдруг голосом сказал, словно выплюнул, дедушка. — Копи себе, сколько тебе нужно, я не против. Но мои деньги на этот твой мотоцикл не пойдут. Не хватало еще! Мало ли гробится людей на этих чертовых машинах. И какой дурак их придумал—машина на двух колесах! Хоть бы сам себе шею сломал, кто их сотворил на зло и горе людям...

Дамба явственно слышит: накапливает в дедушке хорошо и давно знакомое озлобление, вызываемое в нем всякий раз, когда заходит разговор о мотоцикле — мечте Дамбы. В такие минуты дедушка становится неузнаваемым. Лучше сразу переменить тему разговора—до добра он не доведет.

— А куда мы будем класть спать медвежонка? — спросил Дамба таким тоном, будто ни о каких мотоциклах речь не шла и об этих чертовых машинах никто не помышлял.

Дедушка беззвучно засмеялся. Ему очень нравилась чуткая догадливость внука.

— Ты не так сказал, внучек. Он не будет спать у тебя всю зиму. Мы сделаем ему соску и будем поить молоком. Насосется—и спать. Надо так ему устроить жилье, чтобы как в берлоге.

— Тогда мы его положим под малканом, — мечтательно проговорил Дамба. — Там будет ему хорошо. И тепло, и темно, как в берлоге. Я ему такую подстилку сделаю!..

— Ты ему положишь мху, что у нас в сарае лежит. Это для него родное. А вот и зимовье наше!

Голос у дедушки снова добрый, такой — басовитый, ласковый. Отходчив старый Гарма. Да разве на тех, кого любят, долго сердятся?

Еще давно на крутом обрывистом берегу дедушка вырубил и укрепил ступеньки. А по обе стороны самой верхней ступеньки врыл в землю два крепких колышка — держись за них, удобней будет подниматься на крутизну. Таков дедушка Гарма. Все любит делать прочно, обстоятельно, надежно.

Зимовушка у дедушки Гармы стояла прямо над обрывистым берегом. Она была срублена из довольно толстых бревен, старик ее хорошо законопатил, дверь и окна приладил так, что зимовушка хорошо держала тепло — не так, как бывает у некоторых нерадивых охотников: не успели погаснуть угли в печке, а уже зимовье выстыло — тепло бывает, пока топится печка. Нары устроены солидно, даже с изголовьем. Дамбе нравилось вглядываться в то, как дедушка вырубил углы зимовушки: нигде никаких щелей! У многих охотников Дамбе приходилось видеть, как оставленные при рубке углов щели заделываются мхом. Дедушка считает это никудышным делом: постоит такой угол со мхом некоторое время, мох превратится в труху, ветер эту труху выдует — и останутся в углах щели, впору кулак просовывать. Нет, что и говорить, хороша зимовушка у дедушки, ни у кого такой нет. Смотрит она двумя своими окнами на реку и тайгу, весело посверкивает стеклами этих окон при ярком лунном свете. А луна-то полная...

— Ночка лунная стоит, — сказал дедушка, войдя в зимовейку и засветив лампу. — Пожалуй, мы тушу разделаем сейчас. Завтра утром пойдем смотреть следы: много аль мало здесь соболя. Жалко терять дневное-то время. А ты, Дамба, иди наруби дров. Да чтобы сухих, побольше наруби!

Если сказать правду, Дамбе не очень понравилось дедушкино поручение, потому что он порядком устал, к тому же страсть как хотелось повозиться с медвежонком. Но что делать, дедушка не терпит в таких случаях возражений, он может и вздуть, коль будешь упрямиться. Любит он Дамбу, во многом балует, но еще ни разу не прощал, когда мальчик пытался уклониться от дела, которое ему поручалось. Так что пришлось Дамбе, подавляя зевоту, взять топор и пойти в ночной лес.

Лес зимой удивительный. Стоят ели, закуржавевшие, как бы осторожно держа на ветвях, словно на вытянутых ладонях, напавший снег, держа его как нечто ценное, очень нужное. В тайге время от времени потрескивают деревья. Это работает мороз, работает неустанно, ядрено и неотступно, спускаясь с горных склонов и поднимаясь на самые неприступные скалы, идет по тайге невидимый, но слышный, вымораживая везде остатки скудного дневного тепла, потрескивая, постукивая.

Дамба хорошо знает, как в ночном лесу отличить сухое дерево от сырого. Он подошел к тоненькой лиственнице и постучал топором по стволу. Осыпался снег. Вырубил щепочку — и к ней языком. Не липнет — сушняк, ведь живое дерево держит в себе влагу, давно обращенную в лед, а ко льду обязательно будет липнуть влажный теплый язык. Так учил дедушка. Пока рубил Дамба засушенное, омертвевшее деревце, ему подумалось о том страшном, что некогда погубило эту и тысячи других еще не успевших окрепнуть лиственниц — главного дерева сибирской тайги, главного кормильца юрких белочек и всевозможных пернатых обитателей северных лесов. Дедушка давно внушил Дамбе, что нельзя думать, будто белка питается одними лишь кедровыми орехами. Слишком невелики запасы кедра в тайге, чтобы насытилась орехами каждая из белок, а их ведь тысячи и тысячи! К тому же в тайге ищут орехи целые

тучи невероятно прожорливых птиц, так и названных — «кедровки». Дедушка объяснил Дамбе, что белка питается семенами лиственных шишек, что кедровый орех для неё лакомство. В эти места также тянется соболь — самый ненасытный и самый беспощадный хищник в тайге. Он ведь, соболь-то, питается бурндуками, белкой, даже зайцем, не побрезгует мелкой птицей, не побоится напасть на осторожного и сильного глухаря — словом, питается всем, что есть живого в нашей зимней тайге, за исключением, конечно, крупных зверей. Да и на зверей он не посмотрит: сколько раз бывали случаи, когда охотники натыкались на косулю, убитую сободем! Он ведь такой, этот царь сибирской пушнины.

Да, скромная, невидная сибирская лиственница кормит всю тайгу. Но что же ее губит, почему засохла вот эта молодая лиственочка, омертвев на корню? Есть страшный враг тайги, и имя ему — пожар. От пожара погибла эта лиственочка, а с нею тысячи таких же молодых деревьев. И не рад Дамба, что так легко отыскивается засушенное тоненькое деревце, которое легко срубить. Лучше бы искать ему ночью обломавшиеся сучья старого дерева да вытаскивать эти сучья из-под снега — пусть бы росли лиственочки! Дедушка у-ух как ненавидит тех, кто пускает пожары в тайге, он всякий раз говорит Дамбе:

— Ты смотри, береги тайгу. Не бывает такого мерзавца, который бы нарочно поджег тайгу. Таких сумасшедших еще не встречалось. Есть другие — это те, кто не умеет обращаться с тайгой, а лезет в неё. Вот я тебя учу: никогда не разводи костра там, где нету воды. А они разводят. Ты вот напился чаю, а костерок-то возьмешь да и потушишь, зальешь водой из ручья, потому что знаешь, что за многие годы из опавшей хвои и листьев в тайге — на целые метры — горючий торф. Кто этого не знает, думает, что он потушил костер, поплясав на нем да притушив угли. А как он ушел, из-под земли пошел дымок, это начинает гореть торф. Подул ветер — и огонь вылез наружу, пошел пластать деревья. Тут тебе и пожар! Вот почему и говорилось в старину у бурят: не каждый умный может оставить землю после себя улучшенной, но каждый дурак в силах оставить ее неухудшенной.

Вскоре в зимовейке весело потрескивал огонь. Натаскав дров, Дамба вышел и взял в руки заветный мешок. Он был теплый и в нем медвежонок шевелился, посапывал и время от времени издавал какие-то звуки, которые ни за что не сумел бы передать Дамба — он это попробовал, но у него ничего не вышло. Счастливо засмеявшись, он понес медвежонка в зимовье. Не доходя до двери шагов десятков, мальчик остановился. Он даже слегка отступил назад и издал почти такой же звук, какой слышал от медвежонка: из тоненькой жестяной трубы от печки, которую Дамба только что растопил, в звездное ночное небо вылетел огненный веник, от этого багрового веника сыпались искры, золотые искры! О, это было так красиво, что у Дамбы даже перехватило дыхание. Ему показалось, что эти искры, взлетая высоко-высоко, долетают до неба и остаются там, сделавшись звездами. Как бы хорошо было вот так вот делать звезды!..

Медвежонок сильно шевельнулся и заскулил тоненько, жалобно. Дамба очнулся и бегом внес его в зимовье.

Вскоре от весело гудящей железной печки стало тепло и уютно. Керосиновая лампешка с очень маленьким стеклом довольно ярко освещала темные стены со множеством деревянных штырей-вешалок для сушки мокрой одежды. Звероловы сидели на нарах, было видно, что хотя они очень устали, но довольны. Хорошо сидеть в тайге в теплом зимовье, когда соберется добрая компания, когда обязательно кто-нибудь о чем-либо рассказывает, а в котле бурлит и клокочет мясо-свеженина, дразня запахами оголодавших за трудный день людей. А таежные истории, на которые в этих случаях не скупятся, бывают такие, что Дамба, хоть и чувствовал ужасную усталость, ни за что не заснул бы. Они то смешные — умрешь с хохота, то жуткие — даже зябко становится. Тени от мужиков при свете лампешки кажутся Дамбе великанскими. Дамбе всегда бывает обидно, когда ему приходится слышать, особенно в городе, что охотники все врут. Он однажды спросил об этом дедушку, тот засмеялся и ответил так:

— Видишь ли, у дураков всякий умный — лгун. С охотником в тайге случается всякое. Рассказывают они друг другу эти истории совсем не для забавы. Это они учатся друг у друга, но весело учатся, со смешком, чтобы не было обидно одному, а другому — чтобы стыдно не было, будто он хвастается. Вот и помогает смех-то, вот и подбавляют они горячей травы, как у нас, у бурят, перец называют. Ну и приврать могут, особенно при чужих. Послушает их городской охотник и думает: врут они все, нечем заниматься в зимовье — и врут, мол, кто как может. Он не видит той правды, что в анекдот обернута. Вот я и говорю: они учатся друг у друга, только так учатся, чтобы никто не лез в учителя и чтобы никого не считали учеником. У нас этого не терпят, гордый ведь народ у нас. А горожанин — пусть он думает, что таежники все врут, оно, может, и лучше, что он так думает.

Вот сидит Матвей Тимекиулин, эвенк, друг детства отца Дамбы. Видно, что он давно хочет о чем-то рассказать, но выдерживает паузу приличия — а вдруг кому-то надо именно в это время

высказаться. Убедившись, что его никто не пытается опередить, Тимекиулин выбил табачную золу из трубки, звучно пощелкал о чубук ногтем большого пальца.

— Я недавно поспорил, — начал он, набивая трубку табаком. — Сильно поспорил с одним человеком. Вместе ехали. Из Иркутска, поездом. В Иркутске у меня сын учится.

Так вот, этот человек говорит, что лучше овчарки и нету собаки. Во всем свете. Черт бы с ним, пусть так считает, от этого соболь не запоносит и медведь не закукарекает, никому от этого не жарко и не холодно.

Эвенк сделал паузу. Несколько раз жадно затянувшись, он закрыл глаза, стал выпускать тоненькую длинную струю дыма. Дамба знал, что Тимекиулин никогда не курит на воздухе, на морозе, но тем приятнее ему журить в зимовье, и всегда курит он так: выпускает бесконечно длинную тоненькую струю дыма. Надо же, столько дыма вобрать в легкие!..

— А я видел в городе: ведут люди на поводке не то собак, не то котят — столь они малы. Зачем им это? Должно быть, вместо игрушек, живые игрушки!

Это дедушка. Дамба покраснел и потупился, хотя на него никто не смотрел: у его бабушки, папиной мамы, есть такая — комнатная такса, Пыжик зовут. Мерзкая, злая собачонка с совиными глазами. Однажды бабушка заболела, так прогуливать эту собачонку выводил сам папа. Это было ужасно: такой большой и солидный папа — и вдруг ведет на поводке такую крошечную гадость! А дедушка сказал это нарочно, для Дамбы. Но вот заговорил, наконец, снова Тимекиулин.

— Надоел мне этот человек — все овчарка да овчарка лезет ко мне, чтобы и я высказался, — Тимекнулин обвел слушателей взглядом, который говорил всем: «нужен он мне, чтобы я с ним разговаривал, да еще о собаках».

Дамба знал, что у охотников самая серьезная тема для разговора — это о собаках.

— Хотел я даже в другой вагон перейти. И перешел бы! Но тут он заговорил о нашей сибирской лайке... Говорит: вы, сибиряки, дворняжек научили на охоту ходить. Ведь вот что может

человек наговорить: наша лайка — и вдруг дворняжка! Не смог я стерпеть такое и решил темного человека просветить немного. Не улыбайтесь, драться я бы не стал, даже если бы были не в вагоне. Темный человек, что с него возьмешь! Как могу, пытаюсь ему втолковать, что лайка — это особая собачья порода, что лайка — собака на все годится: она же тебе утятница, она и на медведя, но самая главная ее работа, на что она золотая собака — это, конечно, соболежка... А как наша лайка зверя держит — как на привязи, — пока ты с ружьем не подойдешь! Кабана ведь, мы ножом пыряем — так его держат собаки, даже не пошевелинется. Но человек этот оказался из тех, о ком наши эвенки говорят: человек от рождения в глупость, как в шкуру, наглухо одет — не пробьешься к нему с умом! Встал я и говорю этому человеку:

— Оставайся со своей овчаркой, я перейду в другой вагон. Но я тебе советую: раз ты едешь в наши места, поскорее продай свою овчарку милиции, у них овчарки охраняются, их милиционеры с наганами стерегут. И что вы думаете, он ничего не понял!.. Плюнул я и ушел в другой вагон.

— Ну и правильно, — одобрял один из звероловов. — Овчарка для сыщицких дел собака, что с ней делать у нас!

Тимекиулин обвел всех долгим взглядом, помолчал и заговорил странно новым тоном, словно кого-то лаская, словно сообщая кому-то самое доверительное, как будто желая сделать всем, кто его слушает, особенно приятное. При этом у Тимекиулина появилась улыбка, преобразившая его плоское квадратное лицо, сделав его просветленным, одухотворенным.

Дамба с малых лет любил и уважал дядю Мотю, как звали эвенка мальчишки. Дядя Мотя окончил среднюю школу вместе с отцом Дамбы, но дальше учиться не захотел, хотя и пытались послать его в Ленинград, в институт народов Севера. Добрый человек этот дядя Мотя Тимекиулин. Столько он надарил всяких вещей Дамбе — эвенк великий мастер резьбы по дереву, по кости. Его изделия берут даже на выставки, покупают музеи. Первую вещь он подарил Дамбе при почти сказочных обстоятельствах — вряд ли когда в семье забудут, как был сделан Дамбе этот удивительный подарок.

Ко дню рождения Дамбы его бабушка, папина мама, подарила внуку дорогую и редкую вазу, полную самых дорогих конфет. Ваза эта была странного палевого цвета. Дамбе тогда было четыре года. Однажды, выждав, когда бабушка вышла на улицу, Дамба полез в вазу за конфетой. Раньше такие его вылазки проходили успешно, и Дамба потихоньку вытаскивал из вазы по конфетке. Но тут случилась беда. Стул под ногами Дамбы предательски покачнулся, и он грохнулся на пол, потянув за собой и вазу с конфетами. Бабушка даже заболела от горя, маленькому Дамбе сильно попало и, главное, не за вазу, а за то, что без спросу конфеты таскал, что было Дамбе обиднее всего: ведь конфеты подарены ему!.. Потом все помаленьку успокоилось, стали уже забывать о злополучной вазе. И вдруг появляется дядя Мотя Тимекиулин, ловит Дамбу у крыльца дома и дает ему в руки точно такую же вазу, какая разбилась у них. И цвет такой же, и форма — все такое же! Оказывается, дядя Мотя эту вазу вырезал из кости и так искусно склеил, что нельзя было обнаружить стыки. Вот какой человек этот дядя Мотя Тимекиулин!

— У меня, как вы все знаете, две собаки: Байкал и Музгар, — после довольно продолжительной паузы заговорил дядя Мотя. — Назвал я так собаку по рассказу Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной». Может, кто читал из вас, удивительный, я вам скажу, рассказ! Байкал стал у меня стареньким, а ведь до сих пор мало ему равных на соболевке. Он у меня заслуженная собака, не раз от медведя спасал. И тонул со мной на нерповке, и по ошибке стреляли в него, и собаки рвали. Вот последние годы и стал я печалиться: где я ему замену найду? В жизни всегда что-нибудь да подвернется, только не прозевай. Так и тут. Поселился рядом один мужик, дальний, поохотиться на сезон прибыл, а у него лайка. Как глянул я на нее — обмер: самочка что ни на есть чистопородная! Вот от этой самки и Байкала и получил я Музгара. Лучшей собаки на свете нет! Он у меня, как снег, только кончик носа да глаза черные. Живой, веселый и такой добрый — хвост у него на спине всегда лежит калачиком, так этим калачиком он только и трясет из стороны в сторону, как завидит меня, даже повизгивает от радости, дрожит всем телом. Когда говорят собака — друг

человека, я всегда хочу спорить. Надо говорить не так. Надо наоборот говорить: человек — друг собаки! Не собака искала человека, чтобы подружиться с ним, а человек нашел ее, чтобы в помощники взять. Собака без человека могла бы запросто прожить, а проживи мы без собаки с нашей соболевкой...

Тимекиулин взволнованно пососал свою трубку, потянул со свистом, потом выпустил невероятно длинную тоненькую струю дыма. Звероловы одобрительно закивали головами — ведь собака, что ни говори, для них всё, охотник без собаки ничто, нуль, пустышка, дым от костра! Так говаривал и дедушка. Значит, верно все это, очень верно, раз все говорят одно и то же, раз так говорят все эти большие и такие серьезные дяди.

— На охоте мой Музгар оказался прямо-таки удивительно понятливым,— продолжал дядя Мотя. — Талант, да и только! Чутье — не хуже, чем у Байкала, возьмет след — распутает, как бы соболек ни хитрил. Посадит на дерево — радостно мне, лает Музгарка мой звонким лаем, словно молотком по рельсу. И главное, пролает хоть весь день, не устанет, не уйдет, пока не приду. Тут сами можете судить, как я полюбил белую мою собачку, полюбил, как только и может наш брат охотник. И вот, случилось однажды, Музгара я здорово обидел. Да, да. Первый раз в жизни понял я, что собака может сильно обидеться на хозяина. Было дело так. В прошлом сезоне это случилось. Идя на охоту, я как назло не взял с собой ничего, из чего бы мне кормить моих собак. Никогда этого раньше со мной не случалось, это и немыслимо для охотника, но вот случилось — хоть возвращайся назад! Но это тоже никуда не годится. Пришлось мне пойти на изобретательство. Выдолбил в бревне корыто, накормил сначала старика Байкала. Почти силой мне пришлось удерживать в зимовье голодного Музгара, пока не наелся Байкал. Когда я, закрыв дверь, отогнал от неё Музгара, он странно завизжал и посмотрел на меня с таким человеческим удивлением, что я оторопел: впервые я увидел такой взгляд у бессловесного животного! Потом я вновь сварил еду уже для Музгара и горячее варево налил в корыто. Пошел было я наломать сушняку — вдруг, слышу, дверь зимовья распаивается, и белая молния

вылетает оттуда. Это Музгар лбом открыл дверь. Я еле успел подбежать и пинком отшвырнул собаку от горячего варева. Ни звука не издала моя собака. Поднялась. Калачик хвоста на спине у нее разогнулся. Постояла с минуту и, не взглянув на меня, ушла в лес. Дождавшись, когда остынет варево, я стал звать Музгара. А он не идет!.. Я немного почувствовал себя нехорошо, но тут же разозлился. «Ну и пусть, — думаю, — прибежит назад, голод не тетка». И решил спокойно пойти в зимовье. Сварил себе обед, наелся, почитал у лампы книжку и заснул. Утром выхожу из зимовья — что такое: корм, нетронутый, замерз в корыте, а Музгара нет! Холодный пот прошиб меня. Что случилось, где искать собаку? Ничего не понимаю. На охоту, понятное дело, не пошел. Дело уже к обеду, а Музгара нет. Можете себе представить, что со мной было! Мне начало казаться, что я схожу с ума, что я не вижу Музгара не потому, что его нет. Уже вечер настает — Музгара все нет и нет. Верите, я заплакал от отчаяния. Стою у дверей зимовья и давно охрипшим голосом зову собаку, кричу в быстро темнеющую тайгу: — Музга-а-а-р! Музга-а-а-р!

Окрестные горы возвращают мне крик, и от этого еще тяжелее становится на душе. Лишь глубокой ночью я почувствовал: он пришел, мой Музгар, пришел мой беглец! Выскочил я из зимовушки и вижу — шагах в двадцати от меня сидит мой белый Музгар. Я чуть не с рыданиями зову его, а он не идет. Кое-как зазвал я его в зимовье и стал кормить. Вот вам и собака. Мои предки, древние эвенки, считали, что в собаках — души умерших людей, поэтому считалось грехом бить собаку. Это, конечно, чепуха — насчет душ умерших людей. Но только тут я понял, почему родилось это поверье: природные охотники, эвенки отлично понимали психику животного, и они заповедали всем, что обижать собаку нельзя, что она в состоянии по-человечески обидеться, оскорбиться. Вот мой Музгар, оскорбленный, взял да и наказал меня так жестоко. Вот и подумайте теперь: разве я мог такое рассказать тому, в вагоне, который лез ко мне со своей овчаркой? Он наверняка сказал бы: врет все про собачью обиду, не может собака отказаться от еды да где-то бродить, переживая обиду, больше суток бродить! Вот так, между

прочим, и родятся эти самые насмешки про охотничьи рассказы, как про сплошное вранье...

— А на таких и не надо обижаться, — сказал дедушка, помещивая в котле мясо и пробуя его ножом, делая глубокие разрезы. — Слабый никогда не поверит что бывают такие силачи, которые могут выдернуть рог у быка. А я такое видел своими глазами: выдернул человек рог у громаднейшего быка! Поэтому и говорится у бурят: если ты много видел и потому много знаешь, остерегайся что-нибудь рассказывать тому, кто мало видел и почти ничего не знает — он ославит тебя лгуном!.. Ну, кажется, можно есть. Давайте, ребята, поближе. Со свеженинкой вас!

Дамбе даже есть не хотелось. Так хорошо вот так вот сидеть в тепле и слушать рассказы охотников, бесхитростные рассказы этих сильных и очень честных людей, никогда друг друга не обманывающих, обязательно верящих друг другу. Должно быть, правда: недоверие — это удел слабых! Особенно хорошо Дамбе от того, что на коленях у него спит приятно теплый и тяжеленький, мохнатенький и по-смешному посапывающий медвежонок.

БУЯН ХЭДЭГ МИИСГЭЙ

Утэлhэн нэгэ хүгшэн эрхиеэ татажа huуба ха. Энэ хүгшэн «Бум, сая, живаа, доншуур хүрэтэр маани уншаад байнаб», — гэжэ ороhон лэ хүндэ найрхадаг зантай юм hэн. Мүнөө, эгээл хоёрдохи доншуур дээрэнь, нэгэ миисгэй гэртэнь орожо, урдань табаг соо байhан мяхыень зулгааба бшуу. Уур сухалаа хүрэхэн хүгшэмнай ута эрхээрээ миисгэе сохин сасуунь, тэрэ эрхинь миисгэйн толгойдо үлгэлдэшэбэ ха.

— Апа-а, тадхай! — гээд, хүгшэнэй хашхарханьшые тэрэ, үнөөхи миисгэймнай ургын гуйбадал ута эрхиень хүзүүндээ үлгөөд, гүйжэ арилшаба.

Энэ үедэ газаахи амбаарай хаяагаар олон хулгана суглаа хэжэ huуба. Хушуу сагаан үхэр хулганаан үглөөгүүр эртэ ошожо, энгин тэмээ мэхэлhэнээ хөөрэбэ.

«Наранай гарахые хэмнай урид харагшааб?» — гээд, үхэр хулганаан тэмээн хоёр үни удаан тоосоо хэхэнэйнгээ hүүлээр, боосолдобод. Үүр сайжа байхада үнөөхи тэмээмнай ута хүзүүгээ бахана болотор сэхэлээд, зүүн урда зүг алдангүй хаража байгаа hэн гэдэг. Тиихэдэнь ама сагаан үхэр хулгана хойто зүг хаража зогсобо.

— Ай, ха-ха-ха-а! Хаанаһаа наранай гарахые мэдэхэгүй аад, үлүү газар үлһэнэйшни хэрэг юуб? — гэжэ тэмээн енгэлбэ.

— Гэнтэ энэ боосоондо ши алдаа һаа, ара гэдэргээ шээдэг, адаг дорой амитан болоорой. Ута уралайнгаа һэтэртэр, урагшань һэбһээр бөөлжэжэ зобоорой! — гэжэ харюудань хулгана хэлэбэ.

Уданшьегүй: «Һүүе, би нара харааб!» — гээд, тэрэ хашхарба ха.

— Хаана? — гээд, тэмээн сошордобо.

— Тээ-тэрэ, хойто үндэрэй оройдо, улаан наран толотожо байнал! — гээд, тэмээе боосоондо эдһһэнээ мүнөө сугларһан нүхэдтөө хулганын хөөрөжэ байтарынь, үнөөхи миисгэймнай тэрэниие саб бажуушаба. Энээхэн зуура бэшэ хулгананууд нүхэ һүбэ руугаа нюугдашоо бэлэй.

— Ай, хөөрхы, та миисгэй, лама болоо гээшэ гүт? Тамнай хүзүүндээ эрхи зүүнхэй, ямар ехэ буян хэжэ ябана гээшэбта? — гэжэ байгаад тэрэ хулганань наманшалба ха.

Миисгэй зүгөөргүй удаан энээхэн үгыень бодожо үзөөд, тэрэнииень хожомоо хэрэглэхэ гэжэ шиидэбэ:

— Тиигэнэб даа! Гэбшэ гараад ябанаб! Би мүнөө таанадые эдихээ болёоб. Мяха эдихэгүйн масаг хэнхэйб. Урдань хэһэн нүгэлөө сагаалжа ябанаб. Бэшэ хулгана нүхэдөө суглуулал даа, хамтаараа буян хэдэг болоё! — гэбэ ха.

Элинсэг хулинсагһаа миисгэйдэ намнуулһан, эдьюулһэн түүхэтэй хулгананууд этигэжэ ядаһаар эндэ тэндэһээ бултайбад.

— Наашаа, наашаа ерэгты! Гэлэн санаар боложо, энэ эрхи зүүгээд ябахыемни харанагүй гүт? — гэжэ байгаад, миисгэй уриханаар хэршэгэнэбэ.

— Зай, битнай гэбшэ гараад, буян хэжэ ябанаб. Таанадай дайсан бэшэ, бултанайтнай багша болобо гээшэб! Энээнһээ хойшо хамтадаа гороо мүргэл үдэшэ бүхэндэ хэдэг болохобди, — гэжэ байгаад, хулгана бүхэнэй толгойе эрхээрээ адислаба.

— Бообо эдихэбди! Ойлгоо гүт?

Тэрэ үдэрһөө эхилээд, ама сагаан үхэр хулгана хүрэг нүхэдөө дахуулаад, гороо хэдэг болобо. «Гэбшэ гараһан» миисгэй бултанай арада эрхиеэ татажа ябадаг байгаа.

Олон үдэр буян гороо хэһэнэйнгээ һүүлээр үнөөхи амбаарайнгаа хаяада хулгананууд дахяад суглаагаа хэбэ.

— Буян мүргэл хэжэл байгаад, яахадаа үдэнэгүй, харин үсөөн болоно гээшэбибди? — гээд, хулгана бүхэн гайхалдаба.

Тэмээ мэхэлдэг ама сагаан үхэр хулгана аһан һүүлдэ һабараа үргэжэ:

— Хурса шүдэтэй, хурдан хүлтэй минии нүхэд, буян мүргэл хэхээ ошоходоо, бултанай арада ябаһан хулганын хүзүүндэ хонхо зүүдэг болоё, — гэбэ.

Үглөөдэрынь гороо эхилбэ. Хамагай һүүлдэ ябаһан хулганадаа хонхо зүүлгэбэд. Олон хулганын субарга тойроод орондогложо һуунхайнууд мүргэжэ байтарынь, хонхын абяан хонгиршобо. Тэдэ хулганануудай бултаараа сошордон, гэдэргээ харан гэхэдэнь, «гэбшэ» миисгэй хонхотой хулганыень амандаа зуунхай, араа шүдээ ирзайлгажархёод байба бшуу. Бахардаһан хулганануудай «багша миисгэймнай энеэжэ байна» гэжэ энээхэн зуура һанахатайнь хамта, харин тэрэ миисгэйн амандаа зууһан хулганаяа атагадшыё гэнгүй залгижархиба.

Адуушанай ДУУН

Байгал далай. Үдэшын улаан наран алтан хашарһа сасаба. Хабсагай хаданууд хүхэ манан соогуур шунган, холоһоо бултайна. Уһанай торгон хүхэ нюруу дээгүүр суусагаалжан, хабтагаалжанууд далаараа уһа дайран хөөрсэгэнэлдэнэд.

Загаһашадай катернууд, хөөһэтэй долгинуудыё дороо эбхэн тamarна. Хонгёо һайхан дуунай аялга агаарта таража, үргэн далай дээрэ зэдэлнэ.

— Энэ хэн дууланаб? — гээд, катераар загаһа губшажа ябаһан хүнүүдэй нэгэн асууба.

Хэншыё харюу үгэбэгүй. Загаһашад бүгэдөөрэн һонирхожо шагнаарханад.

Ирагуу дуунай аялга улам шангадана. Катерынь урагшаа жүдхэн, хойноо уһа мушхана. Загаһашад шагнаархаж, ирагуу дуунай гараһан тээшэ хараад, аргаахан сугларжа эхилбэ.

Тэдэнэй урдаһаа үргэн тала үбсүүгээ сэлин хэбтэнэ. Зураг шэнги һайхан хара алаг моритой, эдир шиираг бээтэй, сэбэр хүбүүн эмээл дээрээ һүүжэлдижэ һуунхай:

*Хотонойм дундуур табилулдаг
Хотогор боро улаан гэжэ бии юм.
Колхоздом түрүүлэн магтулдаг
Холшор нүхэр гэжэ бии юм.
Айлайм дундуур табилулдаг
Ардаг боро улаан гэжэ бии юм.
Артельдэм түрүүлэн магтулдаг
Айдар нүхэр бии юм,*

— гэжэ арадай дуунай аялгаар дуулан ябажа, тоо томшогүй олон адуу зэлэ тататар залана.

— Һайхан лэ хоолой байна даа! — гээд, маряагүй бүгдэгэрхэн үбгэн гааһаяа аманһаа абажа, урагшаа үгсэхэдэшоод, шагнажа байба.

— Түмэн, Түмэмнай дуулана. Нёдондо, һур харбаан дээрэ, уран һайханай харалгада дуулаа һэн. Одоол намжархан хоолойтой даа, — гэжэ байжа загаһашадай хоорондоо үгэ андалдан байтар: «Загаһамнай алдагдабал», — гэхэн хаахираан соностобо. Тэдэнэр бэе бээдээ зэмэрхэлдэн, ирагуу дуу шагнаха забгүй, губшуураа татажа захалаа бэлэй.

...Энэ үедэ тэнгэри бүрхэжэ, эндэ тэндэһээ бархагар хара үүлэнүүд гаража, эдихэ һабардахаяа һанаһан юумэдэл, газар маряан, огторгойгоор һолжоржо захалба. Хара һалхин хаанаһашьеб хүүен буужа, хүсэд бэежээгүй нариихан ута хуһадай үзүүрнүүдые газар тээшэ дарана.

Наранай гэрэл үүлэндэ бүглэгдэжэ, далай хара ногоон үнгэтэй болоодхибо. Шулуун хабсагайн орьёл боори уһаар зайлагдаад, хүйтэн хүхэ шулуунууд хушуугаа шогнойлгон һуунад.

Нүрэг олон адуунууд хөөрсэгэнэлдэжэ, хуухиралдажа, үүрхээлэлдэнэд. Унагаяа төөрөөд, инсагаалан ябаһан гүүдэй һүүл, дэлһэнүүд сасагтай пулаадтал адляар нарбаса хиидэнэ.

Түмэнэй хани Бадма үбгэн адуун тээшээ яаран ерэбэ. «Байгал» колхозой хоёр адуушад хойшо урагшаа хиидэнэд. Мянгаад тоотой адуудынь хушуунуудаа холбон урагшаа жүдхэн хумирба.

...Бү гайхагты. Байгал шадар сагай уларил дошхон шэрүүн аашатай юм. Жэлэй дүрбэн сагта, үндэр огторгойгоор хүнжэл хэжэ, үргэн дайдаар дэбисхэр хээд, адуу манажа ябаһан колхознигууд иимэ галзуу үдэрнүүдые олон удаа үзэһэн байха.

Бадма үбгэжөөл Түмэн хоёр хабсагай хадын хабшуу жалгада адуугаа ээрэбэ. Энэ үедэнь тэнгэрийн дуун саг үргэлжэ нэрьенэ, гал могой мэтээр сахилгаан зуралзан ялаганана, аадарай уһан хүнэгөөр адхаржа эхилбэ. Удангүй хоёр хүнэй мүргэлдэмэ харанхы һүни болошобо.

Морид хуухиралдаад, хаха бутаран гүйлдэшэбэ. Шаршаганажа хёрбоһоной үнэр гутаба гү гэжэ һанамсаар, сахилгаан ялалзашоо һэн. Тэрэнэй гэрэл соо харан гэхэдэ, һүүлээ хабшаһан гуригар шононууд унагадые эхэһэнь таһалан, саашань намнажа ябаба.

Түмэнэй гар хүлынь өөрөө угзагад гэлдэжэ, сад дүрөөгэй хан гэхэ абьян гарахадал гэбэ. Энээхэн зуура, нарин ута хүлтэй хара алаг моринийн шононууд дээрэ буужа, гэдэргээ унан будхана. Түмэнэй бэе эмээлһээ хуу халин алдаад, эмнигшэ байһандаа тахимаараа хабшан тогтоно. Дахин дахин сахилгаан ялалзана. Түмэн моринойнгоо ама угзаран, дүрөө шангадхаба.

Мориной гүйдэл дундуур буугай абьян удаа дараа нэрьешоо һэн. Гуригша шононууд һүүрэгэд гэлдээд, бургааһа боролжын саагуур нюугдашаба. Тэдэнэй нэгэнийн уусаяа газараар шэрээд, саашаа холжоржо ябаба. Мяхаша бузар амитанай үхэл дээрээ хүртэхэдөө гиинан байжа, ургамал шулуу химэлжэ байхань харагдаба.

Арьяатан шононуудһаа айһан унагадай нэгэнийн хабсагайн хормой тойрон ошожо, Түмэн тэрэнэй хойноһоо хурдан алагаа залаба. Хада мүргэмэ харанхыда гансал мориной туруунай шулуу сохин хас-няс гэхэ соностоо һэн...

Үүр хираалжа байха үедэ адуушан хүбүүн Эмээл хүтэлэй баруун энгэртэ гаража ерэбэ. Алаг моринийнь ургамал шулуу унхидажа, аргаахан туруугаараа сабшална. Байд гээд лэ, хазаарайнгаа ама хар-хяр химэлэн байтараа, хушуугаа шогнойлгон заадана.

Оршон тойрон хон-жэн. Хонхо-ёнхо болоһон газарнууд, нүхэ хүбэнүүд уһаар дүүрэн аягалагданхай эндэ тэндэ түхэрээлэн ялбайлдана. Хабшуу жалгада монсойтор хумиһан адуун аргаахан тараба. Тэдэнэй турьялдаха, үүрһээлдэхэ абьяанһаа һэргэһэн түрүүшын булжамуур шубуухан огторгойдо жэргэнэ.

Хада уулын нахид хүтэлнүүд далайн уһа уруу хушуугаа шэхэн хэбтэдэг. Түмэр зам боорёорын тойролдожо, тэдэниие нэгэ нэгээр шобто нүхэлэн, шүрэ шэнгеэр холбоно.

Түмэнэй шэг шарай барагар хара, зүдэрүүгээр харагдана ха. Тэрэнэй бүргэд хурса нюдэд алад холо шэртэжэ, ханаата боло-

но. Энэ хүни алдагдаһан унагаяа хэды бэдэрбэшье, олобогүй хаям. Дааж ябаһан гүүд бүхэнһөө толгойн нэгэ унага гээлтэгүйгөөр абахаб гэхэн уялгата үгээс ханахадаа, тэрэнэй шарай улам барайна.

Инаг басаганиинь тус колхозой мориной зоотехник юм. Тэрэнэй ажалай габьяагаар донской ба буряад үүлтэрнүүдэй хоорондоо ута нарин хүлтэй, хурдан түргэн мориуд бии болоо юм. Эрхим адуушан Түмэн, залуу зоотехник басаган болоод, тэдэнэй нүхэд бултадаа — эдэ амжалта туйлахын хойноо хүсэ шадабаринуудаа үгэхэн байна.

«Мүнөө жэлдэ нэгэшье унага гээхэгүйбди», — гэжэ адуушан Түмэнэй уялга абахада, колхознигуудын үнэн зүрхэнһөө этигэхэн аад, хүршэ колхозоорхиндоошье, холо ойроо ерэхэн айлшадташье омогорхол болгон зугаалдаг байгаа. Залуу зоотехник басаганиинь Түмэнэй тэнюун налгай сэдхэл, сэхэ сэбэр үгэдэн голгүй этигэдэг, тэрэниие хайхашаадаг бэлэй. Эдэ бүгэдыень Түмэн хүбүүн хайн мэдэрдэг юм.

Хайшаншье гэжэ бэдэрэ, энэ унаганиинь үгыл аад, үгы... Шононууды айлгахын түлөө адуушан хүбүүн бүхэли хүнндөө буу табижа, абяа гаража үүр сайлгаа. Гайхалаа барагдахадаа нэе бэдэрэн хараашална ха. Тиигэжэ ябатарын түмэр зам дээгүүр түрөөн соносто. Аяар зүүн урдаһаа Москва хото зорихон түргэн поезд зуралзана. Улам улам тэрэнэй абяан ойротожо ябана ха.

Ерэжэ ябаһан поезд тээшэ Түмэнэй нүдэн эзэлүүдгүй шэртэбэ. Ногоон боро үнгэтэй шэнэхэн вагонуудай олон сонхонуудһаа хая гаража байһан наранай гэрэл ойгон, толо сасаруулна. Утаар хашхарһан түргэн поездын хотируухайн саанаһаа зуралзан гарахатайнь адли, нүгөө талаһаань харахан унаган гүйжэ гараад, түмэр зам дээгүүр сэхэ урагшаа харайшаба. Нүүлээ шодойлгон оодорһон унаганай хойноо ябадалаа татажа ядан ябаһан поезд...

Далитаагүй дальбараага аршалһан бүргэд шэнгээр Түмэн урагшаа үндыжэ, моринойгоо гуя уруу ташуурдаба. Хара алаг морин хойто хүлнүүд дээрээ хүрөөд, гэдэргээ сухарина. Үшөө дахин шаб байса шанга ташуурай абяан дуулдаба...

Паровозой хуугайлха, хаахирха бүри аргагүй. Түргэн ябаһан поездын гансата байдаггүйнь мэдээжэ. Унагахан шадал соогоо шармайна ха.

Хазаарай аманда угзаруулжа, Түмэнэй морин шуһатай хөөһэ бурана. Дэбтэг шулуунай эрмэг унхидан шуухиржа, хамаг бээе һалгануулан байһан морин даб гээд, борьбо дээрээ һуушаба. Түмэн нюдэнэйнгөө хараа бишыхан унаганһаа һалганагүй. Унажа ябаһан хайрата моринойнгоо яажашье байһые мэдэхэ мэдэрэлээ табинхай, тэрэ үзэгдөөгүй шангаар дүрөөгөө хабшажа, ташуурдахаяал мэдэнэ.

Бороогой уһанда нуратараа угаагдаһан эрид хабшуу жалгын эрье дээрэ моринийнь туласа ерээд, урда хоёр хүлөөрөө газар һэтэ зуран тогтошобо. Моринойнь эмээл урагшаа һолжоржо, хүзүүн дээрэнь гараба шахуу. «Ай, халаг даа, хайран унагамни поезддо даруулба ха юм даа», — гээд сэдхэхэтэйнэ зэргэ, бэлшэжэ ябаһан адуун сооһоо эхэнь унагаяа хаража, абыт, туһалыт гэхэн юумэдэл хоёр гурба дахин тойролдожо ерээд, хахир шангаар инсагаалжа, түмэр зам тээшэ шуумайба. Түмэнэй унаад ябаһан морин тэрэниие харамсаараа шэхээ хайшалан, зориг ороһон юумэдэл урагшаа хүрэжэ, эрид жалгын нүгөө эрьедэ хахад бэээрээ буужа, өөдөө суган, саада тээнэ гарашаба. Түмэн эмээлһээ ходоржо, дэлһэнһээнэ зулгаагдан тогтобо ха, алаг моринийнь хадые уруу хийдэжэ мэдэбэ. Адуушан хүбүүн ута хуһан ургаяа урагшанэ хаян, унагаяа бугуулидахаяа бэлдэбэ.

Халаг даа, ургынэ үзүүр һөөм богонидобо. Дахин хаяба. Нарбаарынэ шудараад гараба. Баһа дахинаа шэдэлбэ, арай арайл хүрбэгүй... Мүнөө үшөө дахин бээтээс хүрэн байжа ургаяа хаяба. Поезд хажуугаарынэ эригэд гээд, хуаа тооһон бурьялшаба...

Элһэ уруу нюураа гударһан Түмэн хэбтэнэ. Удангүй мэдэрэл орожо, хоёр гараараа газар тулан, толгойгоо аргаахан үндылгэбэ. Хара шорой болошоһон тэрэнэй нюур дээрэ нюдэн шүдэн хоёрынэ ялайжа харагдахадал гэнэ. Урагшаа харахаданэ рельс дээгүүр баглагар тооһон унжын таража байба. Түмэнэй морин эмээлээ дороо абан, жолоогоо шэрээд адуун тээшээ гүйжэ ябаба. Унаганийнэ газар дээгүүр хоёр гурба хүльбэрэн, ургаяа хүзүүндээ шагталанхай юумэ бодоод байна.

Бадма үбгэжөөл бии бололдоод, Түмэнэй мори намнана. Энэ үедэ Түмэн хүл дээрээ бодожо, аргааханаар унагандаа дүтэлжэ, ургынгаа үзүүрнээ шэргүүсэлдэн тэрэниие бариба. Шэшэржэ байһан унаганай хушуу тэбэрин, хэды дахин таалана, хүзүү нюргыень аалиханаар эльбэнэ.

Адуушан Түмэн энхэргэн хайханаар энеэбхилжэ: «Баарһа-хамни, айшоо гүш?» — гэжэ шэбэнээд, дахин унагаяа тэбэрибэ. Элһэ шорой болошоһон унаганайнгаа төөнтэйхэн хушууе дуратай басаганайнгаа бэлэглэһэн дурдам пулаадаар аршажа, дахин дахин эрхэлүүлэн эльбэнэ.

Үргэн далай дээгүүр загаһашадай катернууд хөөһэтэй долги-нуудые дороо эбхэн, хонгёо хайхан дуу дуулан үнгэрнэ ха. Адуушан хүбүүн мориндоо мордожо, үргэн ногоон тала дээгүүр бэлшэжэ ябаһан адуун хүрэгөө харан байжа, баһал гоё хайханаар дуулажа, загаһашадта харюу үгэһэн мэтэ болобо. Хүхэ шонын арһа ганзагалжа, ута хуһан ургаяа газараар шэрэн мориёо хайбарлуулба. Соходоо төөнтэй харахан унаганиинь хойноһоонь дахаад, халта дохолон ябажа хатарна.

Хүхэ сэнхир тэнгэри доро, дэлхэй дээрэ тон тунгалаг номин хүхэ гансахан Байгал далаймнай мэлмэрнэ. Тойроод байгаа хоншуухан хангалтай ой модод, набша намаа, хада хабсагайнууд энэ мэлмэрэгшэ далайгаа аршалһан харуулшад мэтэ абяагүй хажанад.

Байгалай эрьедэхи хүхэ ногоон дээрэ хүльбэржэ хүн болоһон адуушан хүбүүн ой модоной хүнхинэсэ сууряататар буряад хайхан дуугаа дуулана.

Далай дээгүүр тamarжа ябаһан загаһашад:

— Түмэн, Түмэмнай дуулана... — энэ дууень дабтан, дахалдажа баһа дуулалданад!

Ангуушад

Сэнхир хүхэхэн үнгэтэй «Москвич» Сэлэнгэ мурэнэй хүүргэ гарамсаараа, Хяагтын асфальттай дардам харгы дээгүүр баруун тээшээ бүмбэржэ оробо. Богонихон хүзүүтэй, дабхартайхан нюдэтэй хүн тус машинымнай жолоодо хуушанхай: «До-до-о, ре-ми-фа-со-о-ль!..» — гээд, аман соогоо дуунай ното гүнгэнэжэ ябаа нэн. Тэрэнэй хажууда хуушан бууралшаг толгойтой, таби гара наһанай хүн юушьеб толгойдоо шэбшэһэн янзатай нюдээ уйтаруулан һагад урагшаа хараад дуугай хууна. Эдэ хоёрой ара таладань мүн лэ хоёр хүн хуунад. Бадхатайшаг аад, халта һарюушаг хамартай, юлэгэр шара нюдэтэй нүхэрынь машинымгаа үүдэнэй хажуу тээхи шэл нээжэрхинхэй талаар хараашална. Харин тэрэнэй хажууда хани боложо хуушан нүхэрынь богонихон карабин буу хоёр үбдэгэйнгөө хоорондо хабшажа хуушанхай:

*Ууладаал модониинь ургадагыһе һаа,
улаанхан занданиинь харагданалгүй.
Уладтаал басагадын олонхоншье һаа,
ушармаар нэгэниинь олдонолгүй...*

— гээд, хонгёо нарийхан хоолойгоор ханхинаса дуулажа ябаа нэн.

Машинын урдахи хуурида дуугай хуушан үнөөхи таби гаран наһанай хүн гэдэргээ эрьежэ:

— «Бронепоезд 14-69!..» Константин Сергеевич Станиславский гартаа абажа, тэрэ повестиинь пьесэ болгоогүй һаань, хаанаһаа иимэ ехэ суу түүхэдэ орохо нэм! — гээд, өөртөө бодолгото болон, үшөө юушьеб хэлэхэ гэхэн янзатай хууба.

— «Бронепоезд 14-69» гэжэ повестиин авторай намда бэлэг үгэхэн буу гээшэл даа».. — гээд, ара талада хуушан үнөөхи юлэгэр шарашаг нюдэтэй хүниинь, хоёр аматай буугаа өөдөн гаргажа, — гурбан кольцовко! — гэхэн бэээрээ хоёр аматынгаа сэмгыг гараараа эльбэжэ байжа, таалаад абаба.

— Ши энэ буугаараа ан алажа үзэхэн юм гүш? — гэжэ тэрэнэй хажууда мэнэ хая дуулажа ябаһан хүн нүхэрөө шогложо оробо.

— Юу хэлээ гээшэбши! Нёдондо хабар агнажа ябатарни, нэгэ доргоной хүл дороһоомни гараад гүйхэдэнь, хойноһоонь буудажархин гэхээмни, тэрэ яарни гурба орондоглоод, урдаһаамни шүдөө ирзайлгаад, хэбтэшэхэн юм.

— Тиигээд?

— Тиигээд яаха һэм! Тиигээд лэ, үхэшөө гэнэ ха юмбиб.

— Юун тиигээд үхэбэ гээшэб! Тэрэшни шамайгаа наадалжа, энеэжэ байгаа гээшэл! — гээд, үнөөхи Станиславский гэдэг хүмнай шогтой энеэдэ гаргаба.

— Ши амиды дорго таниха хүн гүш? — гээд, мүн лэ зэргэлжэ хууһан нүхэрын шог энеэдээ улам хөөргэдүүлбэ.

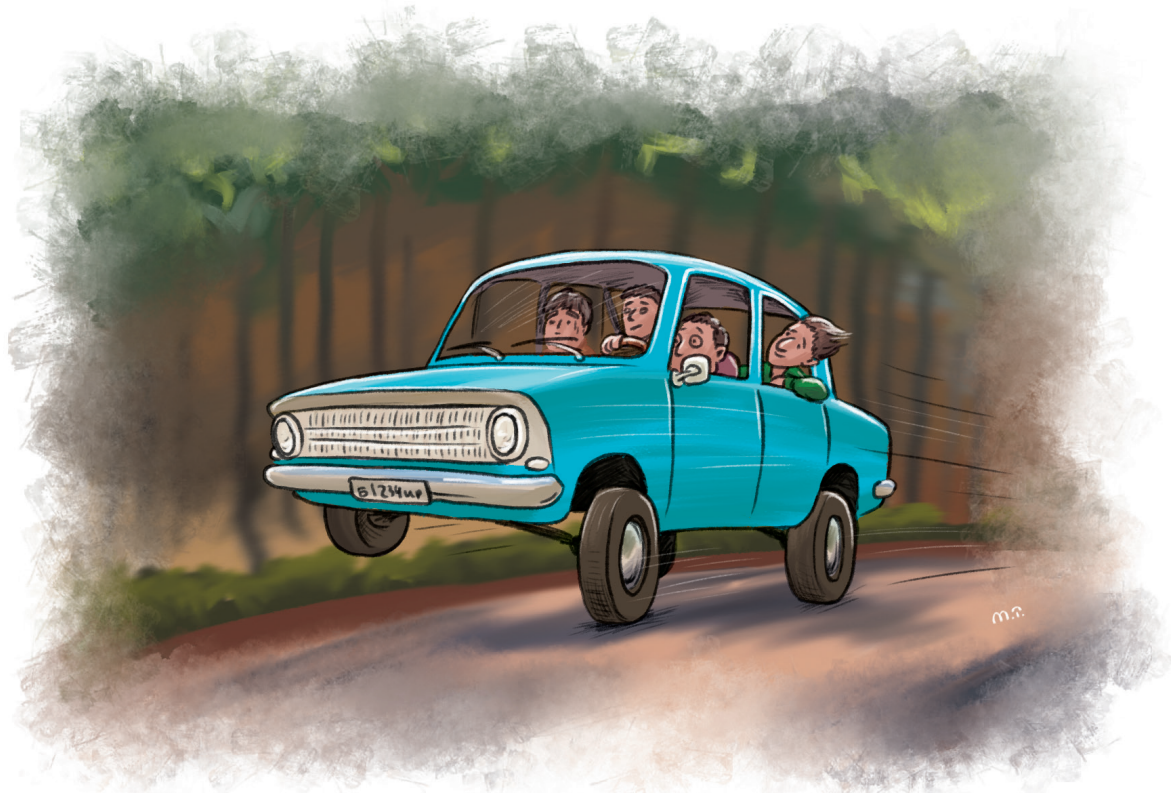
Тэдэ ангуушадаймнай машина тээ Оронго нютаг хүрэнгүйхэн, баруун тээшээ годиржо, хүдөөгэй нариихан харгыгаар ондого сондого гэхээр Хандагайтын жалга өөдэ үгсэжэ ябаба.

— Одоол буу гээ һаа, үнэтэ буунь энэ гээшэл даа! — гээд, машинын урдахи хуурида хуугааша буурал толгойтой хүн ялагаршэнэ хоёр аматай буу арадаа хууһан нүхэдтөө харуулжа, хэды дахин булад сэмгыень эльбээд абана ха. — Олон жэлэй турша соо забгүй ажаллаһанаймни энэ бууе намда бэлэг үгөө юм.

— Буу гээшэмнай хүнэй бэлэг үгэхөөр болодоггүй ха юм! Энээхэн карабин хэншые намда бэлэг үгөөгүй. Харин энэ буумни жэл бүхэндэ хандагай буга намдаа бэлэглэгшэ! — гэжэ байжа, карабинойнгаа нариихан ама наран өөдэ харуулаад, затворынь хуга татажа, үрөөһэн нюдөөрөө үнөөхи нарин дуутай хүмнай сэмгэ руунь шагаһанайнгаа һүүлээр:

— Эх, гэрэл толо бадаржа байна! — гээд, табан һомоор буугаа һомолоодхибо.

Уданшьегүй тэдэнэй машина Хандагайтын хүтэл дабаад, ташалан руунь буужа ябаба. Үнөөхи ангуушаднай гар наанаһаа буугаа магтан хэтэржэ ерэхэдээ, ангууша нохойнуудаа, галуунай мяхаар хэнэйн һамган хоншуухан эдээ үлүү һайнаар хэдэг бэ гэхэ мэтэ өөһэд зуураа хэлсэжэ оробод. Эгээл энэ үедэнь, һарюушаг хамартай хүнэйн ханшыгаа шамаад бодо-

жо ябатар, тэдэнэй машина жалжагад гээд, хажуу тээшээ ган-
хахадал гэбэ.

— Бага камернай тэһэрээл даа... — гээд, богонихон хүзүүтэй
жолоошо нүхэрынь машинаа байлгахатайнь хамта: «Доргон
гүйжэ ябанал! — гээд, үнөөхи доргошо ангуушан, бадхатай ха-
марта, шадал соогоо хашхаржа захалба.

Тэдэ ангуушадай харахада, нээрээшье Хандагайтын таша-
лан руу нэгэ бүгдэгэр нюргатай юумэн бүдэргэнөөн дээгүүр
хүрэжэ ябаад, уруудан табилуулба. Ангуушад зүг бүрээ маши-
нааа түргэхэн буунхайнууд, ямар нэгэн дайнай болоһонһоо
өөрэгүйгөөр өөһэд зуураа үрдилдэжэ байжа, тэрэ ээрэм-
шээдэг боро амитаяа буудажа захалбад. Олон буугай абьян
доро тэрэ арьяатаниинь хүндөөр шархатаһан түхэлтэйгөөр
ганхалзаһаар, заахан добо өөдэ абиран һагад, хажуу тээшээ
хальбилзаһаар урбалдашаба. Үнөөхи ангуушаднай буунуудаа
барихан шэгтээ, тэрэ шархатажа унаһан доргон тээшээ һу-
барилдан зурышабад.

Ан алаһан зон баярладаг, хүхидэг гээшэ. Харин эдэ ангуушад
тэрэ боролжо соо унаад хэбтэһэн ангай дэргэдэ ерээд: «Энэ

шинии номон! Энэ ши карабинаараа буудааш! Энэ өөрөө буудааш! — гэжэ байжа гар наанаһаа тоосожо оробод. — Шил доргон гээш! — гээд, үнөөхи һарюушаг хамартай хүн руугаа шэг залан машинын жолоошон хашхараад, газарта хэбтэһэн юумэ-еэ бодхон гэхээн, соо сүмэ буудуулжа, һанги набта хүрэхэн «Москвич» машинымнай хойто сахариг байба бшуу.

— Ть-фу, хойто сахаригнай ходо буугаад мухаришаһан байба гэшэ гү! — гээд, карабинтай нүхэрэй нарииханаар энеэхэтэй хамта, тус машинын жолоошо уйтай нюдөөр тэрэнэй урдаһаа хаража:

— Таанадта энеэдэн, намда ханяадан! — гээд, үнөөхи ната буудуулшаһан сахаригаа түлхихөөр, машина тээшээ ошобо. Хүхюу ангуушад, амандаа уһа балгаһан юумэдэл, хойноһоонь дахаһаар, мүн лэ машина тээшээ ошобод ха.

— Зай, энэ сахаригаймни камера няалсыт даа, — гэжэ һүүлдэ жолоошо нүхэрнай ангуушадта хандаба.

— Минии яараха юумэн үгы! Пенсидэ гараһан хүм даа... — гээд, буурал толгойтой хүмнай флягатай юумэ сүүмхэ сооһоо гаргаад, хажуу тээшээ зайсан һуушаба.

— Бишье даа, сүлөө профессийн хүн гээшэб! Нэгэ шүлэг бэшэхэ байна! — гэжэ, үнөөхи бадхатай хамарта нүхэрынь аглаг добын ногоон соо ошожо хэбтэшэбэ.

— Угайдһаа ши туһалалсыш! — гээд, карабин буутай ангуушанда машинын жолоошо хандаба.

— Юу хэлээ гээшэбши! Бишни мүнөө үдэшэ концерттэй хүн хэм! Харгын машина угтажа харихамни! — гээд, саашаа ябашаба ха.

— Ть-фу! Таанадаар агнанхаар... — гээд, үнөөхи богонихон хүзүүтэй жолоошомнай машинадаа һуугаад, үрөөһэн сахариггүй машинынгаа барабанаар шулуу сохюулһаар, дүтын тосхон тээшэ һолжорбо.

— Һэ, миин ното бэшээд гэртээ хэбтэнхаар, ажабайдалтай танилсажа, хүдөө ябаха юмши гү! — гээд, үнөөхи һарюушаг бадхатай хамартын шоглон хэлэхэтэй хамта, флягатай унда уужа байһан буурал толгойтой хүн:

— Эгээл болоо! Колхоз ошожо нэгэ хэды хоног!.. — гэжэ байжа гэдэргээ унан энеэбэ.

Алдар

Һанаагаа зобоно Алдар —
Һургуулида ошохонь үглөөдэр
Түрүүшынхисэ ошохонь.
Нэгэдэхи класста үзэхэнь.
Үзэглэл, дэбтэр абаатай,
Сүүмхэ соо хээтэй.
Баглаа сэсэг бэлдээтэй.
Бүмбэгэ, наадан орхёотой.
Үмдэ, самсаниинь шэнэ —
Үмдэжэ үзөө үглөөнэй.
Үргэһэ нойрынь хүрэнэгүй,
Үнихэн орондоо тэршэлээ.
Үглөөгүүр хэнһээшье эртэ
Үтэр түргэн бодоо.
— Һургуулидаа ошохом! — гэжэ
Хүл хөөрсэг табиба.
Арадаа рюкзагаа үргэлжэ,
Алдар Һургуулидаа ошобо,
Баглаа сэсэг баринхай,
Баяраар сэдхэл дүүрэнхэй.

АЛТАН НАМАР

Алтан шара намарнай
Айлшан боложо бууба.
Аажам үргэн таламнай
Алталмал хубсаһаа үмдэбэ.
Үргэн тала хагдараад,
Урда уула шарланхай.
Айлай газаа мойһонууд
Алтан набшаа гүбинхэй.
Элдэб модотой хаданууд
Эрөөн тэрлигээ үмдэнхэй.
Элдин талаар дүүрэн
Элбэг һүри табигданхай.
Мүльһэтөөд, жаахан горхон
Мүнгэн шэнгээр яларанхай.
Намарай шэнжэ абанхай,
Нютагай байгаали үзэсхэлэн

ЕЛҮҮР ДЭЭРЭ

Елүүр дээрэ үхибүүд
Ехэ баяртай холжорно.
Гансал Галдан гэтэнхэй,
Гэшхэлнэ аалихан конькитай.
Елүүр дээрэ унахаяа
Ехээр айна хэбэртэй.
Унаад, үхибүүд уйланагүй,
Уйлахань огто дуулданагүй.
Галданда үхибүүд дүтэлбэ,
Гарһаань хүтэлөөд ябуулба.
Елүүр дээрэ хүхюутэй,
Ерэнэн үхибүүд баяртай.

Хаана наран хоргодоноб?

Үглөөгүүр эртэ бодоод,
Үлыжэ сонхоороо харанаб.
Үнеэгээ туугаад ошоһон
Эжыгээ ехээр хүлээнэб.
Базар хуряахайн гэрэй
Баруун углуугай талаһаа
Наран мандаад гараба,
Нюдыем ехээр ялбаба.
Наран хаана хоргодоноб?
Харааб мүнөө, харааб!
Эжынгээ ерэхэдэ хөөрэхэб.
Эжытээ ошоод харахаб.

ШЭНЭ ТЕЛЕФОН

Минии сотово телефон
Мэдэнэ гүт, юу шадахаб?
Видео харуулдаг,
Фото-зурагшые татадаг,
Sms бэшэг бэшэдэг,
Дуу шагнадагби,
Абгайдаа mms-ээр
Фото-зурагуудые эльгээдэгби.
Сагай уларил захяад,
Сагтаа мэдээд абадагби.
Интернет соо ороходом,
Хамаг юумэн бии:
Кино, ном, зураг..
Шадал ехэтэй телефонтойб!
Хани басагамни хаяхан
Шэнэ телефон абхуулаа –
Баһал ехэ шадалтай.
Хамаг юумэн бии даа!
Экран томо, хайхан –
Телевизор хаража болохо..
Кнопко даража байдаггүй,
Хургаараа эльбээд харадаг.
Иимэ хайхан телефон
Намда баһал хэрэгтэй!

ЭЖЫГЭЭ ЗУРАНАБ

Эжыдээ би дуратайб,
Эжыгээ би зуранаб:
Хара буржагар үнэтэй,
Улаан хасар, аматай,
Хүзүүндээ ногоон хоолобшотой,
Ута хүхэ платитай,
Үндэр хүсэтэй туфлитай,
Гартаа хара сүүмхэтэй
Эжымни гоёхон болоо.
Мартын найманда эжыдээ
Бэлэг болгожо барихаб.

Конфетэ

Углууда табсан дээрэ
Алталмал бурхан ялайна.
Аяга соо урдань
Амтатай конфетэ байна.
Аргагүй эдихээсэ ханажа,
Асуубаб хүгшэн эжынээ:
— Абажа намда болохо гү?
— Бурхандаа мүргөөд, асуу.
Зүбшөөгөө хаань, абахаш
Нэгэ конфетэ, — гэбэ.
Нүгэдэн, бурхандаа мүргэбэб.
Асуугаад, урдахаань харабаб.
Абьягүй хууһан бурхан
«Аба» гэнэ гэжэ ханабаб.
Аяга соохи конфетэһээ
Аалихан нэгыс абабаб.
Амаргүй баяртай саашаа
Алхалаад, түргэн гарабаб.

Медведь-путешественник

Жил-был Медведь. Толстый, лохматый. Больше всего на свете любил Миша помечтать. Лежит себе в берлоге, лапу сосёт, дремлет. Лежал-лежал. Думал-думал и надумал:

— Почему я, Медведь, не летаю?

Стало ему завидно. Мошки, Жуки, Комары, Пчёлы, Мотыльки день-деньской в воздухе кружат. Жаворонки, Стрижи, Ласточки, Орлы, Утки дикие в самые небеса взвиваются. Куда хотят, туда летят. А он, Медведь, по лесу бродит, траву топчет. Нигде не бывал, ничего не видал. И вздумал Мишка косолапый страны диких повидать, за моря, за леса, за синие горы полететь.

Вылез из берлоги. А уж Весна-Красна пожаловала. Тёплый пар от земли поднимается. Золотые Одуванчики улыбаются, лилово-розовые анемоны Солнышку радуются. В траве зелёные Кузнечики скачут. Ящерицы на камнях греются. Рои Мошек над болотом толкуются. Птицы гнёзда вьют. Птенцов выводят. Белки по веткам прыгают.

— Прыгайте, прыгайте, а мне недосуг!

Крылья решил себе Мишка сделать. Пошёл к Птицам. Глядь — Удод. К земле прижался. Крылья по траве разметал. От Медведя прячется.

— Не бойся, не трону! Дай мне перышко.

Удивился Удод, на что Мишке перышко. Да потеря не велика. Подарил одно.

Набрёл Михайло на болото. У кого бы перьями разжиться? Глядит, не разберёт: камыши не камыши? Коричневые и жёлтые полосы колышутся. Выпь в воде притаилась. Стоит на одной ноге, покачивается.

— Выпь, а Выпь. Не скупись, дай перышко! Обрадовалась Выпь, что так легко отделалась от гостя косматого.

Из деревни Аист прилетел. Лягушками полакомиться. И он поделился с Мишенькой.

Хлопнул себя Топтыгин по лбу:

— Ах я, недотёпа, куда перья складывать стану? Сплёл мешок из травы, закинул за спину. Дальше потопал. К реке выбрался. По песку Птичка-невеличка скачет. Ножки тоненькие. На шейке галстук чёрный. Сама жёлтая.

— Зуёк, дай мне перышко!

— На что тебе оно?

— Летать хочу. Крылья шить буду.

Засмеялся Зуёк. Да не пожалел перышко. Плавала в речке Оляпка, собирала Козявок, Рыбёшек подстерегала. С Мишкой поделилась. Куличок насмешливо сказал:

— Фи-фи!

А перышко всё же бросил в мешок. Летела над лесом стая Гусей. Старый вожак уронил несколько перьев. Косолапый не поленился. В крапиву полез. Все до одного подобрал.

У лесного озера повстречал Чомгу рогатую. Голова у неё большая-пребольшая. Перья на макушке торчат. Гнездо из сухого тростника мастерил. Дно мягкой травой устилало. словно лодочка плавает по воде гнёздышко Чомги. И она Мишку порадовала.

В роще с Иволгой разговорился. Птенцов на берёзе высиживала она. Гнездо у неё на ветру качается. Бросила косолапому перышко золотое.

Рядом Грачи шумели, веточки для гнёзд собирали. И они обрונים перья чёрные. Медведь не погнушался. В мешок их сложил.

Подарили Михаиле по перышку Бекас долгоносый, Дятел пёстрый, Голубь лесной Витютень, Сорока-белобока. Целый день бродил по лесу. Устал. Солнце за деревья спряталось. Перепёлка в поле закричала:

— Спать пора! Спать пора!

На охоту вылетела Сова. Мышек-глупышек ловить. Пеночка спать в гнёздышко из сухой травы и мха улеглась. Всех Медведь обошёл, перья выпросил.

На другой день чуть свет опять за дело. Иголки у Сосны взял, нитки у Паука добыл. Сел на пригорке. Разложил своё богатство. Перышко к перышку. Шьёт крылья. Не пьёт, не ест — крылья мастерит. Сопит, крихтит.

Кругом Птицы и Звери хлопчут. Житьё-бытьё своё устраивают. Прилетят, прибегут на пригорок. А Миша шьёт-пошьёт. Потешаются Звери и Птицы:

— Где это видано, где это слыхано, что б Медведи летали?

Сорока-белобока — стрекотать-хохотать:

— Куда тебе, Медведь, до облака достать!

Медведь ревет:

— За-хо-о-чу-у — по-ле-е-чу-у!!!

Настал третий день. Мишка рано встал. Нашёл гору выкокую-превысокую, крутую-прекрутую. Внизу река шумит. Вдоль обрывистого берега Ласточки снуют. Мошек, Букашек, Комаров ловят. Взобрался Медведь на гору. Крылья за собой тащит, пыхтит. Белок позвал. Прискакали Белки. Помогли крылья к спине ветками привязать.

Народ лесной со всех сторон валом валит. Всем охота на Медведя поглядеть, как он летать станет. Разбежался Мишка что было мочи. Прыг с кручи! Летит, вопит:

— За-а-хо-о-чу-у — по-ле-чу-у!

Да не взлетел Топтыгин. Камнем в воду упал! Плюх!!!

Как заревёт, как закричит! Насилу из воды выбрался. Шубу на солнце сушит.

m.s.

Звери и Птицы окружили Топтыгина, утешают:

— Не горюй, Мишенька!

Сидит Медведь, вздыхает, лапой морду утирает. Сорока-Белобочка стрекочет:

— Не обижайся, Миша! Я пошутила — ты ещё научишься летать!

Белки уселись рядышком:

— Это мы виноваты — крылья плохо привязали...

Засопел косолапый и побрёл восвояси.

С тех пор Медведи больше не летают.

Первая охота

(отрывок из рассказа)

Три озера обошел Бато, да так ни разу и не стрельнул. Не было подходящего случая. То утки слишком далеко сидели, то, заметив его, поднимали крик и удирали в камыши, как очумелые. Но он не унывал. Главное, патроны еще есть, а удача подвернется.

И вот, наконец, она подвернулась. Подходя к дальнему озеру, он еще издали увидел большущий косяк селезней, крикв и чирков, облепивших почти всю поверхность воды. «Вон куда вы все слетелись!» – обрадовался Бато. Слева берег круто поднимался над водой – оттуда хорошо стрелять!

Обойдя со стороны, Бато вышел к берегу. Передернул затвор, выглянул. Самое то! Ближние сидели всего в метрах двадцати с лишним. Но это были маленькие чирки. Бато выбрал матерую крикву, что сидела чуть подальше.

«Хоть бы не заметили, хоть бы не заметили...» – трясущейся рукой установил прицел. Отдышался, боясь шевельнуться.

Ну все, пора стрелять. Поднял ружье к плечу. Задержал дыхание.

Птах!!!

«Фьи-фьи-фьи-фьи-фьи-фьи-фьи-фьи-фьи», – тут же испуганно замахали крыльями полсотни уток, разом отрываясь от воды. Бато вскочил на ноги, да так и застыл на месте, перестав дышать: та, в которую он стрелял, осталась. Весь косяк улетел, обезумев от страха, а она сидела, как будто ничего не случилось.

«Не боится, что ли? – приходя в себя, Бато начал перезаряжать ружье. – Подожди тогда, сейчас получишь!»

Такую наглость он еще ни разу не видел. Снова прицелился. Утка слабо махнула крылом и замерла.

«Ранена! – понял, наконец, Бато и опустил ружье. – Конечно, ранена. Попал!!!»

Не помня себя от радости, сдернул штаны и рубаху. Вода оказалась ему выше пояса. Гребя руками и запинаясь за водоросли, добрался до утки, схватил ее обеими руками, пошел обратно. Утка была уже слаба, но еще шевелилась. Вынес на берег и осторожно положил на землю. Надо было добивать.

«Как? Палкой стукнуть? – Бато озадаченно смотрел на раненую птицу. – А где ее найдешь, тут одни камыши да кочки».

И тут он вспомнил, что дядя однажды рассказывал: как-то ранил так же утку и голову ей отвернул. Бато представил, как хрустнет шея у этой утки, стало не по себе. Он пожалел, что не выстрелил сразу второй раз. А стрелять сейчас, в упор, как-то не то, вроде нечестно. Но добивать надо, все равно умрет. Утка лежала, раскинув крылья, шевелила лапками, но голову поднять уже не могла. Было видно, что мучается. Бато дотронулся до нее и отдернул руку: противно стало.

«Да что это я как баба! – вдруг враз опомнился Бато. – Какой охотник боится добычу прикончить?!»

Стиснув зубы, он схватил утку одной рукой за шею, а другой за голову и резко повернул. Шея была крепкая и жилистая. Утка слабо забила крыльями. Набрав полные легкие воздуха и страшно оскалившись, Бато напряг все силы.

«Хр-рт» – раздался сухой хруст, утка судорожно напряглась и ослабла в руках Бато.

«Все!» – тяжело дыша, расслабленно подумал он, но сам успокоиться почему-то не мог. Еле разжав онемевшие пальцы, он уронил утку на землю и долго смотрел на нее. И утка, чуть приоткрыв свой безобидный клювик, смотрела на Бато спокойно и задумчиво, будто не растерзал он ее только что своими руками, а наоборот, словно они стали хорошими друзьями. Горькая жалость шевельнулась вдруг в груди у Бато. «Зачем убил! – жалел он уже. – Хоть бы сразу умерла, чем так мучиться».

Гадкое чувство раскаяния охватило Бато, и он никак не мог отделаться от него. Так же было, когда прошлой осенью он шел с ребятами после школы и увидел, как маленькая девочка на песочке строила игрушечный городок. Он тогда первый бросился ломать ее домики. За ним подбежали ребята и они долго топтали ее городок, крепостные стены и башни, улицы и площади, красиво выложенные камешками. Разломали все и ушли, весело оглядываясь на плачущую девочку.

Пообедав дома, Бато пошел в магазин и увидел, как она, все еще безутешно плача, пытается отстроить свой городок. Сквозь слезы девочка уныло смотрела на один-единственный домик, который успела сделать, а вокруг были одни развалины да следы их ботинок. Руки у нее дрожали, глаза заливали слезы, и она никак не могла выровнять края домика. Бато пошел дальше, но теперь его жестоко терзала жалость к этой девочке. «Бедная, – думал он. – Заново хочет отстроить... Да кто знал, что из-за этого так горевать будет!.. Из-за меня все! – винил себя Бато. – Я первый бросился топтать, а она, может, три дня строила. Какой же я гад!» Так жалко стало девочку, что ему нестерпимо захотелось как-нибудь утешить ее, загладить вину перед ней. В магазине он купил ей конфеты. Потом помог отстроить город. Наделал ей домиков штук сорок, дощечками улицы вымостил, возвел огромные стены с башнями и вокруг вырыл ров с мостиками из щепок. Такой городище отгрохал, сам себе раньше такие не делал.

И, уходя, сказал ей:

– Если еще кто-нибудь обидит, меня позови.

Она радостно закивала ему головой. И тогда ему стало так легко и весело, как будто он до неба подпрыгнул.

Сейчас ему так же жалко было убитую им утку, но он уже ничем не мог ей помочь.

Охотиться больше не хотелось. Так и просидел Бато возле мертвой птицы до вечера. Волнение понемногу проходило, но на душе все равно было тяжело. На закате он, наконец, встал, оделся, закинул ружье на плечо, взял утку за лапки и пошел в сторону летника.

Шел в сумерках по кочкам мимо озер, думал про себя: «А может, не совсем уж плохо я сделал? Ведь это же охота! Кто сказал, что охотиться нехорошо? Про охотников даже в книжках пишут! Да и при чем здесь только охота? Мясо-то все едят! А откуда оно берется? Животных на фермах откармливают, а потом на мясокомбинаты, где их и убивают... Все взрослые в собольих да лисьих шапках. А шкурки откуда?.. Значит, человек может убивать животных! И ничего плохого, может, в этом нет? Сказано же: человек – царь природы, значит, так и должно быть! Все правильно, и в книжках так написано, и учительница говорила...»

Но все-таки было что-то не так, и это не давало Бато покоя. Вдруг он что-то вспомнил, остановился. Учительница на уроке природоведения говорила про хищников: это, мол, те, которые питаются мясом других животных. А люди-то что, не мясом животных питаются? Ведь получается, люди такие же хищники, что волки и медведи! Кабарге или косуле какая разница, волк их задерет или человек убьет? Значит, так и есть!

Далеко впереди фыркнул конь. Бато только теперь заметил, что совсем стемнело. По тропинке вдоль берега ехал всадник. Конь шел ходким шагом и быстро приблизившись, остановился.

– Это ты? – Бато узнал голос дяди.

– Я.

– Как охота?

– Ничего.

– Убил?

– Одну.

- А остальные?
- Промазал два раза, два патрона остались.
- А что же еще не стрелял?
- А куда их еще-то? И одной хватит.
- Правильно сделал... Ну, давай ружье.

Бато подал ружье и только теперь почувствовал, какое оно тяжелое.

- Устал?
- Не очень.
- Ну, садись. Тетя твоя там беспокоится, – освободил дядя стремя.

Ухватившись за гриву и заднюю луку седла, Бато запрыгнул за спину дяде, и они, развернувшись, поехали шагом.

– Что ж так долго-то? – спросил дядя, когда немного проехали.

– Далеко ходил, – Бато не хотел говорить, что утку жалко стало.

– Ну, ничего, приедем домой, отдохнешь. Утку твою сразу на костре зажарим.

Бато не отвечал.

– Ты чего такой хмурый стал? – дядя шутливо толкнул его локтем. – Случайно не ламой решил стать?

– Дядя Гомбо! – вдруг сказал Бато. – Человек – это хищник?

– Как хищник? – не понял тот

– Ну, как волки, или там рыси.

– Почему это? – удивленно повернувшись в седле, дядя смотрел на Бато.

– Ведь так же охотимся, мясом животных питаемся, как и они. Какая разница?

Дядя долго молчал. Бато смутно видел перед собой его широкую спину, склоненную голову. В ночной тишине глухо и ровно стучали копыта коня.

Наконец дядя заговорил:

– Разница большая. Человек тоже питается мясом, но охотится он по-другому. Волк, когда нападает, скажем, на овечью отару или на стадо косуль, он готов всех до одного разорвать. И

рвет, сколько сможет, хоть ему самому не много-то и надо. Он любит, когда льется кровь. А человек берет столько, сколько ему нужно и не больше. Вот ты сам сегодня убил одну и решил, что хватит, хотя патроны у тебя еще были. Почему? Потому, что ты человек, а не волк. Понял?

– Понял, – сказал Бато, но про себя подумал: «Все равно убивать нехорошо».

И все-таки от дядиных слов стало легче на душе. «Иначе, видно, нельзя, раз человек не может без мяса», – решил он наконец.

Дядя еще что-то говорил ему, но он уже не слышал – теперь ему все было ясно. И еще ни о чем не хотелось думать.

Воробей Васька

(отрывок из сказки)

Дома у Ляли было чистенько и уютненько: коврики, мягкие кресла. Воробью понравилось, но он чувствовал себя гостем и не сразу решил, где устроиться. Хорошо бы на люстре, кот не достанет, но свет загорится – станет жарко. Он долго летал по комнате, пока кот устало с обидой в голосе не сказал: «Да не буду я тебя есть!»

Воробей выбрал бюст Пушкина, в городе на Пушкине не посидишь, там вечно голубями занято. А кот сразу представил себя хозяином, у него даже голова закружилась от желания остаться здесь навсегда. «Завтра, – решил он, – вцеплюсь когтями в ковер, и пока не пообещают оставить здесь, перетаскивать меня можно будет только с ковром вместе». Кот ходил кругами, терся об ноги, заглядывал Ляле в глаза. Валяться на диване, драть ковер, висеть на шторах – это он планировал, но потом, через полгода. Сейчас он был сущим ангелом. Воробей таких планов не строил, он знал, если птица живет в доме, она живет в клет-

ке в прямом смысле этого слова. Чем бы не кормили, а за решеткой плохо. Другое дело – иметь балкон, на который всегда можно прилететь и найти корм. Тот же черствый кусочек хлеба, одно дело – ты его на помойке нашел, совсем другое, когда его специально для тебя на балкон положили. На балкон воробей очень рассчитывал, его желание было куда скромнее кошачьего, оно не затрагивало жилплощадь.

Ляля включила телевизор. Сначала шел мультфильм «Том и Джерри», кот был возмущен и попросил убрать это безобразие. По другим каналам шла стрельба, и все падали, падали... Наконец, нашли передачу о дикой природе, показывали страусов. Это устроило всех, и Ляля ушла на кухню готовить ужин.

– Ничего себе, птичка, корова целая, – сказал кот.

– Какая она птичка, она же не летает, – сказал воробей.

– А я с тобой согласен, птица должна летать, иначе она не птица!

Воробей чуть не свалился с Пушкина, оказывается, кот не так плох и может быть приятным собеседником. Кот продолжал льстить:

– А ты – смелый. Не каждый бы согласился быть каскадером.

– Факт – не каждый.

– Ты вот и сметану попробовал, и семечки, скажи, что вкуснее: семечки или сметана?

– Конечно, семечки.

– Я хочу попробовать семечки.

– В чем же проблема. Вон мешок на столе.

Кот залез на стол, сунул морду в мешок, набрал в рот семечек, пожевал и отправился выплевывать их на балкон. Вернувшись, кот заявил:

– Грубая пища. Как ты их ешь?

– Склеываю, да и все.

– А как тебе сметана?

– Ничего. Была бы пожиже, можно пить.

– Темный ты. Сметана чем гуще, тем лучше. А колбасу ты ел?

– Слушай, а ведь я ел сосиску в парке в летнем кафе в прошлом году. Мужик принес, поставил на стол тарелку, пошел за

компотом, а голуби сели на стол, все сбросили. А украсть у голубей легче легкого, они такие неповоротливые. Одну сосиску я у них увел. Вкусно!

– Ой! Брат, брат мой, да мы с тобой хищники!

Воробей призадумался: из-за одной сосиски попасть в отряд хищников не хотелось, но портить отношения с котом в его планы тоже не входило, завтра съемка, и он дипломатично ответил:

– Грешен, батюшка.

Кот пришел в восторг:

– Никогда не знаешь, где можно встретить родственную душу.

Ляля на кухне соображала, что бы такое сготовить, чтоб на троих. Решила сварить гречку и сосиски, воробью – гречку, коту – сосиску, себе – и то и другое.

Утром кот начал воплощать свои планы в жизнь. Картина отдиранья кота от пола была душераздирающей. Кот орал громко и жалобно. Приподнять его можно было только с ковром вместе на пятнадцать-двадцать сантиметров от пола. Ляля уговаривала кота, звонила Феликсу. Кот стоял на своем, стоя на лялином ковре, вцепившись в него всеми когтями. Ляля устала, села в кресло. Вид у нее был озабоченный. Кот повернул голову и осторожно посмотрел на нее. Ляля думала. Кот, конечно, красив, но это такая ответственность: и возвращаться надо домой вовремя, и в отпуск просто так не уедешь. Хотелось понаблюдать за котом до конца съемок, а потом уже принять решение. Ее любимая героиня – Скарлетт говорила: «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Вот и Ляля совершенно не хотела думать о дальнейшей судьбе кота сегодня, а уж тем более принимать скоропалительные решения.

Но кот пошел ва-банк. Воробей тоже пытался его уговорить:

– Слушай, тезка, она сейчас совсем рассердится и вечером нас не возьмет.

– Возьмет. Меня насовсем возьмет.

Воробей сел к Ляле на плечо и прошептал на ухо:

– Ляля, ты если его брать не хочешь, соври ему, и поедем.

– Вот еще! Я еще врать должна. Не буду я врать. Я ему сейчас когти обрежу, помогу гримеру, ему все равно сегодня на киностудии должны обрезать когти. Так что сцепление с ковром я ему уменьшу.

Кот вытащил лапы из ковра, причем заднюю левую с большим трудом. Ляля облегченно вздохнула, но не тут-то было: кот забился под диван. Ляля села на диван и спокойно сказала:

– Есть два варианта развития событий: первый – я беру швабру с мокрой тряпкой, второй – я беру соседского кота Пупсика, хороший, между прочим, кот, воспитанный.

– Щас!!! У меня контракт, – раздался голос из-под дивана.

– Вспомнил про контракт? Заплатишь неустойку за срыв съемок и гуляй, Вася.

– Ну, вот, и пошутить нельзя, – заюлил кот.

На киностудию приехали: злая Ляля, взъерошенный печальный кот и воробей. Что на душе у воробья, по его внешности понять было нельзя, но воробей побаивался, так как кот был не в духе. Когда коту подрезали когти, он ругался, но по-своему, по-кошачьи, никто даже не обиделся и не сделал ему замечания. Для начала решили снять картинку: кот и настоящий снегирь, снегирь сидит, кот крадется по ветке дерева, но пока не прыгает. Кот повеселел, стал разминать лапы, шерсть на загривке, правда, оставалась взъерошенной, но ее пригладили щеткой и spraysнули лаком для волос. Кот зачихал, прочихался и сказал:

– Зачем этой бякой полили?! Сказали бы мне, я бы ее сам уложил.

Феликс хмыкнул:

– Тоже мне, Зверев.

Снегирь сел на ветку, но как только кот полез по стволу, улетел. Его звали, стыдили, говорили, что у кота обрезаны когти.

– Зато зубы целы, – резонно заявил снегирь.

– Ой-ой-ой! У тебя самого-то неправильный прикус, – съязвил кот.

Феликс заорал:

– Всех выгоню, всех нарисую на компьютере, все давно так делают, один я вожусь с этой фауной, всех вас в Красную книгу!!

– Съёмка в вашем фильме – прямой путь в Красную книгу, – снегирь знал себе цену и ни одним пером ради искусства жертвовать не хотел.

Глеб предложил Феликсу:

– Да отстань ты от него, потом смонтируем.

– Ладно, а где воробей?

Воробей сидел на камере и с интересом наблюдал за происходящим.

– Почему он еще не загримирован?! Ляля!!!

Воробья гримировали два часа: приклеивали дополнительные перья, меняли форму клюва и красили. Он взмок, ему показалось, что самое страшное это – не кот, а грим. Кот сидел рядом и спрашивал гримершу:

– А эти краски пищевые? С ними можно есть воробьев?

Гримерша, смешливая конопатая тетенька, хохотала и показывала коту разноцветный кулак. Появился снегирь и брезгливо посмотрел на воробья:

– Пугало. Это на меня совсем не похоже, безобразие.

– Конечно, не похоже, ты – глупый и трусливый, – кот оскалил зубы и застучал ими, имитируя пулеметную очередь. Снегирь улетел.

Воробей посмотрел на себя в зеркало и сам себе ужасно понравился. Он был честной птицей и понимал, что снегيري гораздо красивее воробьев. Он спросил кота:

– Как я тебе?

– Съедобно, – сказал кот.

– Ты все время как-то так шутишь... У меня с чувством юмора, конечно, все в порядке, но ты постоянно намекаешь, что меня можно съесть.

– Ты че, ты че?! Обиделся? Извини. Да ты не бойся. Во-первых, друзей не едят, тут вокруг столько всяких летает, кого можно съесть. А во-вторых, сметана – это СМЕТАНА!

– Мотор! Камера!

Первый дубль не удался. Все-таки сработал инстинкт самосохранения. Воробей за долю секунды до того, как его должен был схватить кот, взлетел, а кот упал один в кучу снега. Феликс

сказал Ляле:

– Сметаны налить, семечек не давать.

Воробей вернулся на ветку и попросил:

– Дайте коту побольше сметаны.

Сметаны добавили. Кот обрадовался:

– Спасибо, друг!!!

Потом сделали пять нормальных дублей, когда кот с воробьем в лапах падал с ветки. Феликса все что-то не устраивало, он хотел и шестой дубль, но сметана в кота уже не помещалась. Воробей семечки оставлял на потом, а кот перед сметаной был бессилен устоять. И кот честно и грустно сказал:

– Я больше не могу.

Сочетание грустного голоса и счастливой морды было потрясающим.

– А кто же будет есть литр сметаны?

Кот икнул:

– Я, но потом.

Все засмеялись, обступили Васек и захлопали в ладоши. Феликс объявил:

– Всем спасибо! Вы оправдали мои надежды. Забегайте, залетайте, может, какие роли подвернутся. Так: кот временно проживает на киностудии, «Вискас» в шкафу, сметана в холодильнике.

Кот жалобно поглядел на Лялю. Ляля показала коту язык, но потом расхохоталась:

– Ладно, возьму этого вымогателя себе.

Феликс продолжил:

– Ну, с новосельем! А тебе, воробей, куда семечки доставить, ты же три килограмма не унесешь?

– А можно поставить мешок к Ляле на балкон?

– Нет проблем, – Ляля взяла мешок в левую руку, правой сгребла кота, – только бегемота мне на следующей картине не предлагать.

– А сметана?!!

Вопль кота растворился в хохоте. Но Глеб сбегал и принес желтый тазик, в котором мыли кота. В тазик сложили семечки, поставили сметану, кот свернулся калачом вокруг банки, а воро-

бей сел на крышку.

Вечером воробей прилетел на Лялин балкон проверить наличие семечек. Увидев мешок с семечками, он радостно зачирикал. Кот услышал, подбежал к окну, увидел воробья, вылез через форточку на балкон:

– Привет!

– Привет! Ну, что, буржуй, устроился?

– А то... Мне уже столько всего купили, даже кровать. Да, да, специальная кровать для кота.

– Да. Специальную кровать для воробья никто не купит, ее даже не изобрели.

– Ну, на конструктора я не учился, но о проблеме твоей кровати я подумал.

– Ты подумал обо мне?!

Кот вытащил из коробки, стоящей в конце балкона, старый валенок:

– Смотри – это даже не кровать, а целый дом. В нем и зимой можно жить.

Воробей залез в валенок. Кот засунул морду в валенок и заявил:

– Попался!!!

– Попался, попался, – воробей уже перестал обижаться на шуточки кота.

Разве на друзей обижаются, особенно на тех, которые о тебе заботятся?

Воробей вылез из валенка, сел рядом с котом, прислонился к теплему кошачьему боку:

– Слушай, ты такой добрый, такой заботливый. Мне с тобой рядом не страшно и интересно. Но есть у меня один вопрос... Боюсь, обидишься.

– Постараюсь не обидеться. Валяй.

– Мама говорила, что ты однажды чуть ее не съел. Правда?!!

– Правда. Молодой был, глупый, голодный. И воспитание было соответствующее. Моя мама учила – лови, ешь, но ты поверь, я никого ни разу не съел. Я не охотник, я – артист. Я на задних лапах стоять умею, ходить, правда, не получается – на

бок заваливаюсь. А стоял хорошо, меня даже люди кормили за это. Но это, ты сам понимаешь, далеко от искусства, это – попрошайничество.

– Я так рад, что ты никого не съел.

– Сейчас сам радуюсь. Артистам дурная слава ни к чему.

Кот и воробей долго сидели рядом. А когда солнце стало исчезать за горизонтом, раздался голос Ляли:

– Васька, ты куда делся?!

Кот потянулся и гордо сказал: Мне пора, – и залез через форточку в квартиру.

Воробей залез в валенок и, засыпая, прочирикал:

– Говорят, кот гуляет сам по себе. Может быть, и гуляет... Но самое свободолюбивое существо – это воробей.

Арбан хоёр жэл

ХУЛГАНА

Арбан хоёр жэл
дахуулан ерэдэг
Амитанда хорогүй
Хулгана гэнэн жэл.

Двенадцать годов
за собою ведёт,
Все тропы разведав,
Мышиный год.

ҮХЭР

Багжагар хүжүүн,
тамиртай, жүдхүү,
Баранда туһатай
Үхэр гэнэн жэл.

За ним, поднимая
крутые снега,
Шагает уверенно
год Быка.

БАРАС

Гараараа ногтолон
барихын аргагүй
Габшагай шуумар
Барас гэнэн жэл.

А там уже третий
неслышно крадётся,
Он исстари годом
Тигровым зовется.

ТУУЛАЙ

Дэбхэрэн холо
харайдаг зантай
Дэрбэгэр шэхэтэй
Туулай гэнэн жэл.

Четвертый – недаром
повсюду считается
Любимцем детишек –
это год Зайца.

ЛҮҮ

Ерэн алда абарга бээтэй
Ербэ дүү сахилгаата
Луу гэнэн жэл.

Среди звездопадов,
с высот небосклона,
На землю спускается
год Дракона.

МОГОЙ

Жалгын ногоое
хүдэлгэнгүйгөөр
Заларан мülхидэг
Могой гэхэн жэл.

Шестым же,
сверяя подсчеты свои,
Заносим мы в численник
год Змеи.

МОРИН

Инсагаалхан
Уярма дуутай
Илалтын хүлдэ
Морин гэхэн жэл.

Дождинками,
словно уздечкой звеня,
Над степью проносятся
год Коня.

ХОНИН

Манайнгаа нюдые
Баясуулан бэлшэдэг
Маарахань зөөлэн
Хонин гэхэн жэл.

Восьмым по порядку
неспешно идет
Степенный и тихий
Овечий год.

БИШЭН

Нарата халуун
орондо нютагтай
Намаагаар дамжадаг
Бишэн гэхэн жэл.
Лишь вспомним его –
и представим лианы,
Поскольку девятый –
год Обезьяны.

ТАХЯА

Олондо магтуулан
Үндэгэ асардаг
Орооно тэжээлтэй
Тахяа гэхэн жэл.

А в следующем –
хлопочет, крутится
Хозяйкой радушной –
год Курицы.

НОХОЙ

Сагаан ханаата
 эзэндээ дуратай
Сахариг хүүлтэй
 Нохой гэнэн жэл.

Вдогонку несётся, как всадник
 в атаке,
Весёлый, задиристый
 год Собаки.

ГАХАЙ

Таба сагаандал
 шантагар хоншоортой
Тарган монсогор
 Гахай гэнэн жэл.

Рассвет приближается,
 меркнет Луна...
Двенадцатым значится
 год Кабана.

Нугаһан

Мэнгэри үүлээр хушагдажа, бүрхэг үдэрнүүд түргэ түргэн дайралдана. Саһан бургажа, газаршые сайраад абана. Октябрь гаража, хүйтэнэй аминай унахадань, тиигээ юм бэшэ аал даа. Халтад гэхэдээ, шэхэн даарахаяа һанана, илангаяа үглөөгүүр эртэ, хургуулидаа ошохо үеэр. Намар, намар, намарай һүүл!

Дүрбэдэхи класста һуралсадаг Борис хүбүүн хэшээлэйнгээ тараһанай һүүлээр, зарим сэлмэг, сэгээхэн үдэрнүүдтэ, тиймэ холуур бэшэшье һаа, тээ тэндэхи Хара-Шугы гэгдэдэг бургаһатай, хуһатай, хаа-яахан нарһатайшые, шэнэһэтэйшые зурам соогуур ябадаг, сэнгэдэг зантайхан юм. Байгаалин байдал һонирхожо, сэбэр агаараар амилжа ябаха гээшэмнай сэнгүүл байдаг даа! Энэ зурамай тэгэндэ нэгэ Сагаан Татуур гэжэ нэрлэгдэдэг сэбэр уһатай жаахан нуур байдаг юм. Худан голой багахан хоолойгоор холбоотой дээрэһээ, уһаниинь бүришые арюухан байдаг.

Нэгэтэ Октябриин хорёодоор Бориснай тэрэ зурам руу алхалан, нуурай хажууда ошобо. Харан гэхээн, нуур хүрэхэн хэбэртэй, саһан сайран, сагаан дэбисхэр татажархиһан шэнги харагдаба. Нуур дээрэ нэгэ шаб шарахан амитан хүдэлнэ. Обёорон хараха-

дань, тэрэнх мүлхинэ, маряана, хунан унжына. Мэхэшэ, хулгайша арьяатан ха даа. «Үнэгэн...» гээд Борисай ханаанда ороод орхино. «Муу золиг, юу маряагаа, загаа гү?» гэжэ бодохо зуураа, шанга гэгшээр хашхараад, барижа ябаһан улаан боролжо хабааханаа дээрэ үргэн, ямар нэгэн дайнай түргэн бушуу довтолгодо ороһон шэнгээр, Бориснай эбдүүсэн харайшаба. Мэхэтэй үнэгэн мэнэ унжагад гэнээр, хажуу тээшээ харайн, жуунага жуунага хүрөөд, далда орошобо. Үнэгэнэй юу маряаһыень, ямар тодхор шэрэхээс байһыень Борис мэдэжэрхибэ: нуур мүлһэтэн хүрэжэ байбашье, тэгэндэнь нэгэ бухалай хууриин тухай газарта хүрэжэ үрдеэгүй аад, соорхойтон мэлмэржэ байба. Борисай гэнтэ харан гэнээнх, тэрээхэн уһан соонь нэгэ далаа хабшаһан борсогорхон шубуун хуужа байба. Үрзэгэрхэн, даарашаһан, зобошоһон нугаһан хайратай гээшэнь! Юу хайн айһан, зобоһон байхаб даа. «Ээ даа, иимэ юумэ байгаа юм бы. Эжэлһээ гээгдэжэ, төөришэһэн амитан. Ниидэхээс, арилхаяа яагаа юм. Нэгэл шалтагаанһаа иигэжэ эндэ зобожо үлөө юм бэшаал даа, амин хайра. Амитанай, жэгүүртэнэй үрэ, хөөрхы. Тэрэ мэхэшэ, мяхаша арьяатанай аманда орохонь ха юм. Яагаа бэрхэ ерээбиб. Амииень абарха, туһалха, тэжээхэ...» — гэнэн хайхан ханал Борисай сэдхэлдэ түрэнэ...

Үбэл үнгэржэ, хабарай дулаахан саг ерээд, зунай зулгы үе ерэхэнь. Цыденов Борис дүрбэдэхиеэ хайнаар дүүргэжэ, табадахи класста орохонь лабтай болонхой. Түхэреэхэн жаахан хорёо соохи томо модон онгосотой уһан соо үнгэ хайхан дорюун нугаһан оймोजо, тамаржа ябаха юм. Өөртөө хадаа ехэл жаргажа ябана ёһотой даа. Хүнүүд ехэтэ һонирхоно. Тиихэдэнь Борис хөөрөжэ үгэнэ:

— Энээхэн жэгүүртэ амитаниие хүрэжэ байһан нуур сооһоо нёдондо гаргажа, гэртээ асараад, тэжээгээ хүм. Далиа буудууһан байгаа һэн. Эжы, абамни зүбшөөгөө, хайхашаагаа һэн даа. Дулааншаг байхадань, балгаан соо байлгааб. Үбэлэй түлэг хүйтэндэ кухни соогоо оруулааб. Ветеринарта үзүүлжэ аргалуулааб. Мүнөө эндэ гаргаад байлганаб. Уһатай болоходоо, ехээр жаргаха юм, ехэ түргэнөөр хайжаршоо. Иигэжэ үбэлые амиды үнгэргэбэл даа. Саашадаа яаха юм, мэдэнэгүйб.

Уһанай шубуудай уул нютагаа бусажа, хойшоо, хэрюун газар руу субахадань, Борисаймнай нугаһан нэгэл хэр-мэр боложо, байрадаа тогтожо ядадаг болоо һэн. Нэгэтэ агаарта дэгдэжэ, хотон дээгүүрээ хоёр нэгэ эрьен ниидээд, хойшоо түрэл хүрэг шубуудайнгаа хойноһоо шуумайшоо һэн. Зүгөөр дахин намар болоходонь, нэгэ томо хайхан һоно нугаһан Цыденовтэнэй бууса руу хэдэн дахин ниидэжэ ерээд, арайл һуунгүй бусадаг байгаа гэлсэһэн юм. Байгаалиин жама ёһон хүнэй хайн хайхые мартадаггүй байжа болоо...

Шандаган бүртэд хоёр

Булад Дархинтын найман жэлэй хургуулиин дүрбэдэхи класста хуралсадаг. Сүлөөтэй сагтаа ходол хээгүүр ябадаг, ой бургааһан соогуур зайдаг һэн. Хургуулиингаа байгаалиин буланда табихын тула элдэб хорхой, шумуул, үнгэ бүриин үбһэ ногоо, сэсэг набша суглуулжа асардаг байба. Энээхэн арбан нэгэтэй хүбүүнэй иимэ үүсхэлтэ хэрэгыг хургуулиинхидынь ехээр хайшаадаг байгаа.

«Ерээдүйдэ эрдэмтэн болохо даа», — гэлсэдэг бэлэй.

Нэгэтэ Булад иимэ хүрхэй шанга ушар байдалтай дайралдашаба.

...Шандаган гээшэ ямар хөөрхэн амитан гээшэб даа! Хүбэн сагаахан үһэтэй, хоёр ута дэрэгэрхэн шэхэтэй. Хэндэшыг хоро хэдэггүй, айһандаа, хөөрхы, гансал огсого-сүгсэгэ харайн ябаха.

Нэгэтэ Буладай бургааһанай захаар намарай намжаахан байгаалие хайхашаажэ ябахадань, тээ саанань нэгэ борсогорхон сагаан шандаган хобхо хүрэн гүйжэ, саашаа хондого-һондого харайшаба.

Энэ үедэнь нэгэ томо юумын һүүдэр Буладай дээгүүр элээд үнгэршэбэ. «Энэ юун гээшэб? Самолёдой һүүдэр гээшэ гү,

юундэ теэд дүнгинэнэгүйб», — гэжэ бодоод, Буладай өөдөө харан гэхэдэнь, нэгэ аймшагтай томо байсын бүргэд тэрэ шандаганай хойноһоо элин ниидэжэ ябаба.

«Набардахань. Барихань. Бажуухань. Удара татахань. Эдихэнь. Ямар муухай арьяатан гээшэб! Шандаганһаа байха гүрөөһэ баридаг юм гэгшэ. Энээхэн хөөрхэн амитаниие ябашье энэ муу ёлодо барюулхагүй, абарха хэрэгтэй байна», — гэжэ ханаандаа оруулаад, Булад нэгэ саб гэмэ шиидам модо абажа, тэдэнэй хойноһоо бии шадалаараа гүйшэбэ.

Гүйжэ ябахадаа, игсуу амитанайнгаа забһараар иигэжэ бодоно: «Бүргэд—дайсан, сохом дайсан шубуун. Иимэ хорхойдо хорогүй хөөрхэн шандагые алан бажуухань. Аршалха, заатагүй аршалха хэрэгтэй! Үрдихэ гээшэ гүб, али үгы гү? Үтэр, үтэр!» — гэжэ бүри түргэнөөр харайшаба.

Тэндэхэнэ, бургаһан соо, нэгэ соорхой харагдаба. Тэрэнэй дундахана шандагамнай өөдөө хараад, дүрбэн хүлөө

шэртэһэдэн хэбтээд орхихонь харагдана. Томо далияа арай шамай хоёр нэгэ дэлин, хоёр һабараа арзайлгаад, бүргэд шан-даган дээрэ һууха тэдысэ болоно. Энэ үедэ Булад хүбүүнэй һөөл шангаар хашхаржа, тэдээн тээшэ зоригтойгоор дүтэл-хынь үедэ, шандаганай дүрбэн хүл һомон шэнги эршэтэйгээр хойшоо жүрэгэд гэжэ, бүргэд оро бодогүй гэдэргээ орбогод гээд мухаришаба.

Буладай хажуудань ерэхэдэ, шандаган борсогод гэжэ хүрэжэ бодоод, бүри солбоноор «дайсан дарагдаа, дааган һүүлдэгдээ» гэхэншүүгээр гүйжэ арилшаба. Тиихэдэнь бүргэдэй бахалуур хүзүүнһээ гэдэһэн хүрэтэрнь улаан таша шуһан шэдэлжэ, арь-яатан абарга шубуунай аминиинь таһалдажа байгаа бэлэй. «Би бүргэдтэй тулалдабагүйб. Шандаган үрдижэрхибэ ха юм»,— гэжэ, энэ забһарта Булад нэгэ баяртайгаар, нэгэ гомдолтойгоор бодоод орхёо һэн.

«Зоригтойгоор тэмсэхэдэ, зоболонгые дабаха, айнгүй-гөөр тулалдахадаа, арьятаниие дараха» гээшэмнай иимэ юм ха юм»,— гэжэ, Булад мүнөөхи шандаганай эрэлхэг тэмсэлһээ үшөө дахин ойлгожо абаа ёһотой.

Дархинтын найман жэлэй һургуулийн байгааалин буланда шандаганай диилэһэн тэрэ бүргэдэй арһан бэе мүнөөшье хүр-тэрөө дарбайжа байдаг.

Баабгай

Бүри үнинэй би нэгэ хүниие һайн таниха байгааб. Тэрэм-ни — Банзар Гулатович Хамеев. Тэрэ намһаа оройдоо нэгэ наһа дүү һэн. Ехэл һайн зантай, һайхан сэдхэлтэй хүн бэлэй. Муу юумэндэ дурагүй, ходол гэрэлтэй гэгээн юумэ хөөрэхэ дуратай агша һэн. «Сэсэн зугаа сэдхэл заһаха, һайн зугаа һанаа заһаха» гэхэн үгэ бии ха юм. Иимэ хүниие «гэдэһэнэйн-гээ хотирхойһоо ондоо ямаршые хотирхойгүй хүн» гэжэ баһа хэлсэдэг. Би Банзар Гулатовичтай түргэ түргэн уулзаха, зугаал-ха, хүхихэ дуратай бэлэйб.

Банзар Гулатович ехэнхи ушарта агнуури тухайл хөөрэдэг хэн. Агнуурийн элдэб «нюусые» намдаа тайлбарилхал даа. Эдэнь һөөл һонин, сэдхэл татамаар байха. Алтан дэлхэй дээрэ агнан ябаха гээшэмнай олон түмэндэ хүсэд мэдэгдээгүй юумые мэдэжэ абаха гэхэн удхатай бшуу. Энээнииё мэдэхэдэ, агнуурийн тусхай ажабайдал, агнуурийн ондоо «юртэмсэ» элирдэг ха юм.

Банзар Хамеев бага наһанһаа хойшо агнуурида дүрэтэй хэн. Удаань ехэшье ангууша болоогүй, юрэдөөл агнуурида дуратай хүн байгаа. Нэгэтэ намтай уулзахадаа, аяар тэрэ табяад оноор агнуурийнь үедэ тохёолдоһон нэгэ хүрхэй һонин ушар хөөрөө хэн.

...Хабар байгаа. Апрельиһи һүүл баг гээшэ хэн ха. Хүршэтээ хамта Улаан-Үдэһөө һамарай пааданха түүхээ Шишкинһээ сааша хүбшэ руу гарабабди. Һамарай пааданха гэжэ һамарай һүүл багаар, үбэлдөө унаһан һамарай борбоосгойнуудыё хэлэдэг юм. Нэгэ зарим жэлдэ элбэг байха, нүгөө заримандань хомор байха.

«Жэл жэлээрээ, жэмэс амтаараа» гэдэг ха юм даа. Хүбшэдэ яба-ха гээшэ, илангаяа хабартаа, ямар гоёб даа! Саһан хайлаад, хуурайл гэхэдэ хуурай байха. Хүл доогуур хүр набша намаан, хатаһан мүшэр, хагдан, алирһанай ябаган эшэ, арзагар шэнгээрһэн дүүрэн. Шаршаганаха, һаршаганаха гээшэнь бүри аргагүй. Хүбшын сэбэр агаар ямаршыё нангин унданһаа үлүү ха юм.

Арбаад гаран мэшээг һамарай пааданхын борбоосгойнуудыё түүжэ, тэрэнээ сохин һагшаад, бусаха һанаатай байгаабди. Нүхэрни гэнтэ намдаа хандажа:

— Ангуушан хүн ха юмта. Иимэ һайн, ялагар буутайт. Энээ-гээртнай буудажа ханалгүй. Нэгэ бата ябаад, хараашалаад ерэхээ яагаабта, — гэбэл даа.

Гэнтэ ойлгоһон шэнги, өөрөөшыё сэхэлдишэбэб.

Баруун хойшоо алхалбаб. Яба ябаһаар, урагшаа Ивалга руу ороһон нэгэ хүндын эхиндэ хүрэбэб. Тэрэ хүндыгөөр доошоо буужа ябабаб. Иишэ тиишээ хараашалнаб. Ан амитанаар жүрөөдэжэ, шуһан шуналтай болоод ябана хаб...

Гэнтэ мэдэн гэхэдээ, нилээд эсэшэһэн байбаб. Харан гэхээм, нэгэ унашаһан бүдүүн нарһан хүндэлэн хэбтэбэ. Тэрээн дээрээ һандайлжа һуугаад, тамхияа гаргажа татабаб. Хулһандал адли үндэр ойн һогообори хагданай хүдэлхыё гэнтэ харажархибаб. Харан гэхээм нэгэ томо хара бүдүүн баабгай толгойгоо хоёр тээшэнь зайлан, зантага-зунтага гүүлэжэ, һогообори хагдыё иишэ тиишэнь иран ябахадал гэбэ.

Тамхимни аманһаам өөрөө унашаба. Нюргаарни хүйтэ даа-шаба. Хоёр аматынгаа жэжэ шабатай һомо абажа, томо һомоор һэлгэхэ гэхэдээ, гарни дадаганаан шэшэрээд, бүри ядалдабаб. «Иихэдээ яажа байна гээшэбиб. Иимэ өөдэгүй, аймхай хүн байба гүб» гэжэ бодоод, бээе бариха гэжэ оролдоноб.

Юумэ унхидахадал гэхэншүүгээр иишэ тиишээ һарнаг һарнаг гээд, баабгай нам руу сэхэ ябаба. Дүтэлжэл, дүтэлжэл ябана ха. Толгой доогуурнь баряад, сээжэ зүрхыень шагаһан шэнги боложо, һуумга зандаа гар дээрэһээ буудажархибаб. Буугайнгаа гэдэргээ сохин ёборходонь, баабгайгаа хараха забгүйгөөр гэдэргээ оро бодогүй орондоглошобоб. Мэгдэһэн гээшэм бүри яаха аргагүй. Иигэжэ байтарни, нэгэ дала далбагар юумэ дээрэмни

унашаба. Нөөхи баабгайм гэжэ ханаад, бүри ухаа алдабаб. Тэрэмни талаан болоходоо, үмхи модоной далбагар холтоһон байба. Мэдээтэй мэдээгүй юумэ газарһаа бодожо, баабгайгаа харахадам, тэрэм баһал унаад, оглогонон бодожо байба. Тиигээд лэ наашаа, нам тээшэ ерэбэ. Нүгөө һомоороо хүсэд шагаахашье забгүй буудабаб. Тэрэм баһал мухарин алдаад, хүрөөтэй муухайгаар хашхарба. Минии үһэн үрзэгэд гэжэ, сээжэм дэлбэршэн алдаба. Хойто хоёр хүл дээрээ бодоод, баабгаймни найгаргаһаар, хэлтэс-ялтас гэнээр бүри дүтэлжэл ябаба.

Энэ үедэ һалганаһан гараараа буугаа һомолбоб. Харан гэнээм үнөөхимни хорёод алхын газарта манхалзажа ябаба. Үргэн доогуурнь шэглүүлээд, амин хоолойень шадал соогоо шагаажа ерээд, хүрөөтэй шангаар нарьюулжархибаб. Баабгаймни амьяа абажа ядан, найган ганхаад, хэршэгэ-харшага гэнээр мухарташаба. Толгойень шагаан, үшөө нэгэ ябуулжархибаб. Нэгэ бага гол ороод, мантан толгойень үшөө хоёр удаа буудабаб. Айһандаал иигэжэ байгаа ха юмбиб. Баабгай одоол һалаба ха. Хара буухаар даа, томо тураг амитан ха юм. Харин хоёр гарни шэшэрһэн зандаал байгаа һэн. «Үхэжэ ангуушан боло, баабгайш үхөө ха юм. Һалтанаха, шэшэрхэээ болихоор болоо гүбэ, аймхай һайхасаан» гэжэ бэээ зэмэлнэб. Гэнтэ хүлэйнгөө үбдэһые ойлгожорхибоб. Доошоо хараһам — улаан түймэр шуһан. Юуниинь шархатуулаа гээшэб? Буудaa сохюулжа унахадаа, хатаһан гэшүүһэндэ хүлөө ехээр адаһан байбаб. Айһандаа хүлөө адааб гэжэ мэдээгүй байгаа ха юмбиб. Тэрээнээ боохо гэхэдэм, гарни үшөөл дадаганахадал гэхэ юм. Долоо сохимоор! Нилээд удаан һуужа, бэээ номгоруулаад, шархаяа боогоо һэм. Ехын ангуушан бэшэ хүн ехэ антай дайралдахадаа, зосооһоо айдаг юм гээшэ ха...

Хабарай тэрэ агнуури тухай нүхэрни иигэжэл хөөрөө бэлэй.

Хөөрэхэ үдэнь «ангуушанай жаргал» гээшэ тиимэ бэлээр олдодоггүй байна даа гэжэ сэдхэжэ һуугаа һэм...

ЭЖЫДЭЭ ДУРАТАЙБ

Эжыдээ дуратайб,
Эжыдээ баяртайб.
Эжыдээ зорюулан,
Дуугаа дууланам:

Эжы — минии наран.
Эжы — минии дэлхэй,
Эжым намдаа урин,
Эжым намдаа мээхэй.

Мамадаа дуратайб,
Мамадаа баяртайб.
Мамадаа зорюулан,
Дуугаа дууланам:

Мама — минии наран,
Мама — минии дэлхэй.
Мама намдаа урин,
Мама намдаа мээхэй.

Баабайн МОРИН

Үбгэн баабайм моритой,
Үндэр хара моритой,
Мориндоо угаа дуратайл,
Мориндонь бишье дуратайб.

Үдэр бүри баабаймни
Үнэ нооныень хярмадаг,
Нүүл хамбайень боожорхёод,
Нөөлхэн гоёогоод гүйлгэдэг.

Энээхэн моринойнгоо үбдөөл наа,
Эмшэндэ гүйжэ ошодоггүй,
Өөрөө шуһыень ханадаг,
Өөрөө аргалжа шададаг.

Үбгэн баабаймни-моритой,
Үндэр хара моритой.
Мордожо голдо ошоод лэ,
Мориинь уһалха дуратайб.

ЭЖЫМНИ ГАМТАЙХАН

Эжихэм нюдэндөө галтайхан,
Эжихэм намхандаа дуратайхан.
Эжихэм намхандаа хайратайхан,
Эжихэм намхандаа гамтайхан.

Эжихэм фермынгээ хаалишан,
Эжихэм ажалдаа бэрхэхэн.
Эжынгээ ажалда туһалхам, —
Эжымни намхандаа гамтайхан!

ЭГЭЭЛ ХАЙН

Энээхэн дэлхэй дээр
Эжихэмни
Эгээл хайн,
Зэмэтэйшье байхадам,
Зэмэлдэггүй намайгаа.

Эжымни хамагнаа хайн,
Эжихэмни
Эгээл зоригтой:
Аюулнаашье, юунһээшье
Абархал намайгаа.

Таабайн орден

Минии таабай ордентой.
Миинхэн орден бэшэ даа.
Дайнда таабайм ябаһан лэ,
Дайда газараа абарһан лэ.

Улаан Одоной орден
Улайдаг таабайн энгэртэ.
Үшөө олохон медаль
Үлхөөтэй юмдэл ялардаг.

Барһани, минии таабайн
Баруун хүлынь дохолон.
Минии таабай ордентой,
Минии таабай — баатар!

ҮЛГЫН ДУУНУУД

Миний зээ хүбүүн Цэрэндэ

1

Мөөмэр-мөөмэр гэхэдээд,
Мөөмөө хүхэн хэбтээл даа —
Мүнсэгэрхэн хүбүүнийнь
Мүндыхэдэжэ байгаал даа.
 Аа-аа, аа-аа-хан,
 Бүүбэй-бүүбэйхэн,
 Бүүбэй-бүүбэй, бүүбэй-бүүбэй,
 Бүүбэй-бүүбэй, бүүбэйхэн!
Мамын хүбүүн эрхэл даа—
Маамаа хүхэн хэбтээл даа.
Манай Цэрэн бэрхэл даа,
Мандайхадажа байгаал даа.
 Аа-аа-аа,аа-аахан,
 Бүүбэй-бүүбэйхэн,
 Бүүбэй-бүүбэй, бүүбэй-бүүбэй,
 Бүүбэй-бүүбэй-бүүбэйхэн!

2

Хүрьһэтэ дэлхэйдээ
Хүбүүн боложо түрөөлши-ээ,
Хүнүүдэй зэргэхэн
Хүмүүн боложо жаргаарай.
 Бааюунай, бүүбэйнэй,
 Бааюунайхан бүүбэйнэй.
Үдэртөө унтаж,
Үлгы соогоо таршалнаш,
Үтэлһэн эжынгээ
Үбдэг дээрэ тэршэлнэш.

Бааюунай, бүүбэйнэй,
Бааюунайхан бүүбэйнэй.
Элдинхэн дэлхэйдээ
Эрэ боложо түрөөлши-ээ,
Энхэ мүнхэ наран дор
Элүүр найхан ябаарай.
Бааюунай, бүүбэйнэй,
Бааюунайхан бүүбэйнэй.
Замби ехэ дэлхэйдээ
Залан ерэжэ түрөөлши-ээ,
Залуухан эжынгээ
Заяан бурхан болоорой.
Бааюунай, бүүбэйнэй,
Бааюунайхан бүүбэйнэй.

3

Хөөрхэн өөрэ бүүбэйхэн
Хөөрэн байнал үүбэйдээ¹
«Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн» —
Бүүбэйлээлди бүүбэйгээ.

Аахан жаахан бүүбэйхэн
Аалин нойрсоо үүбэйдээ.
«Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн», —
Бүүбэйлээлди бүүбэйгээ.

Зүүдэн үүдэ нээхэл даа,
Зүүнһээ үүрнай сайхал даа.
«Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн» —
Бүүбэйлээлди бүүбэйгээ.

Хөөрхэн өөрэ бүүбэйхэн
Хөөрэн нойрсоол үүбэйдээ.
«Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн», —
Бүүбэйлээлди бүүбэйгээ.

1 Үүбэй — баруун буряадууд үлгыг иигэжэ нэрлэдэг

ЭРЕЭН МАРЯАН ДЭБТЭР

Эгэшэм — най-айн басаган
Эрээхэн дэбтэр бэлэглээ.
Үнгын шэрэ, харандааш
Үзүүрлээд, үшөө бэлэглээ.

Тэрээхэн дэбтэртэй болохоор
Тэшэ ядахаяа болишооб.
Тэрмээлжэ оролдон зурааб —
Тэрэмни вертолёт болошоо.

Санатай ахаяа зурааб,
Самолёт дээрэнь зуралсааб.
Үүлэн соогуур самолёт
Үгы болон зуралзаа.

Улаан, ягаан сэсэгүүд
Угаа олоороо ургашоо.
Сэсэн шарахан зүгыхэн
Сэсэгэй дэльбэдэ шургашоо...

Эрөөн-марьяан дэбтэрым
Эжымни үзөөд, баярлаа:
— Зурааша хүбүүтэй болохомни,
Зуражал байгыш аяараа.

БҮМБЭГЭ

Энхэрээд
Эжымнай
Бэлэглээ
Бүмбэгэ.

Бүм-бүм-бүм
Бүмбэгэм.
Бүмбэлзэн
Бүмбэрбэл.

Мүхэреэн
Бүмбэгэм
Мухаряал
Бүмбэрэн.

Дээхэнүүр
Доохонуур
Дэбхэрээ,
Дэндэрээ.

Бүм-бүм-бүм
Бүмбэгэм
Эсээл даа...
Эсээб даа.

Бишыхан баатарай дучун

Эрээн гүрөөһэн, ареаланууд
Энээгүүрнай байнагүйл даа.
Эмээллэжэ мордоходоод лэ,
Эмгэн эжыдээ асархал нэм.

Эрэ түрэхэн урмандаа,
Эсэгын хүбүүн байһандаа,
Аяндаа гарахам гү?
Африка ошохом гү?

Боро гүрөөһэн зоргоороо даа
Боожолуулхаа болинхойл даа.
Болохотой, болохогүйгөөр
Боро гүрөөһэ хюданал даа.

Эрэ түрэхэн урмандаа,
Эсэгын хүбүүн байһандаа,
Аляхан гүрөөһэдөө
Абархаа гарахам гү?

Эрээн гүрөөһэ эмээллэжэ,
Боро гүрөөһэ боожолжо,
Хара гүрөөһэ хазаарлажа,
Хангай дайдаараа ябахал нэм.

Эрэ түрэхэн урмандаа
Эсэгын хүбүүн байһандаа,
Аглагхан байгаалия
Абархаяа мордохом!

Сказки дедушки Данзана

Давным давно росло на опушке леса большое дерево с крупными и сочными плодами, вкус которых нравился всем животным этого леса. Но больше всех любили питаться ими слон, обезьяна, заяц и птица. Слон срывал плоды своим длинным хоботом, обезьяна собирала их, прыгая с ветки на ветку, заяц питался сочными опавшими плодами, а птица, имея крылья, могла летать вокруг дерева и выбирать любой понравившийся ей фрукт.

Шли годы: дерево росло, животные старели. И вот обезьяна уже не может так резво, как в юности, прыгать по ветвям дерева и все чаще питается тем, что находит на земле. Птица тоже не могла летать как прежде, так как поранила крыло, и оно плохо заживало. А слон объел все нижние ветки и, сколько ни тянулся, не мог достать для себя любимых фруктов и был вынужден собирать опавшие плоды. Таким образом, зайцу доставалось все меньше и меньше.

И вот однажды все четверо в одно и то же время подошли к любимому дереву с целью полакомиться. Опавших плодов оказалось мало, и под деревом разгорелась настоящая ссора. Заяц обвинял всех в том, что он и только он со стародавних времен

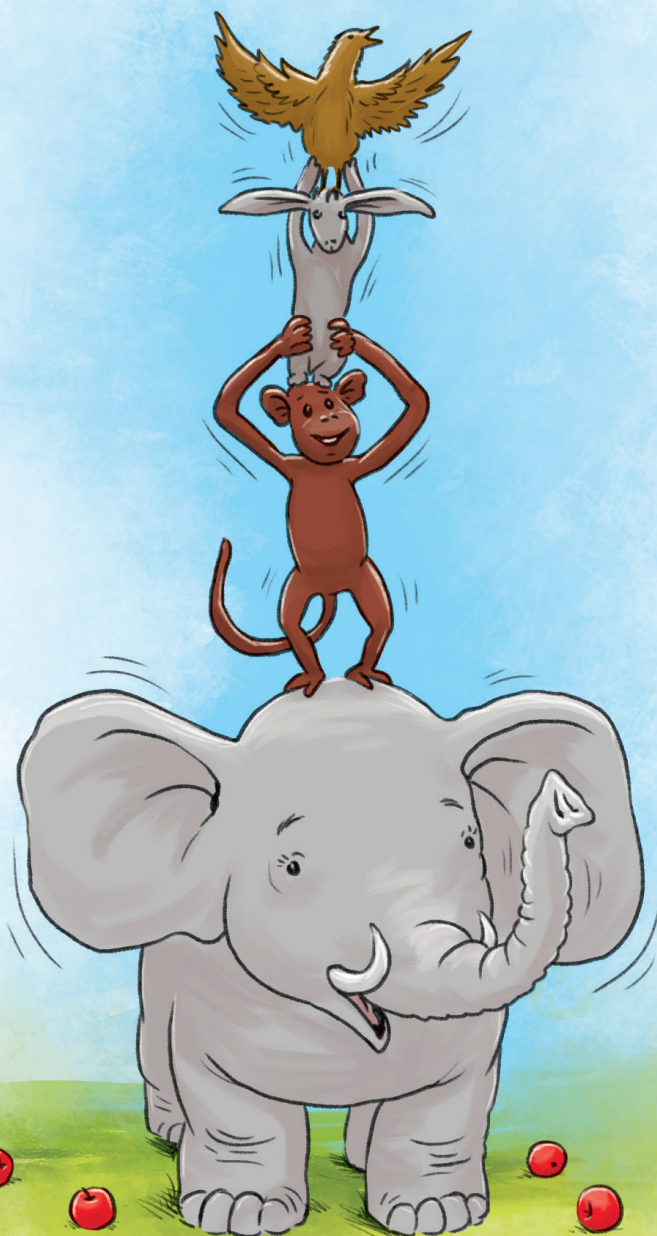
собирает опавшие плоды. На что остальные трое отвечали, что они тоже с незапамятных пор питаются плодами этого дерева.

Долго спорили звери, пока наконец слон не начал рассказывать о том, что он помнит те времена, когда дерево было совсем маленьким и не доставало даже его живота, и он спокойно перешагивал через него. Обезьяна сказала, что она помнит те времена, когда дерево было не выше ее. Последней выступила птица. Она рассказала о том, что давным давно она принесла в своем клюве семя из соседнего леса и посадила его на этом месте. В засуху она приносила воду и поливала деревце. И все вынуждены были согласиться с тем, что она имеет больше всех прав на это дерево. Спор утих.

И тогда птица предложила зверям встать пирамидой друг на друга и нарвать плодов с верхних ветвей. Все звери согласились с этим мудрым решением птицы. Слон посадил себе на спину обезьяну, зайца и птицу, которые, встав друг на друга, образовали пирамиду. Поскольку птица была меньше всех, она встала на зайца последней и начала сбрасывать вниз сочные спелые плоды, которые звери ловили и ели. Таким образом, все насытились.

С тех пор они стали неразлучными друзьями.

Мудрая птица, которая разрешила жаркий спор и нашла выход из сложившейся ситуации, была самым Буддой Шакьямуни в одном из его прежних перерождений. Эта история нашла свое воплощение в рисунке. Считается, что тот дом, где почитается картина «Четверо дружных», или «Тунша», обходят стороной ссоры и скандалы. В доме воцаряются умиротворение и покой.

ГОРХОХОН

Хүл нюсэгэн горхохон
Хүбшэһөө тэрьедэн гүйнэ.
Сэнхир торгон түриигөөр
Шэлбээ сохилон гүйнэ.
Шулуун дээгүүр дэбхэрнэ,
Шуран хурдаар дэбхэрнэ.
Зуһалан ерэхэдээ халуудаад,
Зүүтэй дэгэлээ тайлана.
Хүхэ тэрлиг нэмэрээд,
Хүдөө талаар шурьяна.
Наранда нюргаа сэхэлнэ,
Намаадые дуһалаараа шэдэлнэ.
Сэсэгэй толгой тудаад,
Шэбэр шэбэр энеэнэ,
Үнгэтэ лентэ һубяад,
Үшөөл саашаа харайна.
Хүсэ шадалаар багаханшые наа,
Хүхюун омогынъ ехэхэн лэ.
Хангил тайгын мэндые
Хара далай хүргэхэм гээд,
Нойрсоһон талын шэхэндэ
Нойрыень таһалан шэбэнэнэ.

ҺЭНГЭРТҮЙ алха

Үдэр бүри бодоод лэ,
Үнгын хадааһадай толгой дээрэ
Үтьхэшэжэ, дэбхэшэжэ байдаг,
Булад дээрэ буудаг
Хамаг хадааһадай
Хаан гээшэб гээд,
Дарханай алха
Дан ехээр аашалба.
Хабтагайн хангирса нижаганаба,
Хадааһадай ханхинаса пишаганаба.
Хэмһээ хэтэрһэн алхые
Хэнһээхэ гэбэ дархан:
«Гаргүйгөөр минии
Гансаш хадааһа хадаа нааш,
Хадааһадай хаан гэжэ
Хамаг хадааһадта зарлахаб», — гэбэ.
«Ганса хадааһа хадахаһаа,
Мянган хадааһаа хадахаб», — гээд,
Һэшхэлгүйхэн алхамнай
Һэнгэргүйхэн хэлэбэ.
Гани гай алха
Гансаш хадааһа хадабагүй.
Хүйтэн булад нюурынь
Хүлһэ бушхан хэбтэбэ.

ХҮБҮҮНДЭЭ

Эсэгийнгээ хэлэн заабари
Хадуун дары дүүргээрэй,
хүбүүмни.

Эхынгээ хэлэн эдээ
Халуун дээрэнэ эдээрэй,
хүбүүмни.

Үгээ дуулгаагүй
Эсэгийн гомдол ехэ юм,
хүбүүмни.

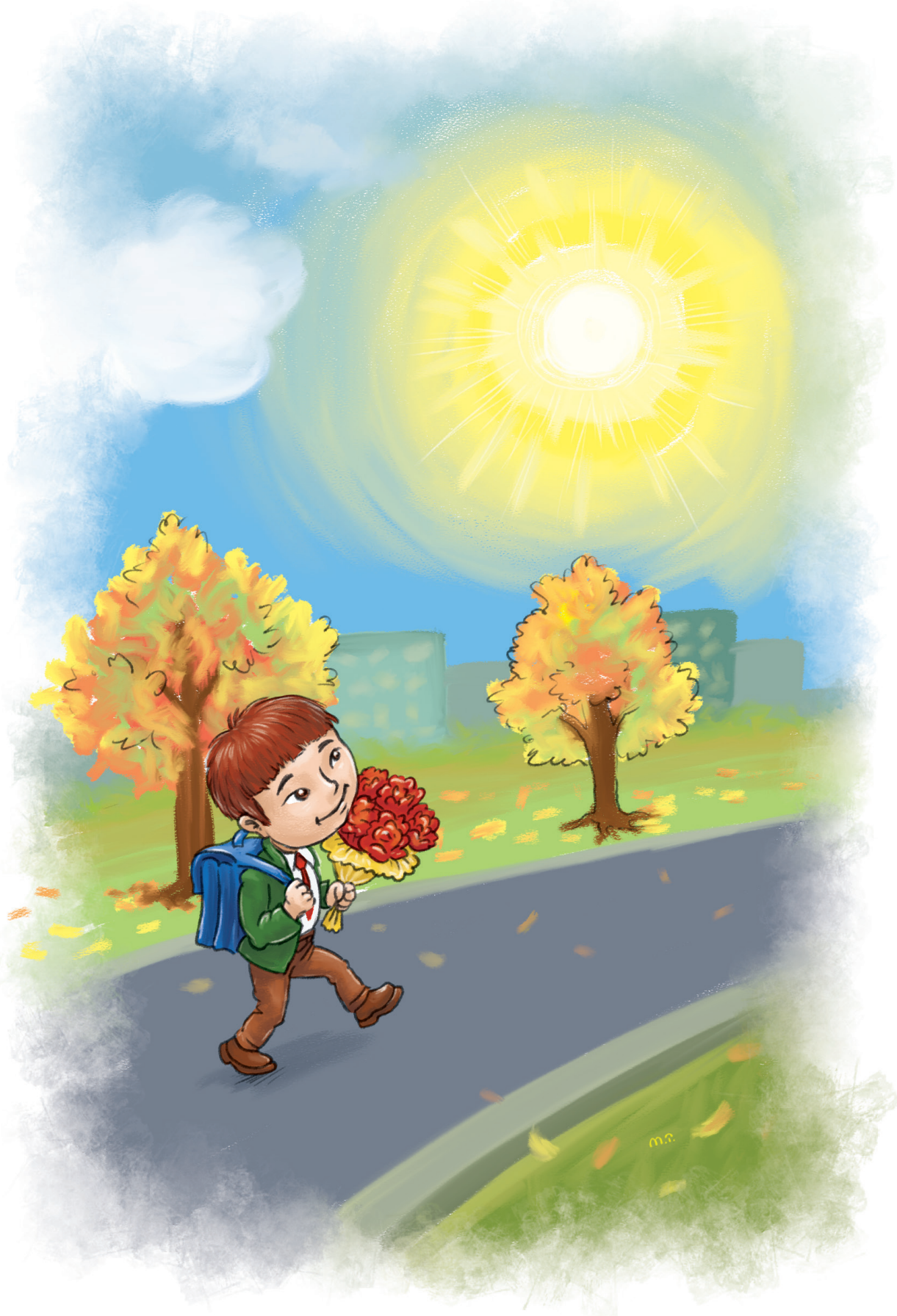
Үриеэ хооллуулаагүй
Эхын голхорол ехэ юм,
хүбүүмни.

* * *

Түмхэтэйхэн нонгино,
Түрүүлэн нуугты столдомнай.
Үнинэй тантай уулзаагүй аад,
Үнэн сэдхэлхээ баяртайбди.
Үдэрэй гурбаш уулзаа наа,
Үгы, хашартай гэхэгүйбди.

Наран ТЭЭШЭ

Аглаг тэнгэрийн
хаяагаа мухарин,
Алтан бүмбэгэ
сонхо сохибо.
Нарабша дээгүүр
сомороор хүмэрин,
Халюурма нуга руу
туяагаар адхарба.
Нажаһан сэсэгүүд
хабархан хүлшөөлдөөд,
Хабтагархан альгануудаа
үргэн сэхэлбэ.
Гэрэлтэ оршомой
Хатан-Наран,
Эхин һурагша,
шамайшые һэреэнэ.
Эмнеэд дээрэш
элшээр энеэнэ.
Тоолоһон наһанш
долоо сохёо.
Тодоһон үдэрэйш
болоо дохео.
Шэхэ, хүзүүнш
сэбэрээр угаанхай.
Сэдьхэлш хүхюун,
нойрш сэлмэнхэй.
Зүүнһээ гараһан
формоо үмдөөд,

Зүүдэндээ хараһан
зүргээ захиалбаш.
Сентябриин нэгэн
шамай хүтэлөөд,
Шэнэхэн гэр уруу
дахуулан гүйбэ.
Хагдархаа байһан
сэсэгүүд хараад,
Харин шамда
атаархан ганханад.
Харижа ябаһан
шубууд хушуураад,
Һанаа алдалдан,
хангил дабанад.
Хадын горхон
хажуугаарш шуралзаад,
Уулаһаа урилдахы
уряалан орёоно:
«Тайга ошоёбди,
тангаршаажа наадаябди.
Бүлхэгэрхэн хэрмэнтэй
борбоосгой бүмбэгэдэебди».
Томоотой ши
тогтожо үгэбэгүйш:
«Тоонууд намай
тоолуулхаа хүлээнэ
Үзэгүүд намай
нэрлүүлхээ үймэнэ.
Соносоно гүш, горхохон,
солбон хонхын дэбхэрхы.
Харана гүш хёрхолон,
хаалга үүдэнэй дэлигдэхы?
Шинии эндээ үлэхэдэ,
би үндэр хэрэлсытэй гэшхүүрээр
Үглөөнэй наран
тээшэ алхалаад,

Наруул сонхотой
класс соо орохом.
Байгаалинаа баян нургуулиа
бараалхахаа орохом.
Бадма сэсэгээр багшаяа
золгохоо орохом.
Гэрэл тээшэ хүлхэмни
гэдэргээ харангүй соёно.
Гэрhээ гараагүй зүрхэмни
түг-түгхэн сохилно.
Ябанаб — Наран тээшэ.
Яаранаб — Наран тээшэ».

ҮЗЭГЛЭЛНИ

Сентябриин нэгэнэй үглөөгүүр
Табадахи намараа хургуулида орохом.
Сэдьхэлни урма баяраар хүлгөөтэй
Танил нүхэдөө, багшанараа харахам.
Шэнэхэн номуудаа сүүмхэдээ хэхэдэм,
Шэдитэ «Үзэглэлни» үлэнэ гэртээ.
Хэшээлдээ хуугаад, бусажа ерэхэдэм,
Хэбтэжэл хэбтэнэ тэрэл хэбээрээ.
Ном гээд лэ номгохоноор соностонон,
Нам үгэ аман соогоо дурданаб.
«Намайе үзэг бэшэгтэ хургажа эхилхэн,
Найдамтай нүхэрни», — гэжэ эльбэнэб.
Хууданан бүхэниинь аалин эльбэжэ,
Сээжэлдэнэн шүлэгүүдээ дахин дабтанаб.
Хуушархан «Үзэглэлэйнгээ» гадарые шэнэлжэ,
Сэндүүхэй дүүдээ бэлэглэхээс бэлдэнэб.

Би мэдэхэб

Гараа угаангүй шэрээдээ
Нуужа нэгэтэш үзөөгүйб.
Газаа гараад шалбааг соо
Гуталаа норгожо гүйгөөгүйб.
Үглөө бүри хүзүүгээ
Угаажа үни нуранхайб.
Муухай хүлтэй орондоо
Унтадаггүйе мэдэнхэйб.
Зөөлэн дулаан унтарияа
Сэбэр байлгаха ёһотойб.
Бээ арюунаар абаал наа,
Элүүр энхэ гэшхэлхэб.

Минии аба

Абамни гэрнүүдые баридаг
Аргагүй найн ажалтай.
Абым бариһан гэрнүүд соо
Айлнууд нуудаг баяртай.
Абадаа адли барилгашан
Абида ахамни болохонь.
Би нургуулияа дүүргээд,
Барилга дээрэ хүдэлхэб.
Үндэр найхан гэрнүүдые
Үдэр бүри барилсахаб.
Набтар гэртэй төөдэйдөө
Дабхар байра үгэхэб.

ҮНЭН ҮГЭ

«Газаагуур гүйхэгүйб», — гэжэ
Галсан хүбүүн хэлэхэн аад,
Үндэр наһатай төөдэйдөө
Үнэн үгээ үгэхэн аад,
Үдэр бүри тоомгүй
Үдэшэ болотор наадана.
Хэшээлэй һүүлээр номоо
Хэрэггүйдэл мартана.

«Гурбые абахагүйб», — гэжэрхёод,
Хоёр гурбаар нэмээгээ.
Амһарта угааха ээлжээндээ
«Хожом», — гээд лэ гүйжэрхёо.
Үнэн үгын сэнгые
Үхибүүн мэдэдэг болоһой даа.
Үнэн үгэээ хододоо
Хүндэлжэ, сэгнэжэ хураһай даа.

ХЭНИИНЬ НҮХЭР БЭ?

Галсан Жалсан хоёртой
Газаагуур ходо наададагби.
Ганса бэшэ, оло удаа
Гасаланда ороод гарадагби.
Хаанаһаашьеб гараад нохой
Хажуудам хүрөөд хусаба.
Һалажа ядан тэрээнһээ
Һахы-һалаг гүйбэб.
Холоһоо хараһан Жалсан
Нохойе намнахаяа шамдаба.
Хойном ябаһан Галсан
Намһаа холодон ошобо.
Болоһон ушарай һүүлээр
Бодожо үзөөб яаралтай.
«Хэниинь ёһото нүхэр бэ,
Хэндэнь этигэжэ ябалтайб?»

ҮЛГЫН ДУУН

Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн,
Дүүхэй минии унтыш даа.
Дулаан болоод газаамнай
Дуудан намайеш байнал даа.
Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэйхэн,
Дүүхэн минии ойлгыш даа.
Бүүхэн намаяа тамалыш даа,
Наадаад түргөөр ерэхэм даа.

ТҮРЭНХЭН ҮДЭР

Эртэ үглөөгүүр эжымни
Элдэб эдээ бэлдэбэ.
Эээзэгэй саахартай холижо,
Эреэн табагтаа табиба.
Шанаһан зөөхэй, хурууд,
Шараһан үндэгэн, бууза,
Хиимэ, загаһан, хартаабха,
Хилээмэн, тоһон зэргэлбэ.
Хүгшэн эжымнай намһаа:
«Хүбүүмни, юу бэлдээбши? — гэжэ
Энеэбхилэн зохидоор асууба.
Эшээжэ ехээр улайлгаба.
Удаань толгойем эльбэжэ,
«Олоор табые асараарай», — гээд
Урдаһаам сэхэ хаража,
Таалаад бэлэг үгөөл даа.

Сагаалганай болохые хүлээнэб

Сагаалганай болоходо баярладагби.
Эгээл дуратай найндарни.
«Сагаалгандаа наһа нэмээш», — гээд
Эжы абам бэлэг үгэдэг.
Үнэн дээрээ энэ үдэр
Үндэр болошоод байгаалби.
Хүрэжэ шададаггүй сонхоороо
Хүхюун багашуулые хараалби.
Үтэр түргэн газашаа гаража,
Үхибүүдтэй наадабаб бушуу.
Бэлэг абаһан шэнэхэн санаяа
Бэлэхэнээр үмдэбэб хүлдөө.
Тулуураа тулаад зогсобошье,
Тогтожо ядабаб хүл дээрээ.
Табадахи алхамаа татабашье,
Тарайһаар унабаб тэрэ дороо.
Дэб байса бодожо,
Дэгэлээ түргэн аршабаб.
Дахинхи Сагаалганай ерэхэдэ,
Далитайдал санаараа гүйлгэхэб.

Һолонго хэды үнгэтэйб?

Томоор үзэгдэбэшье,
Һомоор оногдошогүй,
Һархайжа дүтэшье һаа,
Арайханшые баригдашагүй.
Үзэсхэлэн найхан һолонгын

Үнэн үнгэ хэдыхэн бэ?
Долоон үнгын гэжэ
Дэмы хэншьеб нэрлээ хаш.
Ягаан, ногоон, хүхэ,
Сагаан, улаан, шара
Олон ондоо үнгэ
Толо сасараад хурса.
Далан үнгын гээ хаа,
Далан худалша болохо гүб?
Үнэхөөрөө хэды үнгэтэйб
Үндэр гоё холонго?
Далан гү, долоон гү?

Дахин нэгэшье харюугүй.
Далан үнгын гээл хаа,
Далан худалша гүүлхэм гү?

ЭЖЫН хайндэр

Мартын найманай хайндэр
Манайда хододоо хүхюутэй.
Эжынгээ ажалые энэ үдэр
Ээлжээлэн хэдэгбди эбтэй.
Абамнай дуу дуулажа,
Амтатай эдээ бэлдэдэг.
Жаргал оёороо угааж,
Жамбал амхартаа сэбэрлэдэг.
Тэдээндээ би туһалжа,
Тэсэбэритэйхэн ябадагби.
Хэдыш наадахаа ханаа хаа,
Хэхэ ажалаа дүүргэдэгби.

Саһан

Саһан, саһан, саһан,
Саб сагаахан нааданхай.
Гартаа барихада уһан
Газаа харахада гоёхон.
Саһанай ороходо баяртайб
Санаар, шаргаар наадахаб.
Саб сагаахан хибэсээр
Сараа гарган хийдэхэб.

ХҮГШЭН ЭЖЫ БААБАЙНАРНИ

Хүгшэн эжы баабайнарни, –
Хэлэхэмни сэхыень, –
Дүрбэн юмэл.
Үбгэн баабай,
Хүгшэн эжым –
Минии баабайн
Баабай эжы юмэл.
Аша, ашамнай гэлдэн,
Ухаа алдадаг юмэл.

Нагаса баабай,
Нагаса эжым –
Минии эжын
Баабай эжы юмэл.
Зээ, зээмнай гэлдэн,
Мэдээ табидаг юмэл.

Хайрата ханагдаха
Хүгшэн эжы баабайнарни
Дүрбэн тээһээм хургаад,
Дүрьен дүнгэн байдаг юм.

Хайрата һанагдаха бинь
Хэдтэнь аша гүүлүүлээд,
Хэдтэнь зээ болоходоод,
Хоёр ондоо болоһондолби.

Тиибэшье хоёр бэшэ, нэгэлби,
Түгдэм гэжэ нэрэтэйлби.
Хүгшэн эжы баабайнарай
Нэгэл аша-зээ хүбүүнби.

Һайнай ҮЗЭГЛЭЛ

- А. Аха эгэшэ зондо
Аба эжыдээл ханда.
- Б. Богоһо гэшхээд, алхаад бү бай.
Багаһаа хадуу. Хүлөө гэмтэбэш.
- В. Вандан хэндэшье «ши» гэшоод,
Ваксадал хаб хара болошоо.
- Г. Галдаа муухайе бү оруула,
Галай заяаша бузарлуулха.
- Д. Дуу хододоо гүнгэнэжэ бү ябыш,
Дууһыень жаргалаа гүнгэнэжэрхихэш.
- Е. Ехэ хүнүүдэй урда
Ехээр бэеэ бү магта.
- Ё. Ёһо заншалаа сахибал,
Ёро халдангүй ябахаш.
- Ж. Жааханһаа заншалаа сахибал,
Жаргалаа энээгээрээ тахихаш.
- З. Зэр зэмсэг гэшхэбэ, алхабал,
Зүгөөргүй ехэ нүгэл абахал.
- И. Иигэн тиигэн һураһан аад,
Ирагуу алдарты бү дугташа.

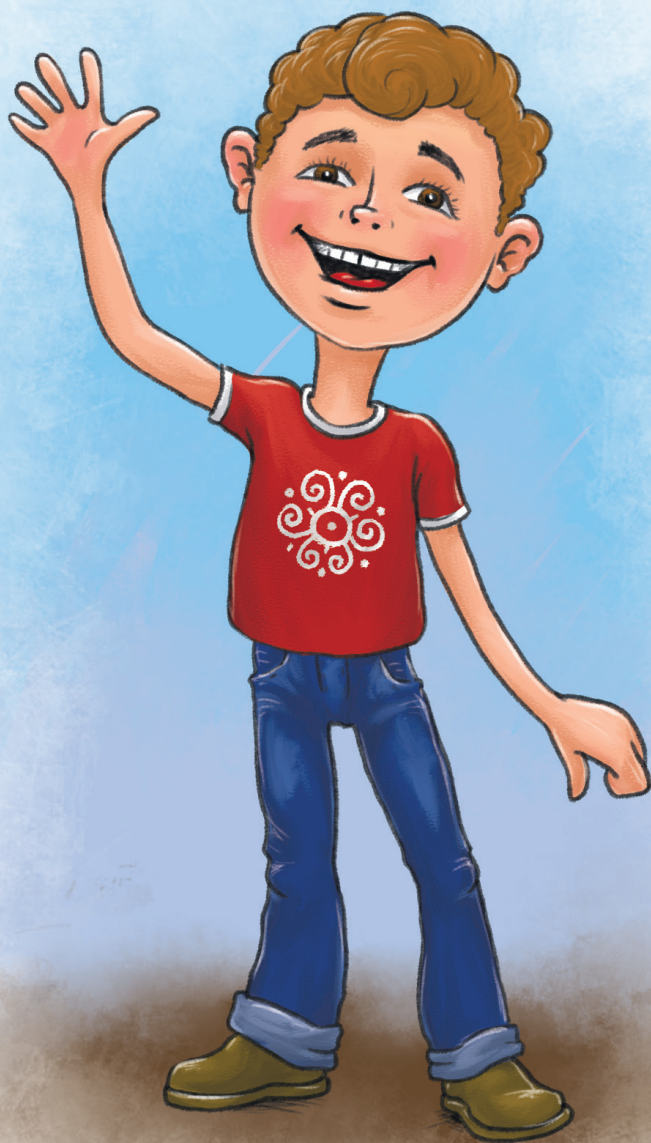
- Й. Богони Й өөрын дүримтэй,
Баһа бишье ёһо журамтайб.
- К. Коля эльгээ тэбэреэд һуугаа.
Коля үбдэхөө зүгнөө гү даа?
- Л. Лама, бурханда мүргэжэ байлтай,
Лай ланшадай зайлахань лабтай.
- М. Мал адууһа бү сохи. Муу.
Малай түлэ таһалдаха бшуу.

- Н. Наһатай зониие хүндэлхэдэ,
Наһан заяан дээрэтэхэ лэ.
- О. Ороходоош, гарахадааш түрүүн
Орог, гараг бүдүүн хүнүүд.
- Өө.Өөртөө туһа хүсэбэл,
өөнтэггүй зондо туһал.
- П. Пааюуртаа орожо хуугай,
Пааяжа бү яба, муухай.
- Р. Радна даруу түбшэн даа,
Радные зон магтадаг даа.
- С. Сэбэрээр шоройгоо хамыш,
Сэбэрхэн нүхэртэй болохош.
- Т. Түлээ оруулаад шангаар хаядаггүй,
Тэрээнһээ галай заяаша сошодог.
- У. Уһанда бузар бү оруула,
Уһанай лусууд хорлохо лэ.
- Ү. Үдэшэ түлээ хахалхада нүгэл,
Үшөө уһашье асархада баһал.
- Ф. Федя хөөрэлдэхэдөө намдуухан,
Футбол наадахадаа шамдуухан.
- Х. Хурса үзүүртэй зэмсэг
Хэндэшье эшээрнь үгэдэг.
- Һ. Һалгай гараараа бү үгэ,
Һарбайһан юумэш бү аба.
- Ц. Цэрэн нюургаа үргэлөөд ябаа,
Цэрма абгайда зэмэлүүлээд болёо.
- Ч. Чингис үүдээ үдхэлөөд абаа,
Чимид ахайһаа тиин «һургаал» абаа.
- Ш. Шаналаа, гашуудаа бэшэ аад,
Шанаагаа бү тула — муу даа..
- Щ. Һүүлтэй Щ буряад ёһогүй аад,
Һүүлдэ тиинһээр һураха бээ даа.
- Ъ. Хатуу тэмдэгэй жэшээгээр
Хэрэгтэйдэ хатуу байхаар.
- Ы. Үгы гэжэ ходо бү хэлыш,
Үгырхөө зүгнөө гүш, мэдыш.

- Б. Зөөлэн тэмдэгтэл адляар
Зөөлөөр зондо хандамаар.
Э. Эрхээд худалаар бү уйлыш,
Эхэ эсэгынгээ үхэл зүгнөөш.
Ю. Юумэ асархан хүнэй амһартые
Юумээр оёорло — найнай тэмдэг.
Я. Ябаһан хүнэй хойноһоо
Яабашье шорой хаядаггүй.

Һайн ҮГЭНҮҮД

Һайн үгэнүүдые хододоо
Хэлэжэ ябаха һайн лэ!
Үглөөгүүр бодоходоо:
«Һайн нойрсобо гүт?»
Унтахын урдахана:
«Һайн унтаарайгты», али
«Һайхан зүүдэ манаарайгты».
Хүнтэй ушархадаа:
«Һайн байна гүт?» Али
«Мэндээ! Амар мэндээ!»
Хүниие үдэшэхэдөө:
«Һайн ябаарайгты», али
«Харгытнай һайхан байг!» –
Гэхэһээ эхилээд
Гэрэлтэй зулгы
Хэды олон, олон
Һайн үгэнүүд бииб даа!
Һайн үгэнүүдые
Дурдан хэлэхээр,
Һайсахан хэлэхэ
Дурам хүрэшэбэ,

Ажал хэжэ байхада:
«Амжалта ерэг!»
Эдеэлжэ байхада:
«Эдеэнтнай элбэгжэг!»
Үнээ наажа байхада:
«Сагаан эдеэн дэлгэрэг!»
Хүйтэнэй үедэ ушарбал:
«Хүйтэн бэшэ гү?»
Халуун үдэр золгобол:
«Халуун бэшэ гү?»
Үреэл тогтооходоо:
«Үреэл болтогой!»
Баяр хүргэхэдөө:
«Баярлааб. найн бэлэйт!»
Хүнтэй хахасахадаа:
«Баяртай! Уулзатараа!» –
Гэхэ мэтэ хэлэһэн, хүсэһэн,
Хэлэжэл, хэлсэжэл баймаар
Найн үгэнүүд яаһан олон бэ даа!
Найн үгэнүүдые
Хэлэжэл ябанаб даа.

Болоһонһоо ама хүрэдэг

Айлда оробол,
Ашыень хүндэлжэ,
Яаражашье ябаа наа,
Ямба хүндыень даажа,
Амар мэндыень хэлсэжэ,
Аяга сайгынь амасажа,
Эдээ бэлдэжэ байгаа наань,
Эдеэнһэнь ама хүрэжэ,

Һанаа сэдхэлынь дүүргэжэ,
Һайн сэнтэй үгэ хэлэжэ,
Гараха ёһон байхал, —
Арадай һайхан заншал!
«Болоһонһоо ама хүрэдэг,
Бууралһаа үгэ дууладаг,» –
Гэһэн арадай үгыг баабайм
Гэршэ болгон хэлэжэ үгөөл.

Үнөөд ба мори́д

Үглөөгүүр эртүүр
Үнөөд бэлшэхээ гараба.
Мори́д урдаһаань
Манаанһаа бусажа ябаба.
— Хайшаабта? — гэлдэн
Үнөөд һонирхобо.
— Хүүгэдэй саад, — гэлдэн
Мори́д харюусаба:
— Хүүгэдые шэрэжэ,
Хүхөөхэмнай үдэртөө.
Мори́д үдэшэлэн
Манаанда гаража ябаба.
Үнөөд урдаһаань
Үүгэнэлдэн бусажа ябаба.
— Хайшаабта? — гэлдэн
Мори́д асууба.
— Хүүгэдэй саад, — гэлдэн
Үнөөд харюусаба:
— Амтан хүмбэйгөө
Абаашажа уулгахамнай!

Багашуулда

Һонорхон ухаатай,
Хёрхохон нюдэтэй,
Жороохон хэлэтэй,
Даруухан абаритай
Мандайжа ябагты!

Түрэнэн эхээс,
Түшэнэн эсэгээс,
Түрэлхэн хэлээс,
Буряадхан заншалаа
Хүндэлжэ ургагты!

ХҮХЮУН ҮГЛӨӨГҮҮР

Жэргэмэл һэрюухэй,
Һэриһээр дэгдүүхэй,
Дэгдэһээр жэргүүхэй,
Жэргэнһээр хүхюухэй!

Жэмбэхэн һэрюухэй,
Һэриһээр шагнуухай,
Жэргэмэл жэргэнхэй,
Жэмбэхэн хүхюухэй!

Жэргэмэл хүхюухэй,
Жэмбэхэн хүхюухэй,
Хоюулан хүхюухэй,
Үглөөгүүр хүхюухэй!

ЖЭЛЭЙ ДҮРБЭН САГ

... Ой соо
Шаршагануур,
Һаршагануур!
Айгаад,
Шандаганай гүйхэдэ,
Шаршаганана,
Һаршаганана
Шара набшаһан!

... Ой соо
Хахигануур,
Шахигануур!
Айгаад,
Шандаганай харайхада,
Хахиганана,
Шахиганана
Сагаан саһан!

... Ой соо
Шолшогонуур,
Шалшагануур!
Гайхаад,
Шандаганай дэбхэрхэдэ,
Шолшогононо,
Шалшаганана
Һайрамай уһан!

... Ой соо
Набтагануур,
Набшагануур!
Ойлгоод,

Шандаганай эдихэдэ,
Набтагашана,
Набшагашана
Ногоон намаа!

ҮЛДЭЭНЭ ГҮРӨӨНЭН

Би хабарайнгаа амаралтада гэртээ ерэбэб. Гэртэхим хониндо хүдэлдэг. Буусань Баян Хара гэжэ хадын зүүн хормойдо түбхинэнхэй. Ой хүрэтэр балай холошье бэшэ. Би үбэлдөө ой хүрэтэр ошоод, шаргаар холжордогби. Гэрэйнгээ газраа хүрэтэр халтиран ерэхэш. Би ой худар ородоггүйб. Шоно ябажа болохо гэжэ түбэгшээдэгби.

Мүнөө хабарай хагсуу эхилэнхэй. Харалган халхитайшье хаань, би газрагуур ябанаб. Хониной хашаа, хорой хунамагууд нарбайна. Би баруун ойгоо шэглээд ябажа ябанаб. Ой ехэ хүрөөтэйгөөр хүүенэ.

Гэнтэ урдаһаамни нэгэ гүрөөһэн ой сооһоо гүйжэ гараба. Тэрэ сэхэ манайхин тээшэ ондого-сондого гэн, тулюураар харайба. Тэрэ намайе харанашьегүй хэбэртэй. Хажуугаарни үнгэрөөд, захын хоройн нээлгэтэй үүдэ руу орошобо. Би тэрэниие хорой соо хаажархиха байна гэжэ һанабаб. Тиин хойноһоонь гүйбэб. Нохоймнайшье яржаганаса хусан гүйбэ. Баабай гараад хорибо. Тэрэнээ дуудажа баряад уяба. Тиигээд гэртээ ороод, дробовиг буугаа абаад гараба. Би баабайдаа гүйжэ ошобоб.

— Энэ буугаар юу буудахатнайб, гүрөөһэ гү? — гэжэ һонирхобоб.

— Тэрэ гүрөөһэн үлдээнэ. Шонодо намнуулжа эсээ. Тиинэн гүрөөһэд туйлдаа хүрэхэдөө, хүнэй байрада гү, али адуулганай малда гүйжэ ерэдэг юм. Тиигэжэ шоноһоо бээе абарха аргаяа бэдэрнэ. Үлдээнэ гүрөөһэ аладаггүй юм. Тэрэнэйш мяхан һабаһаг болошонхой, эдихын аргагүй байдаг юм, — гэсэгээн баабай буугаа һомолбо.

— Теэд юу буудахаяа һанаабта? — гэжэ би гайхабаб. Баабай баруун ой руу буугаа шагаагаад, нэгэ буудажархёод:

— Үлдэжэ ябаһан шоно сошон айжа тонилоо бэээ, — гэжэ гэртээ орохоо даб гэбэ.

— Тэрэ гүрөөһнэ бидэ яахабибди? — гэжэ би хайрладаһаа хүрэн асуубаб.

— Амаража нэгээ ороходоо, өөрөө гаража ошоно ааб даа. Ши тэрээндэ дүтэлжэ бү үргээгээрэй, — гээд баабай гэртээ оробо.

Би гүрөөһэтэй хоройдо дүтэлхээ түбэгшээбэб. Тиин холоһоо гүрөөһые адаглан харанаб. Тэрэ тэндээ хэбтэшоод, байлай гаража ошохо хэбэргүй. Ехээр эсэнхэйл ха. Би тэрэниие һахихаяа залхуураад, гэртээ оробоб. Эдээлбэб. Нэгэ хэды болоод гарабаб. Гүрөөһэн хорой соо үгы байба. Амараад гаража ошоол даа. Би тэрэниие бэшэ шонотой бү дайралдаһай гэжэ шэбшээбэб. Эжынгээ зааһан маани уншабаб: «Ум маа ни бад мэ хум!». Бэшэ шонотой бү дайралдаг!

ВАЛЕНТИНА ДУГАРОВА

Сагаалган

Посмотри над окошком твоим голубым
В темном небе неловко так свесился,
Как стручок молодой,
Как росток неземной

Серпик белого, лунного месяца.
Он еще небольшой,
Он, конечно, малыш.
Он еще, он еще нарождается.
А у нас на просторах
Родной стороны
Новый Год — Сагаалган
Начинается!
Поднимите ресницы,
Раскройте глаза, —
Этот свет может в душу пролиться.
На далекой звезде
Зарождается жизнь —
Новый год в наши двери стучится!

МАНДРИК

Мандрик — горный перевал,
Дивный отдых среди скал.
Долгий Баргузинский тракт
Приведет к нему. Не факт,
Что полюбишь горный склон.
С дальних мест, со всех сторон
На машинах мчит мужчин
Этот строгий серпантин.
Духу местности — поклон,
И эжинам гор.
— Отпустите нам грехи!
Мы побрызгаем архи
И разбросим горсть монет —
Это знание примет.
Тут священное обо
И целебный бьет аршан.
Хадак, как небо голубой,

Для мест святых везли с собой,
На веточку завяжем,
Помолимся и скажем:
— Ум маане падме хум!
— Ум маане падме хум!
Пусть безопасным будет путь!
Чтоб нам с дороги не свернуть!
Восславим горный перевал,
Чтоб невредимым каждый стал!
Чтоб возвратиться всем домой!
Аршан воды возьмем с собой...

Сурхарбан

«Что такое Сурхарбан?» —
Ты меня спросила.
«Это конкурс Красоты,
Молодости, Силы.
Летний праздник, —
Это спорт,
Это угощение!
Лиц веселых хоровод,
Масс столпотворенье».

Кошка Клея

Умывалась долго кошка,
Лапки мокрые лизала,
А потом пушистой лапкой
Щечки, бровки вытирала.

Мы ее назвали Клея
За раскраску и повадки,
За изящную походку,
Да за глазки Клеопатры.

К нам пришла
походкой важной,
осмотрела всех небрежно
и отведала сметанки,
и при том урчала нежно.

Эта дама не простая,
Досконально местность знает!
Здесь давно ее владенья, –
Она лучшая из стаи.

Лесной Хранитель

Я гостила у друзей,
Отдыхала без затей
И общалась шумно слишком
С юной Варей и с Ильюшкой.
Баба Лена, дед Григорий
Всех нас накормили вскоре:
Фрукты,
Позы, суп с блинами, –
Очень вкусно, между нами.
А потом играли в прятки
Я и славные ребятки.
А когда чуть-чуть устали,
Книжки разные достали.
В общем, просто отдыхали,

m.

Акварельки рисовали.
Тишина такая, вдруг –
За окошком: — тук, да тук.
То ли гвозди забивают,
То ли чинят что, не знаю.
Деда Гриша? Баба Лена?
Нет, они сидят степенно.
А соседи далеко.
Мы ж в деревне! Ого-го!
Дятел дом наш разглядел
И из лесу прилетел.
Серый дятел, клюв, как спица,
Так настойчиво стучится.
Когти, как у верхолаза,
Только меньше в много раз.
По доске то вверх скользят —
Щепки в стороны летят!
То опять стремится вниз
Серый цирковой артист.
По доске стучит клюв ловко,
Как отбойный молоток, —
Жалко бедную головку!
Влево, вправо и вокруг, —
Словно станцевал он круг.
Ищет корм. Личинок нет!
Тут леса стоят сто лет.
Тише, дети, не спугните: —
Это сам Лесной хранитель!

Арсалдаан

Урдын урда сагта, уһан ехэ далайн шалбааг байхада, уула үндэр хадануудай болдог байха үедэ Хүйтэнэй эзэн Дулаанай эзэн хоёр хүсэ шадалаа туршалсажа үзэе гэлсэбэха. Хүйтэнэйнэ эзэн:

— Юһэн хоног соо дэлхэйе хүргэжэрхихэб. Тиихэдэм ши хайлуулжа шадахагүйш,— гэбэ. Дулаанайнэ эзэн:

— Найман үдэр соо саһа, мүльһыш хуу хайлуулжа, гүн ехэ уһан далай тогтооход. Тиихэдэм ши халууниие халхалжа шадахагүйш,— гээ һэн. Хүйтэнэй эзэн Дулаанай эзэн хоёр: «Хэмнай боосоогоо шүүнэб, тэрэмнай нүгөөдээ мэдэлдээ абаха» гэлсэбэд.

Хүйтэнэй эзэн юһэн хоног соо юрэ бусын хүйтэниие буулгажа, саһа шуурга, хии бараа хүдэлгэжэ, дэлхэйе сэбдэг болотор хүргэжэрхёод, тэрээгээрээ амба томо буха бүтээжэ табиба.

Дулаанай эзэн өөрынгөө ээлжээндэ найман ехэ нара бүтээжэ, дэлхэйе найман зүгһөөнө найман үдэр соо гал халуун нараар шаруулхадаа, уһан ехэ далай тогтоожорхибо.

Хаана мүльһэн үлөөб гэжэ шалгахадань амба томо бухынь дүрбэн ехэ туруун доро мүльһэн үлэһэн байжа, урда хоёр туруун доухинь — Урда мүльһэн далай боложо, хойто хоёр туруун дорохинь — Хойто мүльһэн далай боложо, мүнөө хүрэтэр мүнхэрөө.

Дулаанай эзэн уурлахандаа тэрэ бухын түхэрээн дүрбэн турууе хаха сабшажархёо һэн ха. Тиигэжэ үхэр аса туруутай болоһон гэлсэдэг.

Тэрэ хоёр ехэ хүсэн тэнсэжэ, жэл сагаа жэгдэхэн хубааж, халуун хүйтэниие ээлжээгээр эзэлдэг болоо. Хүйтэнэй эзэн үбэлэй сагые, Дулаанай эзэн зунай сагые абаа юм һэн ха. Тэрэ гэхэнһээ хойшо үбэлдөө хүйтэн, зундаа дулаан байдаг болоһон домогтой.

Баян

Үни үнгэрһэн сагта, баян барлаг хоёр ажаһуудог байгаа һэн ха. Нэгэтэ үбэл барлаг баянда арбан үдэр ажал хэжэ үгэхөөр мори шаргыень абажа, түлөөндэ ошобо. Түлөө ехээр ашаад, ойһоо бусажа ябатараа, моринойнь тоног таһаршаба. Тэрэнээ залгажа таһаад, галлулхадань оло дахин таһаржа урагшаа ябуулбагүй. Аргаа барагдахандаа жолоогоо абажа моринойнгоо һүүлдэ залгаад, шаргаяа шагтагалан зүдхүүлбэ. Тиигэн гэхээн моринойнь һүүл узуураараа таһаршоо һэн ха. Баян һүүлгүй мориёо харан гэхэдээ, уурлахын ехээр уурлажа:

— Яяр яндан барлаг. Шамайе ноёндэ абаашажа, нюргыш нюлга сохюулхаб,— гэжэ зангад, барлагаа шэрэжэ, һүүлгүй мориёо хүтэлжэ, ноёнойдо ошобо.

— Энэ яяр яндан, үгытэй хооһон барлаг моринойм һүүл таһаалаа, тоног зэмсэгыем таһара удара татаа. Тэрэнэйн түлөө нюргыень нюлга сохёод, арбан жэлдэ ажалыем түлөөһэгүйгөөр хүүлэжэ үгэгты,— гэжэ баян ноёндэ гомдол бариба.

Барлаг ноёной асуудалда харюу үгэжэ байтараа үбэрөө һуулин, нэгэ монсогорхон томо юумэ харуулба ха. «Намда алта гү, али мүнгэ эдилгэ үгэхэ гэжэ байна» гэжэ һанаһан ноёной зосоо бүтүүхэн һэм гэлэй. Абаха эдихэнһээ арсадаггүй ноёной

хомхойрол юугээршые дүүрэдэггүй. Эдилгэшэ ноён: «Энээхэн хүнэй хэрэг сагааруулжа, хүнгэн шиидхэбэри гаргаха» гэжэ бодобо.

— Мориной хүүлэй таһархада, тоног зэмсэгэй удархада барлаг зэмэтэй бэшэ. Оһол болоо хүүлынь ургуулаад эзэндэнь бусаахаар мориёо барлагта үгэхэ. Баян мориной эдихэ тэжээл барлагта үгэжэ байха,— гэхэн шиидхэбэри ноён гаргаба. Баян урмаа хухаран:

— Мориной тэжээл барлагта үгэхэгүйб. Тиигэнхаар мориёо абан абаг саашань,— гэбэ.

Ноён барлагые сүлөө газарта дуудажэ абаашаад:

— Тугаар юу харуулаа һэмши? Тэрэнээ наашань али! — гэбэ.

Барлаг үбэрһөө нэгэ мантагар шулуу гаргажа:

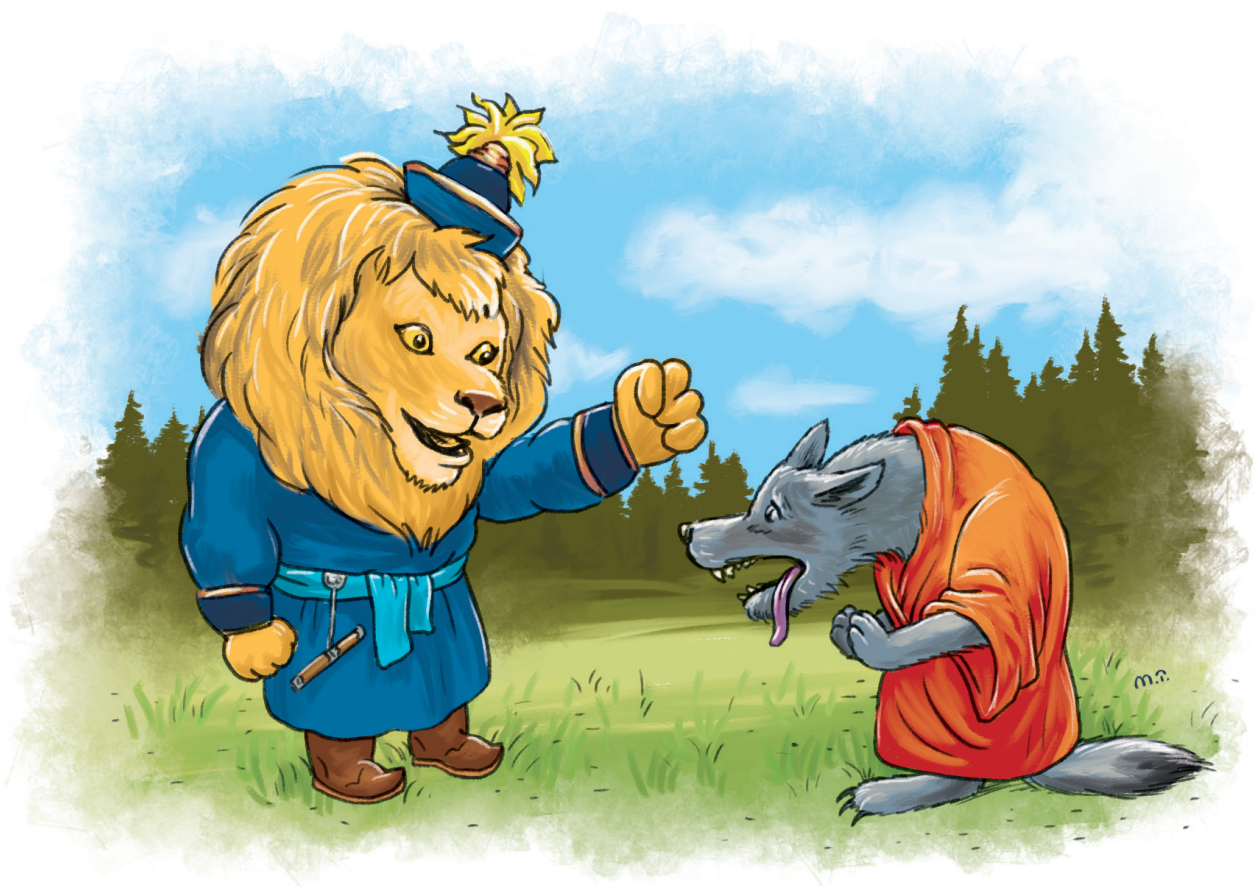
— Муу шиидхэбэри гаргаа һааш, толгойеш бала сохихоб гэжэ энэ шулуу харуулаа һэм,— гээд, ноёной урда гадайн зогсобо.

Ноён эдилгэ абахам гэжэ эндүүрээшые һаа, толгойдоо тодохор татаагүйб гэжэ баярлаа.

Тиигэжэ барлаг хүүлгүйшые һаа, моритой болоһондоо баггүй ехээр баярлаад, гэртээ хариһан гэлсэдэг.

ГЭНДЭНЖАМСА

Урда нэгэ сагта уляһата нэгэ хүндын эхиндэ ангуудай хаан арсалан арһан хэсэ дэлдэжэ, албата ангуудаа суглуулаад, абари муута шонын аяг зан тухайда асуудал зүбшэн хэлсэе гэжэ аман зарлиг буулгаха зуураа: «Хэндэ ямар дурадхал байнаб, хэлэгты!» — гэжэ хэрхирбэ ха. Буга, хандагай, гүрөөһэн, шандаганһаа эхилээд, баран ангууд үгэ хэлэжэ, үхид хүбүүдыемнай барижа эдигэнэйнь, аха дүүнэрыемнай алажа эдигэнэйнь түлөө шуһаша хобдог шонодо шангахан хэнээлтэ үзүүлжэ, ноёо шүдэдынь һолбо сохёод, араан шүдэдынь абажа хаяад, амитан

зоной байдаггүй амяараа түбидэ табижархия гэлдэн, шаг шуу-
яа табилдаба. Эгээл энээхэн үедэ араһаань нэмээхэн маряжа,
ажаглан шагнаһан шоно аюулай ойртоһые ойлгожо, арга мэхэ
хэрэглэн, амияа абарха һанаатай, алад саашаа харайжа ябатараа,
дархи шулуунай хүндыһөө даяанша ламын хүүр оложо, улаан
торгон орхимжны хэдэрээд, обоодой шасар малгайень үмдөөд,
модон тулуур барижа, мааниин эрхи мухарюулһаар ангуудай
ехэ суглаанда орожо, уриханаар энеэбхилэн, нилтагашан, арса-
лан хаанда, ахмад ангуудта амар мэндые айладхаад: «Гээгдэжэ
ерэһэндэм хүлисэгты, ноёд. Гэмээ мэдэрэн гэмшэһэндээ гэгээн
бурхание бараалхажа, һахил хүртэжэ, һахюуһа зүүжэ, Гэндэн-
жамса нэрэ абажа ерэбэб», — гээд, үбсүүгээ сэлижэ, бурханай
дүрэтэй һахюуһа бултайлган харуулба. Тиигээд: «Нүхэд ангууд,
битнай мүнөөдэрһөө хойшо шоодбори муу шоно бэшэб. Бур-
ханай шаби, богдын хубараг, гэлэн санаарта гэбшэ Гэндэнжам-
са болобо гээшэб, шуната амитаниие шулгалхагүй гэһэн шахаа
тангариг үгэнхэйб, үбһэ ногоогоор үл залгажа, үлир жэмэсээр

хоол хэжэ ябахаб»,—гээд, урал амаа аршажа, ута һүүлээ шар-басагаан байхадань, хонгор тэнюун ангууд худалша шонодо этигэжэ, хуурагдан мэхэлэгдэһэниинь тэрэ һэн ха. Тэндэһээ тарахадаал шоно һахилаа абажа, һаднагта уяад, бурханаа абажа бургаһанда үлгөөд, борохон шандага намнажа, боролжын забһараар харайшалай.

Тэрэ саһаа хойшо, худалаа мэдэгдэн, хуурмагаа танигдан, ан гүрөөл, аха дүүнэрэйнгээ дунда этигэл хүндээ буураһан шоод-бори муу шоно ябаһан лэ газартаа үлдэгдэжэ, намнагдажа, алагдажа, хюдагдажа ябадаг болоһон юм гэлэй.

Доёр боро, долоон гуринха

Доёр боро мориной Доргото хүндын эхиндэ бур шабарта унашоод, бодожо ядан хэбтэтэрнь, долоон гуринха шоно дары хажуудань сугларжа:

— Үндэр тэнгэри үршөөбэ гү, өөһэдымнай зол болобо гү, үдэрэй эдишэтэй, хоногой хоолтой болобо ха юмбибди, — гэлдэжэ байтарнь, боро морин үүрһэжэ:

— Хүхэ шоно хүршэнэрни, хүүрээ хэлэхым шагнагты, — гэбэ ха. — Эдихэ залгихын хажуугаар элдэб аюул байдаг юм. Лусууд хааниие улаан шуһаар бузарлабал, одоол аюултай гэлсэдэг. Бур шабарһаа намайе ходор татан гаргажа, хуурай газарта абаашаад, хонон үнжэн эдихэдэтнай хорюултай бэшэл, — гэбэ ха.

Хүгшэн шононь хэрхиржэ:

— Хүбүүд, наашаа, үргэгты. Хүдөө газарта абаашаад, хүхижэ сэнгэжэ эдеэлхэбди, — гэлдэн, долоон гуринха гарюуһад доёр боро мориной дэлһэ һүүлһэнь зулгаалдан, шадал мэдэн татажа, шабар сооһоо гаргажа, хүсэ мэдэн шэрэжэ, хүдөө газарта абаашаба ха. Тиихэ яахын хирэндэ боро морин бодон харайха гэхэдээ, бохёоршоһон байжа:

— Хүхэ шоно хүршэнэрни, — гэжэ хандаба, — бур шабарта булагдажа, боро шулуун болошобоб. Халуун наранда шаража, ха

гуяа гэдхээбэлни, аятай зөөлэхэн мяхыем амтархажа эдихэлта!.

Удамарша шононь улижа:

— Наашаа һуугты, хүбүүдни, наранда гэдэхыень хүлээбди!
— гэлдэн, долоон гуринха гарюуһад доёр борын гэдэхые хүлэ-
эжэ ядан, гииналдан байтарнь, боро морин дулаасажа, бохёо
шалаагаа гарахадаа, һуга харайн бодожо, һуняан байжа шэлгээ-
гээд, урдаһаань аһалдаһан гарюуһадые урда хүлөөрөө сабшажа,
хойноһоонь аһалдаһан гарюуһадые хойто хүлөөрөө үдхэлжэ,
хажууһаань аһалдаашадыень хаб шүүрэн үмхэжэ, долоон гурин-
ха шононуудые дороо хэбтүүлээд, хадын модоной ханхинаса,
хангай дайдын хүнхинэсэ инсагаалан харайжа, эжэл хүрэгтөө
ябашаба гэхэ.

Абга

Абгам жолоошо. Намайгаа
Абаһаар хажуудаа һуулгадаг.
Залхуутай болобош гэжэ
Заримдаа гэнтэл буулгадаг.

Абга машинын оньһые
Абһагаарнь хуу таадаг.
Эбдэрһэн мууданан юумыень
Энэ байна гээд заадаг...

Тон тиигэжэ эмшэн
Тоншоод, шагнаад үзэдэг.
Үбшэ лаблан — танижа,
Үрэтэй эмээ үгэдэг.

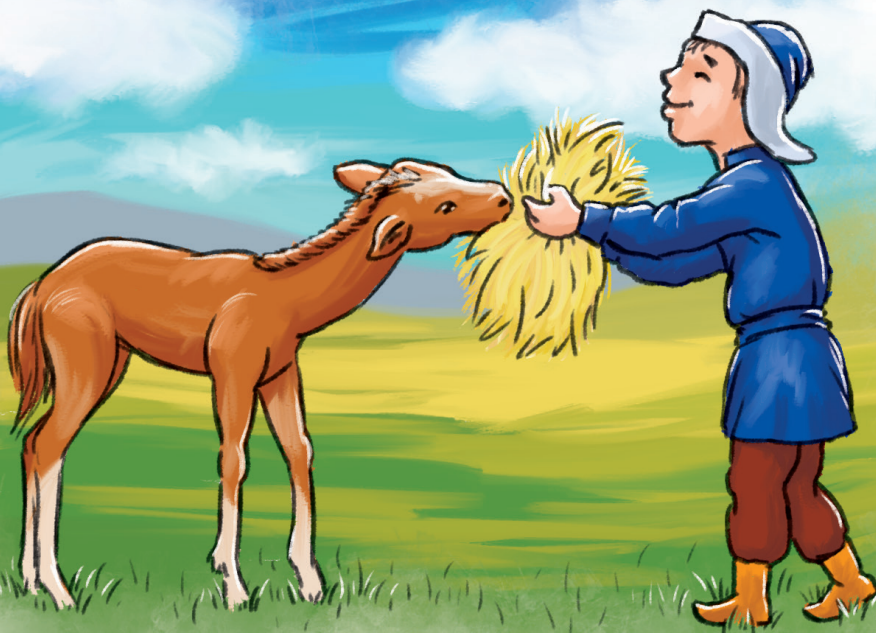
Хартаабха

Улаан шара хартаабха,
Угаа жиирэй хартаабха,—
Үдэр бүриш эдилтэй.
Шанаадш эди шүлэтэйгөөр,

Шараадш эди тохотойгоор,—
Шанар найтай, зохистой.
Хүдөө шоройн хартаабха,
Хүүрхэй монсон хартаабха,—
Хүн бүхэндэ амтатай.
Үшөө өөрөө таряа наа,
Үшөө өөрөө малтаа наа,—
Үшөөш ехэ амтатайл.

ЭЖЭЛ ХОЁР

Гүйгөөшэ хээгшэн хүгшэрөөд,
Гэмтэбэ нэгэтэ ехээр.
Унаганиинь тииһээр үнэшэрөө—
Урин заахан хүрин хээр.

Уйдана хаш даа гансааран,
Уйлаһандал инсагаална.
Иишэ тиишээ баарһан
Эхээ бэдэрэн хараашална.

Адуушанай хүршэ хүбүүхэн
Ардан тэрээнтэй танилсаа:
Үглөөгүүр, хүнһөө түрүүлэн,
Үбһэ, хилээмэ асараа.

Унаган зааха үргөөшье хаа,
Удабашьегүй урдаһаань
Табан хушуун төөнтэйхэн
Толгойгоо дохин ерээ һэн.

Тэжээдэг залуу эзэндээ
Тииһээр унаган эжэлшээ.
Анхарал һайтай Арданай
Альган дээрэ беежээ.

Матархай, үндэр хүзүүниинь
Маряатай бэеынь шэмэглээ.
Нариихан ута хүлнүүдынь
Наартай гоёхон гэлсүүлээ.

Инсагаалханьшье ондоохон —
Энеэн хүхинэ гэлтэй.
Адуун соогоо өөрөхэн —
Арданай һургаал мэдэлтэй...

«Адуунай дундаһаа хүлэг,
Арадай дундаһаа баатар», —
Иигэжэ арад хэлсэдэг,
Эдээндэш энэ хабаатайл.

МҮЛЬHЭН ДЭЭРЭ

Эшхэрэн, дошхорон һалхин
Эшэгы саһа хамана.
Мүльһэн, мүльһэн сагаалхин,
Мүлимэл шэнги яларна.

Конькигаар гүйлгэн ябахаяа
Холхой ехэтэ һанаба.
Конькинъ теэд эмниг хаяа —
Холхойн унатар булгиба.

Холхойн бодожо ерэмсээр,
Конькинъ халба хүрэбэ.
Холхойн урагшаа даб гэмсээр,
Конькинъ гэдэргээ зүдхэбэ.

«Эмээл дээрэ һуугаа бол,
Эгээл унаадхихагүйл һэм,—
Холхой бодоно,—заабол
Хойнонь гараса үйлэдэхэм!..»

Коньки хэды дошхоншьег,
Холхой дары нугалба...
Зүрюу эмниг моридыешье
Зүрхэтэйл хүбүүд ургалдаг.

Номууд

Би олон номуудтайб—
Библиотекем гэдэгби.
Хууданан бүри зурагуудтай,
Хуу сээжээр мэдэдэгби.

Эжы, баабай намнааш олон
Элдэб янзын номуудтай.
Дандаа тэдэнь зузааншые бол,
Дан үсөөн зурагуудтай.

Олон зураг үгышые бол,
Ондоо һонин янзатай.
Баабай, эжым ходол
Баряад һуудаг зантай.

Сай

Шааратай үдхэн сайгаа
Шааяса хорожо байгаад,
Заримдаа хүгшөөдэймнай
Заажа хэлэдэг хамнай:

«Эжын хүмбэйн хайгаар
Хүлдэ ороо гээшэт.
Эжын хайхан сайгаар
Хүн боложо байнат...»

Үдэр бүхэнэй ханимнай,
Үдэшэ үглөөгүй ханадагнай,
Юунһээш үлүү умдамнай,
Юуш эдибэл, уудагнай—

m.a.

Бааяса бусалган шанаһан,
Бад байса эдеэшүүлһэн
Хангалтама һайхан сай,
Ууралтама халуун сай.

Эхэ орон бидэндээ
Элдэб сай бэлдэнхэй—
Дуратайханаа абыш,
Дуран соогоо шаныш.

Халуун газарай шэмэг һайе
Хатуу бөөдээ шэнгээһэн
Урматайхан ногоон сайе
Уужал һуухам гэхээр лэ.

Һүтэй сай уухада,
Һүрхэй гэжэ ойлгосотой.
Саахартайгаар уухада,
Садахаар бэшэ амтатай.
Хараар баһа уухада,
Хамаашьегүй—болохотой...

Айлшан нүхэдөө угтаа бол,
Һайхан сайгаа уулгаарай.
Сайлахада гүсын багадаа бол,
Самовар абаад табяарай...

Зарим ехэшүүл юундэ,
Заатагүй шэнгээр юундэ
Шэлтэй гашуун юумэ
Шэнгээжэ ядан уунаб?...

Тэрэнээ уужа зобонхаар,
Тэншүү болоод ябанхаар,
Хэтын хүндэ — һайхан сай
Хэдыш аягаар бариһай!..

Галданай шэдитэ малгай

Хурьганай арһаар оёнхой,
Хүгшэйн гараар бүтэнхэй
Гайхамшаг найхан малгай
Галданай тархида нуулай.

Шэб шэнэхэн, дулаахан.
Шэхэн һанаа амархан—
Шэмрүүн жабарта сохом
Шэмхүүлхээ болихонь.

Жаргаа гээшэ толгойшые,
Жаргаа гээшэ малгайшые—
Яһала бараг толгой даа,
Яб таараһан малгай даа.

Гэмгүй гэгшын малгайтай —
Гэртээ нуултай байлтай гү?!
Галдан тэрэнээ үмдэнхэй
Газаа харайн гаранхай...

Гэнтэ ойлгон гэхэлээрнь,
Гайхалтай байбал малгайнь!
Шэнэхэн хадаа тиимэлтэй—
Шэдитэй һонин хэбэртэй!..

Һаднаг дээрэ шаазгай,—
Һархайхажа, һайзгай,—
Галданиие харан харан,
Гасаалһандал шаханана.

Галдан шулуу хараашална —
Гансал саһан ялагашана.
Шэдэхэ юумын үгьдэ
Шэнэхэн малгай хиидэбэ...

Ёһоор малгай! Омогорхон,
Ябана Галдан шар-шорхон.
Бодолгото тэрэ болобо...
Бүмбэгэ һанаандань оробо.

Тэрээхэн дороо малгай
Тэнгэри өөдэ ябалай.
Буухатайнь— Галдан зэһэнэ—
Бүхы хүсөөрөө үдхэлнэ.

Саашаа, наашаа, дээшээ, доошоо...
Саһаар «бүмбэгэ» дүүрэшоо...
Һүрхэй бүхэ малгай даа!
Хүгшэй бэрхэл байна даа!..

Газаагуур тиижэ ябатараа,
Галдан оробо амбаартаа—
Ардаг санадаа ерээ гү,
Амтатайе али бэдэрээ гү...

Харан гэһээн, хулгана
Хажуухандань бултаганана...
Хабхаан болоод, малгай
Хаб-ябхан буушалай...

Гайхалтай, шэдитэй малгай!
Галданай хүйхэр толгой!
Юрэдөө, юу хэбэгүйб,
Юу мүнөө үзэбэгүйб?!

Галданай гар модондо —
Малгай мүшэртэ шэрбүүлнэ.

Галданай хүл мүйлхэндэ—
Малгай халтиран түрүүлнэ...

Найн малгай найрхалтай,—
Найрхахын түлөө яалтайб?..
Хөөрхэн тугал-малаадай
Хорёо соогоо хаалгаатай.

Хүнэй хараагаар Галдан,
Хүзүүхэнхээн аналдан,
Мантуу тугалай тархида
Малгайгаа углажархиба!

Тугал ехээр сошоод,
Түрүүшээр байрадаа зогсошоо...

Толгойгоо доошо, дээшэнь
Тонголзуулба һэмээхэн.

Гансата һуга харайн,
Галданаа дайраад, хорёогой
Үүдэнэй унатар мүргэбэ,
Үлүү муухайгаар мөөрэбэ.

Охорхон һүүлээ үргөөд,
Оро бодогүй арилба.
Хойноһоонь Галдан гүйгөөд,
Хоһон хуугай табиба...

Гүй, боли—хэрэг дүүрээ!
Гүндүүхэнээр эндүүрээ
Манай хүдхэ Галдан...
Малгайнь тэрэ урдань

Ара үбэрөө алданхай,
Абаха һэнэггүй хэбтэнэ;
Эди шэдиэ алданхай,
Энэ гэшэгүй хэбтэнэ—

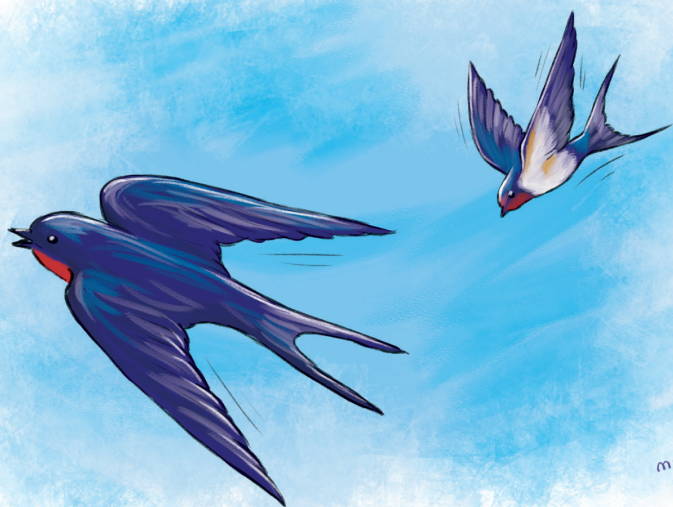
Хурьганай арһаар оёнхой,
Хүгшэйн гараар бүтэнхэй
Мартагдашагүй малгай!
Малгайгаа алдаһан толгой!

Гар хүлөө һанжууһан
Галдан уруу дуруухан.
Яр шаазгайн шаханахань
Ямар энеэдэн шэнгихэм!..

Шэмрүүн жабар шэхэнһээн
Шэмхээд абана ууртай,—
Мохир хургаараа хүгшэйн
Мушхаад абанан хэбэртэй...

Хоёр хараасгай

Эдэ хоёр алтан үбсүүтэй
Эжэл болоһон хараасгай —
Жэлхээ жэлдэ бата хэлсээтэй,
Жэгтэй эбтэй хараасгай.
Холын халуун оронһоо
Компасгүйгөөр, ниидээд,
Зуһалангымнай олоһон лэ,
Зугаалхадажа һуудаг.
Үдэр бүри тооно дорохоно
Үргэлжэ ажаглан харааш наа —
Эжэлүүдгүй дурыем татана
Эдэл хоёр хараасгай.
Һомондол ниидэжэ гараад,
Һолиртол булган заларна.
Наран тээшэ сэхэ хараад,
Намнасалдан,
Мүшэндэл залирна.
Эдэ шубууд— шуран шубууд!
Эдэ шубууд шэнгээр
Агаар хаха зүһөөд,
Аяншалжа ерэнхэйб тэнгэрээр!
Зуралзаха һэм һолир шэнгээр

Замбуулинай замаар.
Ялалзаха нэм одон шэнгээр
Янза бүрийн галаар.
Түбхын түрүүн нарада дэгдээд,
Түбэгшөөнгүй
Марстай золгохо нэм.
Элдэб шухала мэдээсэл бэлдээд,
Эрдэмтэдтэ дуулгаха нэм.
Хүршымни үетэн хүүгэд
Хүрһэтэ дэлхэйдээ бусахадам,
Гар дээрээ үргэжэ дүнгөөд,
Габьяа алдарым
Гагаринтай жэшэхэ нэн...

Туулайдал адли тулюурхан

Барда нохойтоёо сугтаа ябахадаа Болод
Бардам янзын баатар зантай болоод,
Хургаараа занган: «туу-туу», – гээд тухирдаг,
«Хуушан үнөөгөө абахам!» — гээд хүхирдэг.
Хотоной газаагуур нэгэтэ Болодой ябатырынь
Хоёр-гурбан хүбүүд харагдаба хэбэрынь.
«Аһааш!» гэнэн бэеэрээ аргагүй баясаба,
Арадаа ябаһан нохойгоо тухиран табиба.
Үхибүүдые дахаһан үрзэгэрхэн хаб нохойхон
Үни мэдээд, һүүлээ хабшан, зугадаба.
Барда нохой тэрэнэй хойноһоо эрьюулэн,
Бараниие мартажа, Болодоошье орхижо талииба.
Үхибүүдэй хажууда ори гансаараа үлэшөөд,
Үгээ Болод оложо ядана, нугшана...
Тухирдаг, абаруулдаг Барда нохойньшье арилшоод,
Туулайдал адли тулюурхан, нүхэдгүй зогсоно.

НОХОЙН ХОНШООР

Шүрэ, нубһан
Монсойжо, улайжа,
Шүлһөө залгин
Атаарханат.
Жэмэс гэхэдэ
Жэмэс бэшэ,
Жэгтэй юумэндэ
Һанаарханат.
Үлхэжэ уяад,
Зүүдхэл хэжэ,
Үдэр бүри
Нааданат.
Эшэдэнь гэнтэ
Гараараа хүрөө һаа —
Эгэшэ, дүүгүй
Эндүүрнэт:
Харажал байжа,
Мэдэжэл байжа,
«Хаб нохойдо»
Хазуулнат...

Носоргоно

Ногоон соогуур ябахадам,
Носоргоно аһаа тэрлигтэм,
Абаад саашань хаяхадам,
Аһаа дахяад дэгэлдэм.
Энээн шэнги тоомгүйшүүл
Эхин классташ бии ха даа.
Эгээл иимэрхүү алая хүбүү,
Эдир нүхэдни, хараа һэн гүт?

Медвежонок и его приятели

Рассказ охотника

Медвежонку шёл второй месяц от роду. Его нашёл в тайге охотник и в мешке принёс домой. Собаки во дворе обнюхали мешок: от него пахло тайгой и зверем. У собак на загривке поднялась шерсть, они грозно зарычали, залаяли и чуть не разорвали мешок.

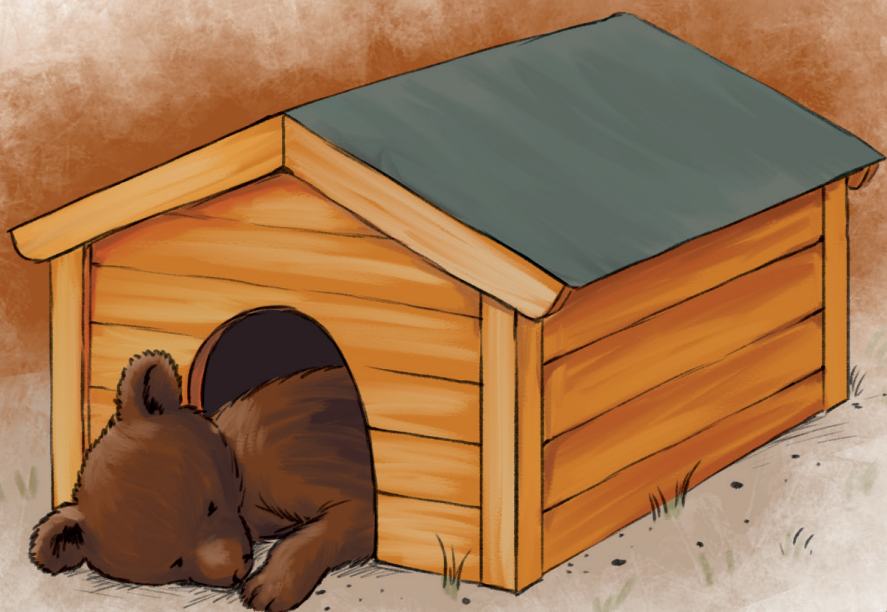
— Не трогать! — приказал хозяин.

Собаки отошли на два шага и продолжали грозно рычать. Охотник, показывая на мешок, стал говорить:

— Мишка наш! Наш! Он мой!

Потом вынул из куля медвежонка, прижал к груди, погладил по головке, даже поцеловал, лишь бы поняли собачки, что медвежонок-то свой, его трогать нельзя.

Собаки нехотя отступили. Охотник взял ломоть хлеба, потёр им по шерсти медвежонка и кинул старшему кобелю. Тот

даже не взглянул на хлеб, не взяли его и остальные собаки. Тогда охотник снова повторил:

— Мишка наш! Наш! Он мой! — и протянул медвежонка к собакам. Лайки перестали рычать, угрюмо посмотрели на хозяина и отвернулись от него. Охотник рассмеялся, погладил матёрого кобеля, наказал:

— Байкал, я надеюсь на тебя! Ты умный! Оберегай малышку!

Вечером медвежонка напоили молоком и уложили спать за печкой. Ночью Мишка искал свою маму, но не нашёл. Наткнулся на спящих детей, забрался к ним в серёдку и заснул.

Утром хозяйка заглянула за печку, а медвежонка нет. Она туда-сюда по избе, заглянула на постель, где спали дети. Рядом с кудрявой головкой Альки покоилась мордочка медвежонка. Хозяйка накинулась на мужа — убирай своего медведя, ребяташки спросонья испугаются.

Пришлось сделать гнездо под сараем. Переселили Мишку туда.

Ночью медвежонок замёрз. Пошёл искать Альку, с которой так хорошо спалось прошлую ночь, но не нашёл. Из конуры, где спали собаки, несло теплом и он влез туда. Одна из лаек отодвинулась, медвежонок оказался в серёдке. Ему стало тепло, и он заснул. Утром хозяйка пошла доить корову и увидела Мишку в конуре среди собак. Она испугалась за медвежонка.

— Собаки-то зверовые! Съедят! Вылазь!..

Медвежонок лениво потянулся, озорно посмотрел на хозяйку и повернулся на другой бок.

Шли дни, медвежонок забавлял всех, со всеми подружился, даже строгая хозяйка простила за курицу, которую он загрыз. Ребятишки сберегали для него свои конфетки и отдавали ему.

Однажды медвежонку захотелось погулять на улице. Ворота были приоткрыты, он вышел на середину улицы. Вдруг с лаем налетели на него чужие собаки. Они злобно лаяли и старались укусить. Мишка поднялся на дыбы и изо всей мочи заревел о помощи. Из ворот выскочили его друзья — хозяйские собаки, подмяли под себя и начали трепать чужих — клочья шерсти полетели! Медвежонок тем временем убежал в ограду.

Лёгким испугом обошёлся Мишка, поэтому быстро позабыл про ту встречу с чужими собаками. Вскоре он бродил по двору с палкой в зубах. Забавлялся...

На озере Медвежьем

Валерка с отцом жили в лесной сторожке, на берегу озера, спрятавшегося в густой зелени хвойного леса. Место это было в стороне от тракта, лесные дороги и те проходили где-то за горой. Ничто не нарушало таежной тишины.

С юга озеро опоясывал темно-зеленый кедровник. Он был настолько густым, что даже в самые солнечные дни здесь царил полумрак.

Тишина, безлюдье и изобилие кормов привлекали сюда и птиц, и зверей. В летнюю пору здешние места походили на огромный детсад. Здесь резвились озорные медвежата, прятались влажноглазые лопухие лосята. В кустах испуганно дрожали крохотные козлята. В дуплах огромных деревьев росли-подрастали пушистые соболята, бельчата, а огромный петух-глухарь с вершины дерева следил за опасными соседями.

Любознательный и терпеливый Валерка частенько, укрывшись в кустах, наблюдал за обитателями кедровника. Постоянным спутником в его походах был смелый пес-медвежатник Абрек; с ним мальчик всюду чувствовал себя как дома.

Озеро Медвежье – богатейший водоем. Рыбы в нем – хоть ведром черпай. Есть и елец, и окунь, и золотой карась. Из ельцов и карасей варили уху, а окуня жарили на рожне.

Изредка к Валерке приезжал дед Аргал. Он учил его как ставить сети, как починять их, где лучше добыть рыбу. Ловкий и смекалистый Валерка быстро усваивал нехитрые премудрости рыбацкого дела, а довольный дед говорил ему: «Молодец, надо с детства привыкать к любой работе». Старый рыбак и охотник умел удивительно хорошо рассказать про тайгу. У каждого, даже самого незначительного уголка этой обширной местности, были свои названия. Например, темный кедровник за озером он называл Ирканою, а отец, работавший лесником, звал его «квадратом номер пять». И больше деда Аргала наверняка никто не знал приключений из жизни байкальских охотников и рыбаков.

Часто у костра с вечерних сумерек до глубокой ночи слушал Валерка дедовы рассказы про охотничьи скитания. А в это время где-то на горе кричит филин, а то громко взревет гуран или грозно рявкнет медведь. Все эти звуки, нарушая ночную тишь, вплетали неизъяснимую прелесть в повествования старика. Таки засыпал Валерка под плавную речь деда Аргала.

Только не любил старый таежник рассказывать людям про свою прошлую жизнь.

— Зачем тратить слова на темную ночь, когда жизнь течет при солнце, – уклонялся он от просьб Валерки рассказать про себя. А порой просто хмурился, делался замкнутым, неразговорчивым. Но сегодня дед уступил Валерке.

– Мы с братом были сироты, – задумчиво глядя вдаль, заговорил он. – Нас подобрала богатые люди, чтоб вырастить себе работников. Мне дали имя Аргал, что означает навоз, а брату – Гулгэн, щенок. И обращались с нами тоже, как с навозом и щенком, – тяжело вздохнув, старик нахмурился и закурил свою трубку.

— А дядя Гулгэн, говорят, был партизаном? – спросил Валерка.

– Он был смелым партизаном... Воевал с Унгерном. Потом ранили. Попал в плен. Барон выколол ему глаза, отрезал нос и уши. Пытался, видимо, выпытать у него что-то. Да разве

орел выдаст своих!.. Русские братья дали ему имя Георгий, с этим именем он и погиб, – тихо закончил старик, кряхтя поднялся и ушел в сторожку.

Взволнованный Валерка по крутой тропинке сбежал на берег. Ему было горько оттого, что заставил деда вспомнить о несчастном детстве и погибшем жуткой смертью брате. А жизнь была так прекрасна! И казалось, это о ней щебетали сидевшие на верхушках деревьев птицы. Залитая солнечным светом поверхность озера была так зеркально прозрачна, что деловито плывшая ондатра казалась Валерке летящей по воздуху. Тенистые берега, поросшие кедровым лесом, убегая в голубую даль, раскрывали чудесную картину. Прекрасен был мир в тот летний день, и печальный рассказ деда не вязался с действительностью.

Чтоб рассеять грустное настроение, Валерка углубился в кедровник. Налетевший ветер раскачивал макушки деревьев, и они, казалось, приветливо кивали юному таежнику. Воздух был напоен сладким ароматом, исходящим от смолы кедра и ели. Стоял чудесный, солнечный август — месяц таежного изобилия: поспели ягоды, орехи. А сколько их было в тайге! Настоящего любителя природы и калачом не выманишь отсюда.

Вдруг со стороны раздался неистовый лай Абрека. Подоспевший Валерка увидел на небольшой кедринке притаившегося соболя. Приглядевшись, он заметил в зубах у хищника маленькую белочку. Возмущенный Валерка с силой бросил в соболя палкой. Хищник, сжавшись в комочек, сделал стремительный прыжок и скрылся в густой хвое рядом стоявшего великана кедра. Погрозив соболю кулаком, мальчик пошел дальше.

Неожиданно перед Валеркой появился маленький юркий бурундук. Вид у зверька был крайне озабоченный. Наступила пора таежной страды: бурундук заготавливал на зиму орехи.

Вот он проворно взбежал на дерево и отгрыз несколько шишек, которые со свистом врезались в моховище. Валер-

ка быстро собрал их и спрятал в густой листве ольхи. Бурундук спустился на землю, но, не найдя шишек, подозрительно огляделся и снова поспешил на дерево. Следующая шишка также попали в руки Валерии. На этот раз у зверька еще больше округлились его черные глазки. Они выражали удивление и гнев. Он суетливо кружился вокруг дерева, останавливался и, оглядываясь во все стороны, высматривал, куда же девались шишки. Ничего не увидев, вскочил на высокий пенек и, внимательно осмотрев окружающие деревья, крохотными передними лапками озабоченно поцарапал за ухом.

«Точно так же делает дед Аргал, когда упустит крупную рыбину», — подумал Валерка. Это рассмешило его, и ему стоило больших усилий не прыснуть от смеха.

А полосатый «артист», повернувшись несколько раз на пне, снова уселся, потер кулачками глазастую мордочку и только теперь заметил человека. После минутного замешательства он взвизгнул и, промелькнув в воздухе, скрылся в сумраке густого кедровника. А Валерка вскочил на пенек и по-мальчишески задорно прокричал:

— Эй-эй! Чудило, шишки-то возьми!..

Расставшись с забавным бурундуком, повеселевший Валерка побежал к воде, видневшейся сквозь ряды стройных деревьев.

По зеркальной лазури озера, клубясь, расползлся черный зловещий дым. А за озером, в пятом квартале, творилось что-то страшное. Огромные красавцы кедры, охваченные пламенем, окутались дымом; который, поднявшись вверх, словно сажей, пачкал синее небо. От этого белые барашки облаков сделались бурыми, а солнце багряно-красным. Сразу же повеяло прохладой. Аромат чудесного воздуха сменился запахом гари. Жутко стало Валерке.словно чья-то огромная рука придавила его, и он растерялся перед развернувшейся картиной лесного пожара.

— Что делать?! Отца нет дома... Бежать за дедом Валерка, не разбирая тропы, кинулся к сторожке.

- Дедушка, пожар!
- Где горит?
- Пятый квартал!
- Черт бы съел ваши кварталы! Какой дурак выдумал их?
- Иркана вся в дыму.
- Вот так бы и сказал! Пошли скорей.

По мере приближения к пожару воздух становился все удушливее и неподвижнее. До слуха доносился глухой грохот падающих деревьев. Дым опускался на озеро, окутывая серебристую поверхность мглой. Через четверть часа Валерка с дедом подходили к месту пожара. От быстрого хода старого таежника мучило удушье. Он остановился и с тревогой посмотрел куда-то в сторону.

- Валерка, нам надо задержать огонь на перешейке.
- А там что? — с тревогой спросил мальчик.
- Перейдет через перешеек, тогда будет гореть вся тайга.

Хорошо зная окрестную тайгу, Валерка сразу же оценил правильность решения деда. Небольшой участок кедровника, где начался пожар, с одной стороны прилегал к озеру, другой — граничил с калтусом. Только узкий перешеек соединял его с остальной тайгой.

Вот на этом коротком рубеже дед с внуком и должны были дать отпор страшному врагу.

Пока огонь движется до перешейка, им нужно будет прорубить просеку и прорыть полосу до почвы.

Дед рубил, а Валерка копал полосу, убирая толстый слой хвои, шишек, веток, перегноя. Весь этот хлам был хорошей пищей для огня.

А пожар подвигался все ближе и ближе. Прорубая просеку, старик далеко ушел вперед.

Руки у Валерки нестерпимо ныли, во рту пересохло; от горячего воздуха гудело в ушах и кружилась голова. Но мальчик подбадривал себя: «Нужно успеть преградить путь огню, иначе погибнут озорные медвежата, сторят забавные лосята, козлята, бельчата... Нужно, обязательно нужно...»

Валерке казалось, что они работают очень долго.

«Когда же кончится перешеек, какой он широкий...»

Наконец вернулся дед и в изнеможении опустился прямо на сырую землю.

— Где моя лопата?

— Сейчас, дедушка, принесу.

Клубы дыма становились все темнее и темнее. Пламя приближалось к тому месту, где упорно трудились два человека.

До калтуса оставалось не более десяти метров, когда дед с тревогой оглянулся назад.

— Валерка, ты теперь один справишься, а я пойду проверить. Чего доброго, огонь может перейти через нашу просеку.

— Иди, дедушка...

На глазах Валерки дед нырнул в искрящийся дым и исчез, словно испарился.

Глаза слезились, Валерке хотелось пить. Пить... хотя бы каплю холодной воды.

Дождь горячих искр свирепствовал теперь уже почти над Валеркиной головой. Пламя жгло, и гарь выжимала слезы из глаз, но Валерка не бросал лопату.

Наконец перешеек закончился и уперся в калтус. Валерка дошел до высокой кочки, из которой росла чахлая березка, и, обняв ее, упал на мокрую траву.

Тело у Валерки ныло, и шея горела от ожога.

— Все!.. Все!.. Кажется, спасли кедровник... Где же дед?

Валерка вскочил и почти на ощупь, спотыкаясь, пошел по просеке, прорубленной дедом. Ему казалось, что даже земля изрыгает желтый, удушливый дым, от которого тошнило и кружилась голова. И вдруг он заметил лежавшего ничком деда. Валерку охватил ужас.

— Дедушка! Дедушка!.. Что ты молчишь? — закричал мальчик и потряс за плечо потерявшего сознание старика.

Дед застонал и попросил воды. Валерка бросился к озеру. Зачерпнув кепкой воды, он вернулся к деду. Старик облегченно вздохнул и приподнял голову.

— Что с тобой, деда?

— Ударило чем-то по голове. Пройдет... — старик долго сидел с закрытыми глазами. Затем, с трудом поднявшись, поддерживаемый Валеркой, словно пьяный, поплелся к воде. Утолив жажду и умывшись, они отошли в сторону и присели на мягкий сырой мох.

Огонь, дойдя до просеки, сердито загудел, но было заметно, что он уже потерял силу.

Наступила ночь. Подул «верховик» и погнал дым к озеру. Зарево пожара освещало всю окрестность. Было светло, словно на вечерней зорьке, когда дневной свет борется с наступающей ночной мглой.

Вдруг до слуха донеслись людские голоса. Прислушавшись, мальчик узнал знакомый голос отца.

— Папа идет!.. И еще кто-то!..

— Слава богу, свое дело мы сделали, — довольным голосом проговорил дед и, закулив трубку, принял важный вид.

— Папа, мы здесь!.. Сюда идите!

— Вот они где притаились! — радостно воскликнул отец и подскочил к поднявшемуся Валерке. Его суровое лицо сияло веселой улыбкой.

— Живы, здоровы! — взглянув на широкую просеку, очищенную от хлама, он покачал головой и развел руками. — Ох, и молодцы вы у меня!

Оставив одного из своих готовить ужин, лесники ушли гасить пожар.

После ужина, когда Валерка, завернувшись в старую шинель отца, смотрел в сторону пожара, его сердце наполнилось радостной гордостью за деда и за себя. Это они спасли от гибели много-много тысяч деревьев, спасли малюсеньких, глупых и беспомощных зверят и пичужек. Глубоко вздохнув, он посмотрел на деда, задумчиво сидевшего у костра.

— Дедушка.

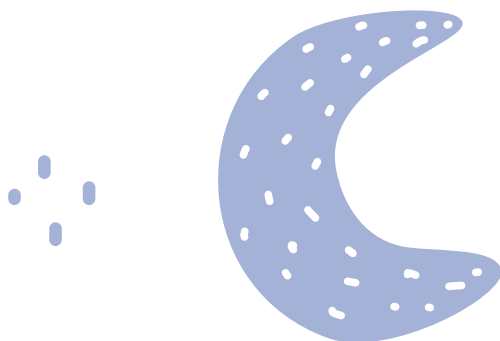
— Что, внучек?

— Я тебя больше не буду звать Аргалом... Я думал, это имя, а оказывается... Лучше буду звать Андреем... Дедушка Андрей.

— Не нужно, внучек, я уже привык носить это имя... Аргал — навоз, Гулгэн — щенок — такие имена давали детям бедняков давным-давно, еще при царе... Пусть мое имя останется горькой памятью о далеком прошлом нашей родины... Спи, внучек.

Валерка хотел возразить, но на него навалилась непреодолимая дрема, и он вдруг оказался в огненно-красной лодке, плывущей по искрящемуся дыму...

Так и уплыл наш Валерка в волшебный мир снов.

Шутка

Данька купил записную книжку. Папа, увидев покупку, шутливо спросил: «Что ты собираешься записывать в неё? Мудрые мысли третьеклассника?» Данька особенно не разбирался, какие мысли мудрые, а какие не очень. Например, считать ли мудрой такую мысль: «Вот найти бы денег и купить велосипед «Комета». Данька не сразу придумал, что записывать в книжечку. И вдруг вспомнил, что у Алёшки на тетрадном листке были записаны фамилии всех друзей, и против фамилий были нарисованы вещи, которые те хотели бы получить в подарок. Вот и Данька по его примеру решил составить такой же список.

Друзей на букву «А» не нашлось. Он старательно вывел на странице с буквой «Б» — «Бороздин Алеша» и задумался, покусывая ручку. Данька знал, что для Алёшки лучшим подарком будет тюбик универсального клея. Алёшка вечно что-нибудь мастерит, и у него одна песенка: «Где бы достать клей «Момент». Но в магазинах такой клей разве достанешь! Данька написал напротив фамилии друга: «клей».

Утром он первым делом вспомнил, что сегодня первое апреля. «Алёшку разыграю! — радостно подумал Данька и помчался в школу. — Алёшку обмануть — легкота! Он — доверчивый».

Но Алёшка в школу не пришёл. Учительница сказала, что у него ангина, и Данька немного огорчился. Но не из-за ангины

Лёшкиной, а из-за того, что сегодня не сможет подшутить над приятелем.

Уже идя из школы, он увидел Алёшку.

Тот как раз выходил из поликлиники.

— Лёха!— обрадовался Данька. Тот поднял голову, заулыбался, но улыбка его была невесёлая, болезненная. Данька подбежал к нему. Он хотел было спросить друга, где мол, тот

измазался известкой, вовремя вспомнил, что так уже обманывал Лёшку в прошлый первоапрель. И, не найдя ничего лучшего, выпалил:

— Лёха, я же тебе «Момент» купил. Дома лежит.

У Лёшки внутри словно лампочка включилась — так он весь засветился!

— Дань, пошли к тебе! Скорее! — Алёшка аж задохнулся от счастья. А Данька корчится от смеха.

— Ты... чего? — растерянно уставился на друга Алёшка.

— Первый апрель — никому не верь! — выпалил довольный Данька.

Лампочка в Алёшке враз погасла. Он повернулся и зашагал прочь.

Об этом случае Данька по телефону рассказал отцу.

«Эх, Данька... — вздохнул он. — А ты, оказывается, жестокий человек!» — голос отца почему-то был строгий.

Данька очень удивился. Разве шутка может быть жестокой? Шутка есть шутка, над ней надо посмеяться — и всё!

Вечером пришёл отец и загадочно взглянул на сына, улыбнулся: «А у меня для тебя сюрприз. Только не скажу какой!» Данька повис у него на руке: «Ну, папка, ну, скажи!»

Папа сказал: «Премию нам дали. Прихожу в магазин, а там «Кометы» продают».

— Ура-а-а!!! — взвизгнул Данька. — И ты купил его?

— За дверью, на площадке! Ты уж сам закатай его в квартиру, сынок!

Данька подскочил к двери, распахнул её и оторопел: площадка была пустой. — А где «Комета»? — пролепетал Данька.

— С первым апреля! — серьёзно сказал отец и положил руку ему на плечо.

Данька рванулся в сторону и с всхлипыванием уткнулся в стенку. Ему было очень, очень плохо.

— А как же Алёша? — спросил отец. — Ему было так же больно, как и тебе сейчас. Но ты хохотал над его обидой. Вот ты понял, что шутки бывают жестокие?

31 августа

Пёс на крыльце замёрз —
Вздрагивал до рассвета.
Ночь переспелых звёзд —
Ночь расставанья с летом.
Мокрые листья берёз
Ещё не сменили цвета.
Утро холодных рос —
Утро прощанья с летом.
Ветер дожди пронёс
Над головами сосен.
День непролитых слёз —
День, за которым Осень...

Между нами — закатом и мной —
Дождь висит шелестящею шторой.
Я по тоненькой струйке одной
В нём прореху творю. Но не скоро
Хлынет свет золотой мне в лицо,
Вспыхнут радуги в каждом оконце...
Ты ведь знаешь: совсем нелегко
Возвращать в мир безрадостный солнце.

Гарай табан хурган

«Эрэ доргондол
Эрзэгэнэхэл даа,
Эзэрхэг хүсэтэйб гэжэ
Эгшэхэл даа!» —
Энэ мэтээр
Эжэл дүрбэмни —
Энэрхы дүүнэрни
Эрхим намдаа,
Эрхыдээ,
Эрхэн гомдоно
заримдаа.
Найрхуу гэжэ һананал ха,
Голхорон дэмы
Гомдонол ха.
«Үгы, эндүүрнэт.
Үлүүсэ дэмы
Үһэринэт.
Ахайтнай
Арайл тиимэ бэшэ даа,
Анхарбалтнай —
Ажана түбшэн зантай,
Ажаллаха нэгэ
Аргатайл даа.
Эрхим бүтээл

Ээлэн, холбон туршагты
Хэһэн юумэээ
Хёрхоор шалгаад
үзэгты.
Ахайтнай
Арайл үлүү болохогүйб —
Анхаржа,
Аршалжа ябахаа
Алишье хирэндэ
Арсахагүйб».
Долёобор хурган
Доёгонохо,
Домтойб гэжэ
Доржогонохо.
Арсалдаадшье яалай —
Арга шадалыень
Аһан һайн мэдэхэбди.
Гасаалаадшье яалай —
Гажаран, уйдан
Гансата дары үншэрхэбди.
Долёоборгүй
Хайшан гээд
Дабһа шэмхэжэ
Абахабта,
Гуурһа яажа
Барихабта,
Гоёор бэшэжэ
Шадахабта?
Бэшэг бэшээд
Үзэгты.
Гоё үзэг
Гарана гү?
Үгэ боложо
Үгэнэ гү?
Долёобор хурганай
Хэрэгтэйе,

Дархалха, урлаха.
Дүйтэйе
Хадуужа ухаандаа абаа гүт?
Даамай саашань
Дамжуулая,
Дүүнэрын наашань
Дахуулая...
Барюул шангаар
Барина гүт?
Альгаа шангаар
Адхана гүт?
Альгадаһанаа
Абиртуулха,
Бажууһанаа
Бахардуулха —
Дунда хурганай
Диилдэшгүй
Шадалтай гээшэнь,
Эжэл нүхэдтөө
Эзэлүүдгүй
Хэрэгтэй гээшэнь!
Нэрэгүй хургаа
Нюугтыл даа,
Зантагар нюдаргаа
Зангидагтыл даа...
Бахархаж дэмыдэ
Болохогүйл,
Бүлэдөө бэшэниинь
Абахагүйл.
Хазаар ногто
Үдэгты,
Наринаар эдлээд
Үзэгты —
Ажал боложо
Үгэнэ гү,
Хэрэг тиигээд
Хүсэбэ гү?

Нэрэгүйшье наа,
Нэрэтэйдээ
Нилээд ехэ
Хэрэгтэй.
«Шэгшы хурган
Шэнээгүй,
Шэгшы хурган
Шэмээгүй» —
Голодог бэлэйт
Энээнээ,
Газаалдаг бэлэйт
Хэзээнхээ.
Шэгшыгүйгөөр
Шүрбэнхээ
Шангадхаад
Туршагты,
Шангаар адхаад
Абагты,
Багса баряад
Бажуугты:
Шэгшын шэнээ
Мэдэбэ гүт,
Туһатай байһынъ
Тааба гүт?
Эсэгын хүбүүд
Эбтэйдээ
«Эрэ» гэжэ
Нэрлүүлдэг.
Аха дүүнэр
Хамтадаа
Хабатай гэжэ
Тоолуулдаг —
Энэ эжым
Үгэл даа,
Абым хэлэнхэн
Захяал даа!

ХЭШЭЭЛ НААДАН

Нахигар бэетэй
Найманнаа
Хотогор хоёрые
Хороогты.
Доолод гэнэн
Долоон дээрэ
Нүтэгэр нэгые
Нэмэгты.
Табхагархан
Табанда
Гудагар гурбые
Үсхэгты.
Зүб лэ хадань
Залхуурангүй,
Хадуужа тэндэнь
Абагты.
Буруу хадань
Бү орхигты,
Баһа дахин
Бодогты.
Арбай томо
Арбаннаа
Дэрэгэр дүрбые
Абагты.
Шашалдангүй
Шалгагты,

Зааханш алдуу
Заагты.
Ехэлиг юһые
Ёһотойхоноор
Гурбан хубида
Хубаагты.
Харюунь халта
Гараба гү?
Үсхөөд дахин
Үзэгты.
Хоёрдохи «А»-гай
Хандама
Хатуу шангаар
«Багшалаад»,
Зургаатайхан
Хүүгэдтэ
Тоо бодолго
Бодуулжа һургана.
Жэшээнүүдые
Хүүлэжэ һургана.
Томоотойхон һурагшадынъ
Түһәншэ юм даа.
Ножортойхон һурагшадынъ
Нонюуша юм даа!

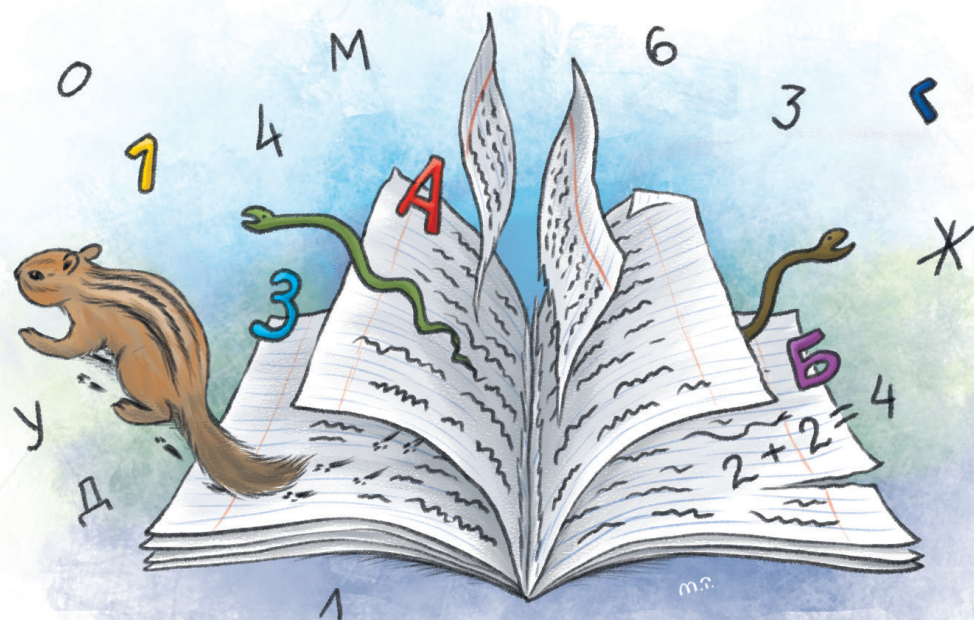
Саарһан

Саарһан, юундэ
Сагаан юмши?
Саарһан, юундэ
Ягаан юмши?
Хэдыхэн соо
Хирэдэ хушагдааш,
Хараһаар байтарни

Харлан будалдааш.
Наланаар байхыеш
Нургаагүйб,
Дагтай ябахыеш
Даалгаагүйб.
Намайе дэмы
Зэмэлүүлнэш,
Намда дэмы
Уурланаш.
Хара саарна
Хэзээ
Хэжэ ехээр
Эхилхэб?
Сагаан шэрэ,
Карандаш
Олоор гаргажа
Захалхаб?
Будалдахаа
Болихо нэнши,
Хирэдэ
Хушагдахагүй нэнши.
Саархан, юундэ
Сагаан юмши?
Саархан, юундэ
Ягаан юмши?

Дэбтэр

Дэбтэр соошни
Бэшээтэй
Дэмы үгэнүүд
Бэшэл даа.
Дүримүүд, шүлэгүүд
Жэшээнүүд —

Дэлхэй ехэ
 Эрдэм лэ!
 Дуунууд, зурагууд
 Даабаринууд —
 Далай ехэ
 Эрдэм лэ!
 Эндэ байһан
 Дэбтэрыш
 Иража хараад
 Үзэебди.

Жэгдэ бэшэгэй
 Орондо
 Жэрхиин мүнүүд
 Жэрынэ,

Гоё зурагай
 Орондо

Могойн мүрнүүд
Годирно.
Булангуудынъ
Нугалнаш,
Булай налан
Байнаш даа.
Эрмэгыень
Элээнэш,
Эрхэ алая
Байнаш даа
Шурд байса
Шуулахадаш —
Шэшэрэн арайл
Алдана.
Хуудаһадынъ
Хахалхадаш —
Хуухым үһэн үрзынэ.
Хэлэтэй, аматай
Хадаа
Хэлэхэл бэлэй заатагүй
Хүлтэй, гартай
Хадаа
Хэһээхэл бэлэй заатагүй!

ХЭН ЗЭМЭТЭЙБ?

Номһоо
Найдалтай
Нүхэр байхагүй —
Бултые мэдэхэ,
Бэхи тулгатай,
Бэрхэшээлһээ айхагүй.

Нэгэтэ тэрэнээ
Нарилан абалайб.
Наршагануур хууданыень
Нэхэжэ харалайб.

Енгэрхэбэ,
Ехэл сухалтай —
Эзэн намдаа
Эзэгүй туматай.

Шүлэгөө сээжэлдэхэ
Шуналтай
Шагааахадан,
Айдхатай,—
Шуһан улаан
Шэрэ
Шүлэг дээрэм
Адхаатай.

Үльгэр уншаха
Үшөө ханаатай
Үхын-үлын
Үзэхэдэм —
Хэрэгтэй хуудан
Хахадсаа шуулаатай,
Сэнтэн хүйтэрбэ
Сэдьхэлдэм.

Дүхын
Дахии нуунаб —
Дүримөө дабтаха
Даабаритай.
Дүрим дээгүүрни
Далжытар
Долоон самолёт
Зураатай.

Дүримөө тииһээр
Дабтаагүйб,
Удхыншье тииһээр
Ойлгоогүйб,
Үльгэрөөшье
Үзөөгүйб,
Шүлэгөөшье
Шудалаагүйб.

Дэмыдэ үлүү үзэжэ,
Доромжолхоо номоо
Болёолби!
Олоной нүхэр гэжэ
Одоошье тиихэдэ
Ойлгоолби!

ҮНШЭН сагаан ботогон

ПОЭМЭНҮҮД

Элхэн губиин хужааг соо
Үншэрөө гэдэг жаа ботогон...
Сүүбэн гуринха шонодо
Хүсэгдэжэ баригдаад:
«Хүүгэм, хаанабши?
Хүүгэмни!
Хүлээ намайгаа, хүбүүмни!»
— Эльгэн сооһоо үгэлһөөр,
Зүрхэн сооһоо ооголһоор
Эхэнь энэ дэлхэйтэй
Үүгэнэн, хүүгэнэн хахасаба.
Элхэн губиин тала дунда
Үншэрөөд ботогон үлөө һэн.
Огто ори гансаараа,
Онсо ганса амяараа
«Зүгэй зүбые барихам» гээд,
Зобооно даа ханаагаа.
«Эжыгээ бэдэржэ олохом» гээд,
Эрмэлзэнэ урагшаа.
Хоёр хара нюдэнһөөнь
Халуун нулимса мэлмэрнэ,
Тобшохон хоёр нюдэнһөөнь
Тоб-тоб нулимса дуһална.
Губи заха хизааргүй,

Губи харгы улашьегүй —
Тойроод элхэн гүбээнүүд,
Тойроод ганга түнхэнүүд.
Үншэн ботогон үндыжэ,
Үнэрдэнэ хэбэртэй,
Эхын үнэр хамартань
Үзэгдэнэгүй баарһанда.
Дүрбэн нариихан хүл дээрээ
Дүүлеэд эгсэ бодошобо.
Һонордожо шэхээрээ
Һулаханшые һаа абья хүлеэнэ.
Эхын үүгэнээ дууланагүй,
Эхын үнэр абанагүй.
«Амидыханшые амитан хадаа
Арга мүрөө олохом даа...»
Хайшаа-яшаа хараашалаад,
Харгы зүргэ бэдэрнэ:

Харагдаха юумэ бэшэл даа,
Үзэгдэхэ юумэ үгы даа.
«Ядаһаншье сагтаа эжыгээ
Ябажа ошожо бэдэрхэм.
Ямаршье хэсүү байгаашье һаань,
Яашье оложо үзэхэмни».
Үншөө иигэжэ бодоно даа,
Эжын хүбүүн зорино даа.
Бүтүү зүглөөд ябана даа,
Бүдэрөөдшье, унаадшье абана даа.
Үншэрһэн жаа тэмээхэн
Үргэлжэлүүлнэ харгыгаа.
Элһэн ботогые эсээнэ,
Элһэн турууень элээнэ.
Үлдэһэн, тураһан ботогон
Үл залгахаа һанаашье һаа,
Үзүүртэйхэншье ногоое
Үзэнэгүй даа нюдэндөө.
Уһанай дуһал олдоногүй,
Ууралайшье бааяха үзэгдэнэгүй.
Тулиһан ботогон замшана,
Түрэхэн эхээ бэдэрнэ.
Шэхэнэйнгээ үзүүр һонордуулна,
Нюдэнэйнгөө гал хурсадхана:
Дуудахыень дуулажал ядана,
Ооглохыень ойлгожол ядана.
Уйлажа, уйдажа ботогон
Унаадшье, бодоодшье абана.
Урагшаал баарһан замшана.
Түрэхэн эхынь дүрсэ
Түрэнхэй даа тархи соонь.
Энхэрэг эхынь дүрсэ
Эльгэ сээжэ, зүрхэн соонь.
Золоо алдаһан ботогомнай,
Зобожо ябаһан баарһамнай
Алтай дайда хүрэхэ даа.

Агаараарнь амилна,
Аршаан булагһаань ундална.
Амтата ногооень үмхэнэ,
Арын ногоо ногоогоор
Амта абажа хооллобо,
Уһан горхо булагһаань
Ундаа ботогон харяаба.
Үншэн ботогон тэнхээ абаад,
Үргэлжэлүүлбэ мур замаа.
Шэбэд гэхэн абяанда
Шэхээ табина үншөөдэй.
Һабид гэхэн абяе
Һанаа даран шагнана,
Эхын абяа хүлээнэ.
Алтай дабаае дабаба даа —
Ара таладаа үлөөбэ.
Эсэшэһэн ботоогодой
Элһэ эсхэжэ ябана даа.
Тулишаһан үншөөдэй
Талын утые ахина даа.
Яба ябаһаар ядуухай,
Зобо зобоһоор зобоодой
Хангай хүрэжэ ерэбэ даа.
Хоолтой орондо оробо даа.
Зорихондоол хүрэнэгүй,
Бэдэрһэнээл олоногүй.
Эхын абяан дуулданагүй,
Эхын түһөө үзэгдэнэгүй.
Хаба шэнээ абанхай,
Хангай дайдые орхибо.
Губи сагаан талые
Гаталхаяа зорибо.
Гурба дэлхэйе эрьехэ
Гунан хурса бодолтой,
Үншөө дабхижа ябана даа,
Эхээл олохо һанаатай.

Борсогор ботогон урдаханаа
Болгоожо юумэ анжарба гү?
«Эжы!» — гэжэ үгэлхэдэнь
Үлэгшэн шоно бодошобо,
Урдань тодоод нуушаба.
Урал амаа долёоно,
Ноёо шүдээ хурсадхана.
Ботогон урдаһаань ошоно,
Ботогон намтараа номноно.
Үншэн амитанай нюдэнһөө
Уһа нулимса мэлмэрнэ.
Хүгшэн шоно хүзүүнһээн
Хөөрхэнөөр хазажа зууба даа.
«Арьяатанай аманда
Орооб», — гэбэ ботогомнай.
Арьяатанай сэдхэлдэ
Амин хайра байха юм байна.
Хорото амитанай зүрхэндэ
Харам хайра байха юм байна.
Талын нэгэ хужаагта
Тобойходоно һэсы гэр.
Үншэн ботогы амыдыгаар
Айлда шоно асарба,
Араатаниие ажаглаад,
Айлай нохой хусаба.
Һүүлты хаража абаад,
Һүхирөө табиба айлайхид.
Хүгшэн шоно шугы руу
Харайн гүйжэ орошобо.
Эзэн баабай газашаа
Эрын түргөөр гараба даа.
Тээ тэрээхэн добо дээрэ
Тэмээнэй хүбүүе хараба даа.
Дүтэ ошоод үзэхэдэнь,
Дүрбэн хүлэйн туруунууд
Элэшэнээр үзэгдэбэ.

Тураһан, арай амидыхан
Тэмээнэй ботогон хэбтэбэ.
Хоёр һүлмы нюдэнһөөнь
Тобогор нулимса гоожонхой.
Хоёр һүлмы нюдэнһөөнь
Хомороор нулимса дуһанхай.
Айлай эзэн ботогы
Абажа гэртээ ерэбэ даа.
Хашаа соогоо оруулжа,
Халуун сайгаар угжаба.
Эсэһэн тулиһан ботогы
Эльбэжэ байгаад хооллуулба.
Үншэн сагаан ботогы
Энхэржэ байгаад дуулаба:
«Элһэн губиин дунда гээ лэ
Үншэн сагаан ботогохон
Эхэһээ ори гансаараа

Үлөөд баарһан ябана гээ лэ.
Утын харгыда уйдана,
Үншэн ботогон уйлана,
Харахан хоёр нюдэнһөөнь
Халуун нулимса мэлмэртнэ.
Үншэн сагаан ботогохон,
Үбэр Алтай хүрэбэ гээ лэ —
Эхын мүрье үзэнэгүйл,
Эхын абяае абанагүйл.
Хайрата үншэн ботогохон
Хангайн хормой хүрэбэ гээ лэ,
Хотон байра олобо гээ лэ,
Хагда ногоондо бэлшэнэ гээ лэ».

Мой характер

Почему характер мой
Вечно ссорится со мной?
Говорят, колюч, как ёж,
И подхода не найдёшь.
Мне ломать характер надо,
Даже мама мне не рада.
Я уроки не учу
И назло себе бурчу:
«География — не птица,
В синем небе не промчится».
Мне б задачи порешать,
Математику понять,
Только вдруг вместо задач
Из-под ручки вылез мяч.
Я царапаю макушку
И... рисую рядом пушку,
Мяч становится ядром,
Бьются красные с врагом...
Почему характер мой
Вечно ссорится со мной?

Очень ждёт...

Мне сказали, что придёт
Этой ночью Новый год.
Он такой, как я, мальчишка,
И коньки торчат под мышкой.

Шапка сбита набекрень...
До чего же долог день!
Я примёрз к окошку прочно,
Познакомиться бы очно,

Про хоккей порассказать,
Кубок можно показать...
Раз мальчишка — Новый год,
Значит он меня поймёт.

Не идут на ум уроки,
Тут играть подходят сроки.
Хорошо бы так дней пять
Все уроки отменять...

Голова склонилась низко,
Ночь к окну подходит близко.
А за нею вслед идёт
Долгожданный Новый год.

Дневник

Дневник — волшебная тетрадь,
Он может много рассказать,
С изнанки вывернуть любого —
Уж это дело дневниково.

У одного легки, как птицы,
Летят пятёрки по странице,
Листки степенные шуршат,
И буквы смирные стоят.

А чистота какая тут!
Хозяин здесь, конечно, труд.
А на обложке: щит и меч,
Девиз — так Родину беречь.

А вот другой: на грязной строчке
Согнулась двойка с жирной точкой.
Здесь единица с длинным носом
И вся страница под вопросом.

А где домашнее задание?
Куда сбежало расписание?
Две кляксы, будто два ежа,
Наверно, двойку сторожат.

Дневник-бедняга так наказан
За то, что к лодырю привязан.
Не будет умницей дневник,
Пока ленится ученик.

Угадай

Кто-то шепчет за окном
И шуршит.
Кто-то белый мягкий снег
Ворошит.

Ходит по двору с метёлкой
И совком
И, наверное, катает
Снежный ком.

Хочет, видно, он слепить
Снеговика,
Только очень неумелая
Рука.

Как тебя, неутомонного,
Зовут?
Это ветер-полуночник
Бродит тут.

СОЛНЫШКИНЫ СЛЕДЫ

На лучистых длинных ножках
Бродит солнце по дорожкам,
Ходит солнце без калош,
Но следы его найдёшь.

Вот проталинка у ёлки
Меж хвоинок старых колких.
А на ней синеет глаз,
Он раскрылся лишь сейчас.

Посмотрите, у тропинки
Вышли щёточкой травинки.
Как купчихи, растолстели
Почки тополя в апреле.

Солнца тёплые следы
Растопили снег и льды.
Целый день поёт капель
И приветствует апрель.

Тополя поспать хотели,
Да растаяли постели.
Убежали на луга
Разомлевшие снега.

Лишь в овраге меж камней
Не журчит ещё ручей:
Солнце мимо проходило,
Заглянуть в ручей забыло.

Про меня и про часы

Подарили мне часы,
Стрелки — чёрные усы.
Жить тогда решил я сам
По минутам и часам.

По часам встаю с постели,
Поднимаюсь еле-еле,
Что поделаешь, ведь сам
Жить решил я по часам.

Географию учу,
Время выдержать хочу,
Прочитаю полстраницы,
Начинаю вдруг лениться.

И не знаю, почему-то
Долго тянутся минуты,
Не торопятся часы
Двигать стрелочки-усы.

Надо сделать передышку.
Я беру коньки под мышку
И стрелою на каток
Прокатиться хоть разок.

Только-только раскатался —
Час невидимо промчался.
Я вздохнул, что делать — сам
Жить решил я по часам.

Обнимашки

Обнимаю мамочку, обнимаю папочку,
И сестру, и братика, и котёнка-лапочку.
Обнимаю деревце, сломанную веточку
Забинтую ласково, привяжу за ленточку.

И щенка ничейного обнимаю нежно я,
В сердце, словно музыка, нежность есть безбрежная.
И щенку ничейному я найду хозяина.
Говорит мне бабушка, что так будет правильно.

Обнимаю дедушку, обнимаю бабушку,
Помогаю дома им, стряпаю оладушки.
Обнимаю родину, обнимаю солнышко,
Моя нежность тёплая, лёгкая, как пёрышко.

Вот уже и вам сейчас улыбнуться хочется.
Может, мы обнимемся, пусть вам похочется.
Вы домой приходите, поделитесь малостью –
Обнимитесь бережно, обнимитесь с радостью.

Обнимашки могут ведь и больного вылечить –
Чтобы помнить, надо тут хоть куплетик выучить:
Обнимаю мамочку, обнимаю папочку,
И сестру, и братика, и котёнка-лапочку.

Здравствуй!

Завтра, на рассвете, выйду на крыльцо,
Солнечные зайчики глянут мне в лицо
Защебечет птичка где-то под кустом,
Здравствуй, утро раннее и родимый дом!
Здравствуй, милый песик!
Здравствуйте, пчела!
Здравствуй, день грядущий мира и добра!
Здравствуй, синеглазая внучка-егоза!
Здравствуй, легкокрылая стрекоза!
Здравствуй, лягушонок на густой траве!
Здравствуй, муравьишка на троне!
Здравствуй все, что в сердце бережно храню.
Всем, кто душу радует, здравствуй, говорю!

Айболит Оксана

Мой дружок заболел,
Не берет игрушку.
Тихо жалобно скулит,
Лапой чешет ушко.
Кузе шерстку постригу,
Искупаю в ванне.
Завтра утром поведу
К доктору Оксанае...

Доктор Кузе за неделю
Вылечила ушко.
А за то, что был послушным,
Угостила сушкой!
Если лапа заболит,
Воспалится рана,
Нам поможет добрый друг
Айболит Оксана!

Жеребенок

Рыжий жеребенок скачет
по поляне,
То взбрыкнет ногами, то
взмахнет хвостом.
Он и не заметит, как
промчится лето,
К осени вернется резвым
скакуном!

День рождения

Дам я курочкам зерна,
А Трезору — кости.
И на завтра приглашу
Всех мальчишек в гости!
Завтра ровно восемь лет,
Как живу на свете.
С днем рождения меня
Вновь поздравят дети!
Да, про девочек забыл
Приглашу их тоже.
Пусть и бабушка придет,
Если только сможет.
Будем дружно все играть,
Петь и веселиться
В этот радостный денек
Плакать не годится!
А потом всех угощу
Орехами и пряником,
На прощание скажу:
«Я уже не малснький!»

Помощница

Налила Танюша в плошку
кошке молока.
Курам, уткам и гусятам
бросила зерна.
Чисто вымыла носуду,
дворик подмела
И старательно, из лейки,
грядки полила.
Навела порядок в доме —
просто не узнать!
Села важно на скамейку
стала маму ждать.
Мама очень удивилась:
«Что за волшебство!»
И с улыбкою сказала:
«Чадушко мое!»

Шагнагты, үхибүүд, дуугайхан...

Шагнагты, үхибүүд, дуугайхан,
Шэмээгүй болон, аргаахан,
Шэхэээ һонороор табин,
Шэдитэ таабаринуудые таагты.

Бү шууягты, аляахан хүүгэд,
Таабариин орондо айлшалай,
Таамаг үгэнүүдые бэдэрэе,
Бодомжолон, түргэн таая!
Дундаа сагаан тоһотой,
Дамбагар хүрин арһатай,
Тэрүү дээрэ үлгөөтэй,
Түншүүрээр сохижо абаха гээ.
Хүбшэ, шэрэнги тайгын
Хушын һамар лэ ха.
Амһартыень тос гүүлээд,
Амтархан сэмэнэбди.

Арюуна басаган баяртай

Арюуна басаган баяртай-
Абань бүмбэгэ бэлэглээ.
Хөөрхэн жаахан гараараа
Хүрөөд абана нааданхайгаа.

Арюунын нааданхай бүмбэгэ
Аятай зохидоор собхорно.
Алим бэ тэнгэри гэнэндэл,
Аяар дээрэ хүрөөд абана.

Үбгэн абань наадалжа,
«Үдхэлөөд үзөө наа» гэнэ.
Өө, болохогүйл гэнэ ашань,
Ондоогоор наададаг юумэл.

Аляа басаган Арюуна
Абадаа эрхэлэн хэлэнэ:
«Сугтаа бүмбэгөөр наадая!
Собхорон түргөөр дэбхэрэ!»

Манай зурагта

Манай үнгэтэ зурагта
Маанадаа хүхээжэ баярлуулна.
Угаа олон хүнүүдые
Экран соогоо багтааж,
Үдэр бүри хөөрэнэ,
Элдэб нониноо зугаална.

Үбгэн абамни нюдэнэйнгөө
Шэл бэдэржэ эхилэнхэй.
Абамни диван дээрээ,
Хүгшэн эжым сүлөөтэйхэн
«Буряад телевидениингээ
«Буряад орон» дамжуулгаяа
Хараяа» гэжэ манаа дуудаа.

Хуһан

Гүрэмэл ута һиихэнүүд
Намаа набшаһадтай һанжан,
Ногоон үнгөөр миралзана,
Гэнжэтэн доошоо унана...

Мүшэртэш няалдаһан набшаһад
Мүнгэн шэнгээр һаршаганаха.
Шэхэнэйшни гоё һиихэнүүд
Шэм-шэм шэбэнэлдэнэ...

ЭДИР зурааша

Эжы абынгаа ажалдаа
Эртэ үглөөгүүр ябамсаар,
Эрдэни долонгир хүбүүмнай
Ээбиитээ хоюулаа үлэбэд.

Ээбиинь аятайхан нуугаад,
Ээрэнэ зөөлөхэн нооһоёо...
Энэбхилэн, аша хүбүүгээ
Эрхэлүүлжэ, толгойень эльбэнэ.

Эрдэнишье согтой хүхюутэй,
Эжы абынгаа бэлэглэһэн
Ялагар шэрэнүүдые табинхай,
Ябтайса нуугааад зурана...

«Миниингээ бүтээһэн зурагууды
Ээбиимни, һонирхожо харыт даа...
Манай гэр,
Байгал нохоймнай,
Эрэн бүмбэгэмни гэшхүүр дээрээ...»

Ээбиинь нүдэнэйнгээ шэл зүүжэ,
Эдир зураашынгаа зурагууды
Хаража нуухадаа заабарилна:
«Харандаагаар түрүүн зурадаг юм...»

«Гэшхүүр, пезшэнэй хоолой хоёрнай
Доошоо хэлтэгы болошоо...
Дүрбэн сонхотой гэрээ
Гоёор зурааш даа» гэжэ магтаба...

Ээбиингээ магтаалда хүртэһэндөө
Эдир зураашамнай урмашан,
Эрэн худалтай миисгэйхэндэ,
Эрбээхэйнүүдые нэмэжэ зураба.

Содержание

Баваасан Абидуев

Шаалай Шаанай хоёр	3
Эрээн гүрөөнэ эмээллэгшэ.....	17
Коти-батор.	
Перевод Ю. Будаева	33
Летучая мышь.	
Перевод Ю. Будаева	36
Учитель Мура.	
Перевод Ю. Будаева	37

Виктория Алагуева

Годива	40
Золотой всадник	46

Солбон Ангабаев

Сагаан саһан.....	54
-------------------	----

Алексей Анготкин

Королева	55
Лужные сапоги	61
Туяна.....	63
Косы	67

Владимир Анищенко

Капели	72
Качели.....	74
Непослушные мышата	75
Я считаю!	76

Метелица	77
Первый снег	77

Цырен-Базар Бадмаев

У козлѐнка выросли рога.	
Перевод Н. Коржавина.....	78
Абида. Перевод Г. Граубина	80
Где коровы?	
Перевод В. Липатова	82
Барашек.	
Перевод Ю. Левитанского	85
Түрэл хэлэн.....	86
«А» үзэг	87
Хонин мөөрэдэг гү,	
маарадаг гү?	89
Үбгэжөөл Барас хоёр.....	91

Цыренжап Бадмаев

Ши яахабши?	101
Зураашан	102
Бүмбэгэ	102
Нохой долёогоо	103
Залхуу миисгэй	104

Филипп Балдаев

Гахан, Гаханай гахай	105
Һүүлтэйнь дээрэ гү,	
али һүүлгүйнь гү?.....	108

Гахай ба могойн хорон	111
Нүнийн эрбээхэй.....	114

Жамьян Балданжабон

Тайны Алханая	117
---------------------	-----

Африкан Бальбутов

Багульник— краса байкальских берегов.....	130
Чау-Чау	138
Буян хэдэг миисгэй.....	153
Адуушанай дуун.....	156
Ангуушад.....	163

Светлана Батуева-Урбанеева

Алдар	167
Алтан намар	168
Елүүр дээрэ.....	168
Хаана наран хоргодоноб?.....	170
Шэнэ телефон.....	171
Эжыгээ зуранаб.....	172
Конфетэ	173

Вадим Бройко

Медведь-путешественник.....	174
-----------------------------	-----

Алексей Гатапов

Первая охота	179
--------------------	-----

Татьяна Григорьева

Воробей Васька	185
----------------------	-----

Николай Дамдинов

Арбан хоёр жэл.....	193
---------------------	-----

Цырендоржи Дамдинжапов

Нутахан.....	198
Шандаган бүргэд хоёр	200
Баабгай	202

Цырен-Дулма Дондогой

Эжыдээ дуратайб	206
Баабайн морин.....	207
Эжымни гамтайхан.....	208
Эгээл хайн	208
Таабайн орден.....	209
Үлгын дуунууд.....	210
Эрэн марьян дэвтэр	212
Бүмбэгэ	213
Бишихан баатарай дуун.....	214

Нима-Цырен Дондокова

Сказки бабушки Данзана	215
------------------------------	-----

Цырен-Дулма Дондокова

Горхохон	218
Нэнгэргүй алха	219
Хүбүүндээ	220
Наран тээшэ	221

Дулгар Доржиева

Үзэглэлни.....	225
Би мэдэхэб.....	226
Минии аба	226
Үнэн үгэ	227
Хэнийн нүхэр бэ?	228
Үлгын дуун	229
Түрэхэн үдэр	229
Сагаалганай болохые хүлээнэб.....	230
Һолонго хэды үнгэтэйб?	230
Эжын һайндэр	232
Саһан	232

Эрдэни Дугаров

Хүгшэн эжы баабайнарни	233
Һайнай үзэглэл.....	234
Һайн үгэнүүд	237
Болоһонһоо ама хүрэдэг.....	239
Үнээд ба морид	240
Багашуулда.....	241
Хүхюун үглөөгүүр.....	241
Жэлэй дүрбэн саг	242
Үлдээнэ гүрөөһэн.....	244

Валентина Дугарова

Сагаалган.....	246
Мандрик	247
Сурхарбан.....	249

Кошка Клея.....	249
Лесной хранитель	250

Бато-Мунко Дышинов

Арсалдаан.....	253
Баян	254
Гэндэнжамса	255

Бато-Мунко Дышинов,**Степан Дырхеев**

Доёр боро, долоон гуринха ...	258
-------------------------------	-----

Дамба Жалсараев

Абга.....	260
Хартаабха	260
Эжэл хоёр.....	261
Мүльһэн дээрэ.....	263
Номууд.....	264
Сай	264
Галданай шэдитэ малгай.....	267

Цыдып Жамбалов

Хоёр хараасгай	271
Туулайдал адли тулюурхан ...	273
Нохойн хоншоор	274

Арсалан Жамбалон

Носоргоно.....	275
----------------	-----

Михаил Жигжитов

Медвежонок и его приятели	276
На озере медвежьем	279

Светлана Захарова

Шутка	287
31 августа.....	290

Жан Зимин

Гарай табан хурган.....	291
Хэшээл наадан	296
Саархан	298
Дэбтэр.....	299
Хэн зэмэтэйб?	301
Үншэн сагаан ботогон	304

Людмила Корнакова

Мой характер	311
Очень ждёт.....	313
Дневник.....	314

Угадай	315
Солнышкины следы.....	316
Про меня и про часы	318
Наталья Красникова Обнимашки	319

Людмила Курочкина

Здравствуй!	320
Айболит Оксана	322
Жеребенок.....	322
День рождения.....	323
Помощница	325

Нина Ленхобоева-Артугаева

Шагнагты, үхибүүд, дуугайхан... ..	326
Арюуна басаган баяртай.....	327
Манай зурагта	329
Хуһан	329
Эдир зурааша	331

Писатели Бурятии детям

Антология в 2-х томах

Том 1

Составители В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова
Редактор Н. Г. Лубсанова

Художник Т. Б. Мердыгеев
Дизайнер А. Л. Жаркой
Корректор Н. Г. Лубсанова

Издательство «Номад»
(ИП Дамдинжапова Октябрина Балдановна)
Республика Бурятия. г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 23, оф. 7.
Тел.: 8 (3012) 211155.
www.nomadbook.ru e-mail: nomadbook@mail.ru

Подписано в печать 01.12. 2023 г. Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 21,0. Заказ № 32. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Принт Лайн».
г. Иркутск, ул. Сергеева 3/4. Тел.: 8 (3952) 48-66-00